

ISSN 0869-544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

Славяноведение

5
2016
СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

- Чуркина И.В. (Москва). Роль русофильства в формировании национального самосознания словенцев 3
- Кирилина Л.А. (Москва). Идеи триализма (югославянский вариант) в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны 18
- Аникеев А.С. (Москва). Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броза Тито (1948–1952) 31
- Селиванов И.Н. (Курск). Беседа Э. Карделя и А.И. Микояна (июнь 1956 года) о проблемах нормализации советско-югославских отношений в свете XX съезда КПСС 43
- Улуян Ар.А. (Москва). Греческое «слабое звено» в оценках и прогнозах советской военной разведки: «критический» 1969 год 54

СООБЩЕНИЯ

- Гребенищикова Г.А. (Санкт-Петербург). Воевать или дружить: по следам исторической мистификации. Проблема достоверности исторических источников 64
- Соколовская О.В. (Москва). Герой на фоне эпохи (судьба М.С. Рошаковского) 71
- Ичйер А. (Москва–Анкара) Сербия и Турция в годы младотурецкой революции 80

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Лантева Л.П. (Москва). А.А. Котляревский – западник в русском славяноведении второй половины XIX века 85

РЕЦЕНЗИИ

- Акимова О.А. Hrvatsko glagoljštvo u europskom okružju. Zbornik radova Međunarodnog znanstvenog skupa povodom 110. obljetnice Staroslavenske akademije i 60. obljetnice Staroslavenskoga instituta 96
- Герд Л.А. L.J. Frary. Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844 101
- Косик В.И. М.В. Тортика (Лобанова). Между молотом европейской модернизации и накопительной евразийских империй: мифы централизма в социал-демократической практике Болгарии и России (конец XIX – начало XX ст.) 105

<i>Петрунина О.Е.</i> Г. Даскалов. Гърция и македонският въпрос (1950–2000): българо-македонският синдром на гръцкия национализъм	107
<i>Кретицин С.В.</i> С. Weber. Krieg der Täter. Der Massenerschiessungen von Katuń	108
<i>Матвеев Г.Ф.</i> J. Szumski. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964.....	110
<i>Ващенко Д.Ю.</i> Е. Gilbert. Az együttérzés irodalmi és vonzatai	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Носов Б.В.</i> Международная научная конференция «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши)» .	118
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Дронов М.Ю.</i> К юбилею Елены Петровны Аксеновой.....	124
<i>Узенёва Е.С.</i> К юбилею Игоря Ивановича Калиганова	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

-
- © Российская академия наук, 2016
 - © ФГУП «Издательство «Наука», 2016
 - © Составление. Редколлегия журнала «Славяноведение», 2016

© 2016 г. И.В. ЧУРКИНА

РОЛЬ РУСОФИЛЬСТВА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СЛОВЕНЦЕВ

В статье рассказывается, как с помощью провозглашения этнической и культурной близости с русскими словенцы утверждали свое право на существование и создание национальной культуры. Во второй половине XIX в. русофильство использовалось ими как орудие борьбы против германизации.

The article discusses how the argument of ethnic and cultural proximity to the Russians was used by Slovenians to proclaim their right to create and have their own national culture. In the second half of the nineteenth century, they were using Russophile sentiments to fight against Germanisation.

Ключевые слова: словенское возрождение, иллиризм, революция 1848 г., австрославизм, югославизм, панславизм, неославизм.

Keywords: Slovenian national revival, Illyrism, Revolution of 1848, Austro-Slavism, Yugoslavism, Panславизм, Neoslavism.

Русофильство было частью национального самосознания у многих славянских народов. Словенцы в этом отношении – не исключение. У них русофильские тенденции появились в последней трети XVIII в., когда в словенских землях начался период национального Возрождения, и молодой словенской интеллигенции понадобились аргументы для поднятия авторитета словенского народа как у соотечественников, так и у европейских «исторических» народов. Это было сложно, поскольку словенцы почти тысячу лет находились в зависимости от немцев и итальянцев, а сведения об их древнем государстве Карантании носили полуполюгендарный характер. Это ясно понимали первые словенские просветители, видевшие в героических традициях близких им славянских народов опору для подтверждения своих национальных стремлений. Тем более, что в европейских научных кругах славян в то время считали единым народом. Такого мнения придерживались немцы И.Г. Гердер и А.Л. Шлецер, чех Й. Добровский и др.

Из всех славян словенские просветители особо выделяли русских. Во-первых, это был единственный славянский народ, имевший независимое государство. Во-вторых, во второй половине XVIII в. Россия была связана союзническими отношениями с Австрией: во время Семилетней войны они совместно сражались против Пруссии, затем с турками и, наконец, с армией революционной Франции. Такое положение также способствовало росту симпатий словенцев к России.

В 1779 г. директор школы в Любляне Блаж Кумердей основал просветительское общество Академия деятельных (*Akademia operozorum*). В речи при ее открытии он указал: «Наша страна так мала, что не может гордиться среди других. Народ,

Чуркина Искра Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

от которого мы исходим, является самым презренным в так называемом цивилизованном мире; только блестящие труды наших родных братьев русских могут это презрение до некоторой степени парализовать» [1. С. 253]. Это было одно из первых русофильских заявлений словенских национальных деятелей.

Интерес к России особенно вырос в период наполеоновских войн, когда Австрия и Россия выступали совместно против французской армии. С 1797 г. в Любляне стала выходить первая газета на словенском языке «Ljublanske novize», редактором и основным автором которой стал первый словенский поэт и журналист Валентин Водник. Уже в первом номере газеты он поместил свою статью о русском языке, в которой утверждал, что «крайний (словенский. – И. Ч.) язык более подобен московитарскому, чем всем другим славянским наречиям. Московитари много слов сохранили, которые нами позабыты и вышли из употребления» (цит. по [2. С. 370]). Переход русских войск под руководством А.В. Суворова через словенские земли в Италию в 1799 г. вызвал оживленный отклик у словенцев. Водник с восторгом приветствовал их в своей газете. «Полторы тысячи лет тому назад – писал он – в наши края пришли первые славяне; они были из русского или других славянских народов: в этом причина, что мы легко понимаем русский язык, дело в том, что они – славяне, корень, от которого рождены наши отцы [...] Сейчас мы видим каких могучих и великих братьев мы имеем в мире, сохранивших в чистоте наш славянский язык [...] Мы должны учиться у них, как защищать свою страну от врагов» [3. С. 60].

В начале XIX в. русофильские настроения затронули и Эрнея Копитара, одного из основателей научного славяноведения, прославившегося впоследствии недоброжелательным отношением к России. Во введении к «Грамматике славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», вышедшей на немецком языке в 1809 г., он излагал свой взгляд на историю и будущее славян. Отмечая, что славяне насчитывают 50 млн человек, Копитар утверждал, что лучшим временем в их истории было время деятельности Кирилла и Мефодия, за которым последовало завоевание их чужеземцами и обособление. «Представьте себе – восклицал Копитар – что при одинаковом воспитании, одинаковом литературном языке и – почему не под властью единого вождя, славянского Владимира – могло бы уже ранее произойти от этого гигантского народа». Сожалея, что так не случилось в далеком прошлом, ученый верил, что для славян еще не все потеряно. «Я говорю – продолжал он – пусть Александр уничтожит крепостное право и [...] мировое владычество достанется ему, к счастью нашему и всего мира; мы, славяне, значительнейшее племя и гуманны от природы» [4. С. 118, 125–126, 134].

Таким образом, в первый период словенского Возрождения русофильство приобрело даже черты политической программы.

Спустя 11 лет после похода Суворова, в 1810 г., моряки адмирала Д.Н. Сенявина в течение двух лет интернированные французами в Триесте, были отправлены пешком через австрийские земли в Петербург. По пути им пришлось проходить и области, населенные словенцами. «Они с сего времени – вспоминал затем один из русских офицеров, В.Б. Броневский – как бы пробудились ото сна: вера, язык и сходство нравов польстило их народной гордости. Для них нет ничего приятнее, как говорить о России, о нашем государстве, правительстве и о счастье быть русским. Мечтания их простираются гораздо далее, нежели можно было бы ожидать от их ограниченных познаний в политике. Словом сказать, присутствие наше поблизости славянских областей сделало сильное в них впечатление, и надобно признаться, что как бы правительство, коему они будут подвластны, ни было бы попечительно, они всегда помышлять будут о России с восхищением» [5. С. 30–31].

Если Кумердей, Водник и Копитар представляли элиту нарождавшейся словенской интеллигенции, то Броневский общался с людьми среднего сословия: небогатыми помещиками, зажиточными крестьянами, почтовыми служащими

и т.д. И его свидетельство указывает, что русофильские настроения проникли и в эту среду, значительно более широкую, чем круг просветителей.

Во время войны России с Наполеоном многие словенские просветители горячо сочувствовали русским, гордились их победами. Я. Примец, первый профессор словенского языка в Грацком университете, писал Я. Зупану, профессору люблянской семинарии: «Русские здесь привлекли к себе общее внимание благодаря победоносному оружию и образцовому поведению в завоеванных провинциях». Далее Примец привел восторженные высказывания о русских словенских просветителях М. Шнейдера и У. Ярника. Шнейдер, в частности, выражал надежду, что русские не только прогонят неприятеля, но и перекуют мечи на орала, чтобы и словенцы могли мирно возделывать свои поля [6. С. 292–293].

Положение изменилось после победы над Наполеоном, когда в Австрии установился меттерниховский режим. Просветительские идеи преследовались властями, видевшими в них источник революционных настроений. В 1830-е годы главной фигурой словенской культурной жизни стал Копитар, который с 1810 г. являлся цензором славянских, греческих и румынских книг, одновременно занимая должность скриптора венской придворной библиотеки. К тому времени он из русофила превратился в убежденного сторонника Австрийской империи и католической церкви. В это время словенские просветители остерегались открыто выражать свои симпатии к России. Однако Лайбахский конгресс Священного союза, проходивший в 1821 г. в Любляне, показал, что интерес к России у словенцев не угас. Спустя сорок лет И.С. Аксаков передавал воспоминания пожилого чиновника о впечатлении люблянцев от встреч с русскими. Словенец рассказал о популярности русского царя Александра I, который был «самый доступный, обходительный и человечный из всех монархов». Собеседник Аксакова говорил, что все русские офицеры через две недели свободно понимали люблянцев, а те – русских [7].

Хорошо принимали словенские национальные деятели путешествовавших в 40-е годы XIX в. по словенским землям русских ученых-славистов И.И. Срезневского, В.И. Григоровича, Н.И. Надеждина и др. Но как указывают пожелания, написанные ими Срезневскому, среди словенских патриотов в то время гораздо больше имели хождение идеи славянской взаимности, чем русофильские. Это было связано с распространением среди них идей чешскославянского национального деятеля Я. Коллара и возникшей на их основе теории иллиризма. Властям не нравилось общение словенских деятелей с русскими учеными. Они обвинили Станко Врза, последовательного сторонника иллиризма, в том, что он якобы способствовал деятельности Срезневского по приобщению словенцев русской короне. В ответ иллир А. Жакель 25 ноября 1845 г. с возмущением писал Врзу: «Какой разумный австриец мог бы помыслить о такой измене? Я думаю, что меньше всего мы, иллиры. И какая бы нам была польза от этого? Разве Россия может нам давать законы, которые бы соответствовали нашим нравам и нашим обычаям?» [8. S. 211].

Во время революции 1848–1849 гг. немецкая либеральная пресса в борьбе против словенских (как и других славянских) национальных деятелей, требовавших прав для своего народа, обвиняла их в стремлении войти в состав России. Идеальный вождь словенцев, один из создателей программы Объединенная Словения Матия Маяр Зильский писал: «Нам свобода милее, чем любое насилие, будь оно русским или франкфуртским» [9]. Маяр и другие словенские идеологи 1848 г. в политических планах подразумевали перестройку Австрийской империи с предоставлением автономных прав ее народам.

После подавления революции словенцы, как и другие славянские народы не добились желаемых политических прав. Уже в начале 1849 г. многие ясно это понимали. «Нас опять хотят продать Франкфурту – с горечью писал Маяр Врзу в начале марта 1849 г. – Фарисеи и писаки всеми силами препятствуют

введению словенского языка, бояре и чиновники действуют как во времена Меттерниха» [10].

И это было мнение не только Маяра. Надежды на Габсбургов рухнули прежде всего у словенских либералов, большинство из которых ранее участвовали в иллирском движении. После разочарования в австрийских властях они стали возлагать свои надежды на идею славянской взаимности. Словенский историк Д. Кермавнер пишет: «Всеславянское сознание [...] являлось [...] частью национального самосознания многих малых славянских народов, которые чувствовали себя не только словенцами, чехами и т.д., но также и славянами». И далее Кермавнер подчеркивает: «Всеславянское сознание было уже само по себе опорой на весь славянский мир и представляло собою сильную моральную поддержку национальному пробуждению малых славянских народов» [11. S. 499].

Словенские национальные деятели, группировавшиеся вокруг Маяра, в 1850-е годы увлеклись созданием общеславянского языка, который должен был содействовать укреплению славянской взаимности.

Идеи Маяра получили поддержку у бывших сторонников иллиризма. С апреля 1850 г. по июль 1853 г. каринтийцы А. Эйншпиллер и А. Янежич издавали в Целовце журнал «Slovenska bčela». Уже в его первом номере Эйншпиллер подчеркивал: «Славянский народ по Божьей милости еще существует и насчитывает 80 млн душ, больше, чем любой другой народ Европы» [12. № 1].

Сторонник Маяра штирийский юрист Р. Разлаг призывал прежде всего очистить словенский литературный язык во всеславянском смысле, указывая: «Мы должны трудиться, чтобы разные наречия и поднаречия слились в один единственный литературный язык, чтобы нас перестали считать маленькими народами, но увидели бы, что мы, славяне, единый народ – один за всех, а все за одного» [12. № 10].

Помимо группы словенских политиков, видевших будущее словенцев в опоре на славянскую взаимность и создание общеславянского литературного языка, в среде словенских патриотов появилось течение, ориентирующееся на Россию. Это было новое поколение словенских либералов, интерес к национальному вопросу у которых возник и развивался под влиянием событий 1848–1849 гг. В 1850-е годы они учились в старших классах гимназий или в университете и мыслили гораздо смелее, чем прежнее поколение либералов. В частной переписке проскальзывали надежды некоторых из них на объединение славян под эгидой России. Студент Ф. Ериша 30 марта 1850 г. в письме к Д. Рудежу писал о желательности введения у славян русского языка в качестве дипломатического и затем заключал: «И бог вест, что бы произошло со временем. Знаешь, немцам при таких мыслях даже страшно становиться» [13. S. 317].

Крымская война пробудила у молодых либералов еще больший интерес к России. Один из их лидеров, Йосип Вошняк, свидетельствует в воспоминаниях об интересе словенских гимназистов к героической обороне Севастополя [14. S. 34]. Симон Енко, выдающийся словенский поэт, написал несколько стихотворений, посвященных этой войне. В одном из них, «День славянский», он приветствовал первые победы русских на Балканах, в другом, «Слезы словенцев», печалился по поводу поражения русских войск, выражая все же уверенность, что единство славян спасет их от гибели [15. S. 218]. Позднее Фран Левец, его друг и впоследствии видный деятель либералов, вспоминая о Енко, утверждал, что он видел спасение славян в создании единого могущественного славянского государства и считал, что без русского народа славяне не имеют будущего [16. S. 213–214].

После поражения в Крымской войне и смерти Николая I его наследник Александр II провел в 1860-е годы ряд реформ, главной из которых была отмена крепостного права. Это дало возможность России развиваться по новому пути. Кроме того были проведены некоторые реформы, касающиеся самоуправления, суда, свободы слова и права организовывать общества. В 1860–1861 гг. подобные

реформы были проведены и в Австрийской монархии, потерпевшей в 1859 г. поражение в войне против Пьемонта и Франции.

Все это дало импульс развитию политической жизни в Словении, где повсеместно возникали различные культурные национальные организации: Словенская Матица, читальни, гимнастические и хоровые общества и т.д. Наиболее массовыми были читальни, которые охватывали широкие слои населения как в городах, так и в селах. Подобные национальные культурные общества постепенно втягивались в политику, тем более, что в первой половине 60-х годов XIX в. в Габсбургской монархии развернулась борьба за ее переустройство. Словенские национальные деятели включились в эту борьбу. Маяр выступил в газете «Kmetijske in rokodelske novice» (далее – «Novice») со статьей «Наше положение», в которой снова поднял вопрос об Объединенной Словении. Многие словенские национальные деятели поддержали его.

В первой половине 1860-х годов наблюдался отход словенских национальных деятелей от русофильских настроений, поскольку в связи с реформами у них снова появились надежды на возможность добиться для себя прав в Австрии. В Габсбургской монархии в то время обсуждались три плана преобразования государства: централистский, федералистский и дуалистический. Централистский подразумевал укрепление центральной власти, федералистский – расширение автономии исторических провинций государства, дуалистический – раздел империи на две части – Венгерское королевство и Австрию, которые будут объединены общим государем, общими министерствами финансов, военным, иностранных дел. Многие словенские национальные деятели выступили в защиту федерализма.

Поражение Австрии в войне против Пруссии в 1866 г. имело следствием введение в Габсбургской монархии дуализма, что изменило отношение словенцев как к австрийским властям, так и к историческому праву. Большинство из них снова выступили за Объединенную Словению, а русофильство вновь стало завоевывать позиции в планах австрийских славян, в том числе и словенцев.

Русские славянофилы рассматривали борьбу славян за национальное право как шаг к сближению с Россией, ибо национальное в широком понимании осмыслялось ими как славянское.

Развитию русофильства среди словенских национальных деятелей способствовала и деятельность славянофилов. В 1858 г. в Москве их усилиями при одобрении властей был учрежден Московский славянский благотворительный комитет. Главное внимание он уделял православным зарубежным славянам, но с начала 1860-х годов его члены стали интересоваться и славянами католического вероисповедания. М.Ф. Раевский (священник русского посольства, являвшийся представителем Славянского комитета) разработал план распространения русского влияния среди славян Австрии. Главную роль он отводил распространению среди славян русских книг и прессы, а также оказанию материальной помощи славянским обществам и отдельным лицам (национальным деятелям и студентам). Среди австрийских славян Раевский обратил внимание и на словенцев. В 1865 г. ему удалось установить контакты с лидером словенских национальных деятелей Я. Блейвейсом, а затем и с главной национальной организацией словенцев Матицей Словенской, учрежденной в 1864 г., которой в конце 1865 г. послал 200 книг, изданных Российской академией наук. Раевский организовал книгообмен с рядом российских обществ, в том числе и с Академией наук. Его деятельность была высоко оценена руководством Матицы Словенской. 18 ноября 1866 г. ее председатель Л. Томан направил письмо Раевскому, в котором говорилось: «С радостью Вам сообщаем, что комитет Словенской Матицы на своем 5-м заседании от 15 ноября сего года [...] по предложению, представленному председателем др. Ловро Томаном, согласно избрал Вас первым почетным членом Матицы Словенской в Любляне. Основанием, которым он подкрепил свое предложение, было Ваше

великодушие, которое уже подарило библиотеке нашего счастливого общества множество книг, и Ваше большое и благотворное старание, благодаря которому Вы благосклонно достали этой библиотеке столько превосходных и очень дорогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг» [17. С. 433]. Следует отметить, что вплоть до распада Габсбургской монархии Матица Словенская не выбрала ни одного почетного члена, который бы не являлся гражданином Австро-Венгрии. Раевский и далее был посредником между словенскими обществами и русскими общественными и научными учреждениями.

Интерес к славянам проявляли и российские властные структуры, разочаровавшиеся после Крымской войны в европейских союзниках по Священному союзу. Это показали празднование Тысячелетия России в 1862 г. и Этнографическая выставка и Славянский съезд, проходившие в Москве в 1867 г. В 1862 г. 30 зарубежных славянских национальных деятелей были награждены русскими орденами, в том числе два словенца – Я. Блейвейс и один из крупнейших славистов второй половины XIX в. Ф. Миклошич. Этнографическая выставка задумывалась как Всероссийская и организовывалась Обществом любителей естествознания при Московском университете. Ей покровительствовала императорская семья. По предложению славянофилов тематика Этнографической выставки была расширена – создан Славянский отдел. Представить этнографические экспонаты предлагалось всем славянским народам. Организацией сбора экспонатов у словенцев занимался Блейвейс, который советовал Раевскому, к кому из национальных деятелей лучше обратиться по этому поводу. Самый крупный дар Этнографической выставке от словенцев и, пожалуй, от всех славян, сделал Маяр. Он прислал костюмы словенцев, изображавших участников словенской свадьбы в Каринтии, эта экспозиция была признана лучшей в Славянском отделе. Устроители выставки пригласили наиболее видных славянских национальных деятелей, в том числе десять словенцев. Из них в Москву поехал только Маяр, остальные, опасаясь репрессий со стороны правительства, отказались под разными предлогами. Кроме Маяра на выставке побывали еще два словенца – купец Иван Вильхар и юрист Александр Худец. Они оба написали из Москвы заметки в «Novice».

Встречи славян с русской общественностью и высшими российскими чиновниками в Петербурге и Москве произвели большое впечатление на славян Австро-Венгрии. После Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда в Москве интерес к России в словенских политических кругах вырос. Наиболее радикальные круги к тому времени образовали группировку, которую стали называть в отличие от круга политиков, поддерживавших Блейвейса, младословенцами. В 1868 г. младословенцы основали свою газету «Slovenski narod». Они решительно поддерживали программу Объединенной Словении. Лидер левого крыла младословенцев Фран Левстик прямо писал: «Объединенная Словения – это первое условие, это *conditio sine qua non* нашего прогресса». А спустя два года он выразился еще более определенно: «Мы, словенцы, или объединимся как нация, или погибнем» [18. С. 314]. Младословенцы стали инициаторами проведения таборов, митингов под открытым небом, на которых десятки тысяч людей высказывались за Объединенную Словению.

Объединенную Словению никто из политиков не представлял себе как самостоятельное государство, лишь как часть некоего большого государства. Югославизм, австрославизм, всеславянские идеи являлись вариантами, дополнявшими программу Объединенной Словении и отвечавшими на вопрос: в каком государстве должна находиться Словения. Югославизм кроме словенцев поддерживали и некоторые национальные деятели хорватов и воеводинских сербов, стремясь создать федерацию Словении, Хорватии и Сербской Воеводины, которая входила бы в состав Австрии. Таким образом, югославизм не выходил за рамки австрославизма.

В конце 1860-х годов у словенских национальных деятелей снова становится популярной идея славянской взаимности. На таборах, говоря об Объединенной Словении, ораторы нередко указывали на братство славянских народов, подчеркивали, что за словенцами стоят 80 млн славян. Эта идея все шире распространялась среди крестьян, являвшихся активными участниками таборов, ее повсеместно пропагандировали среди широких масс народа словенские культурно-просветительские общества. Славянское сознание становилось частью национального самосознания словенцев.

Большинство словенских деятелей, говоря о славянской взаимности, подразумевали прежде всего взаимное сотрудничество славян в совместной борьбе за свои права против усиливающейся германизации. Но, как справедливо подчеркивает словенский историк В. Мелик, призывая австрийских славян к взаимности, они, прежде всего младословенцы, предполагали и возможность скорого распада Австро-Венгрии [19. S. 55–57], вследствие чего перед словенцами встал бы вопрос об обеспечении национального существования.

Особую роль в развитии русофильских идей в словенском национальном движении сыграл Восточный кризис, начавшийся сербским восстанием в Боснии и Герцеговине (1875) и окончившийся русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Все словенские национальные деятели отнеслись к восстанию с полным сочувствием. Некоторые либералы связывали с победой повстанцев далеко идущие планы, надеясь в этом случае на создание на Балканах независимого славянского государства. Словенские патриоты создали комитет, который занимался сбором пожертвований в пользу повстанцев. Словенцы приветствовали и войну Сербии и Черногории с Турцией в 1876 г. Неуспехи повстанцев, разгром сербских и черногорских отрядов привели словенских политиков к убеждению, что только вступление России в войну может обеспечить победу славян на Балканах. Объявление Россией войны Турции 24 апреля 1877 г. было встречено словенской общественностью с воодушевлением и великими надеждами. «Каждый словенец и каждый славянин знает и чувствует, что нашей будет родственная кровь, которая прольется в Болгарии – писал «Slovenski narod» – что успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш» [20. 1877. 28 VI].

С победой России словенские либералы связывали самые смелые планы. «Slovenski narod» опубликовал статью хорватского политика П. Томича, в которой он утверждал, что «решение восточного вопроса [...] принесет и решение чешского, польского и хорватского вопросов». К этому редакция добавила: «С хорватским вопросом будет решен также и словенский вопрос» [20. 1877. 15 VI], подразумевая их политическое освобождение.

Причины этого горячего сочувствия словенцев борьбе балканских славян и русской армии против Османской империи совершенно точно объясняет Мелик. События на Балканах, указывает он, стали для словенцев неотъемлемой частью их собственной политической борьбы. Поскольку симпатии правительства и немецкой партии были на стороне турок, то «всякая победа повстанцев, сербов или русских являлась вместе с тем и словенской победой, а всякое их поражение – также и словенским поражением» [21. S. 272].

Победа России усилила русофильские настроения в словенском обществе. Словенские патриоты стали призывать молодежь изучать русский язык. «Опираясь на знание русского языка и на все духовные достижения этого 80-миллионного народа [...] мы могли бы успешно сопротивляться распространяющемуся германизму и италянизму и сохранить свой характер и язык» – писал корреспондент из Верхней Крайны [20. 1878. 2 IV].

Корреспондент из Трбовель (центр угольной промышленности в словенских землях) сообщал, что простые люди в Трбовлях до войны мало чего слышали о русских, а теперь они желают им самого большого счастья [20. 1877. 6 X]. О том же писал и корреспондент из крестьянской Тухинской долины: все

ее жители радуются победам русских и никто не сочувствует туркам [20. 1877. 1 XI]. Падение Плевны словенская молодежь отметила зажиганием костров на горах, пением и плясками вокруг них, как это обычно делалось в большие праздники еще с языческих времен. Корреспондент из Краса отмечал: «Русский в глазах нашего крестьянина – храбрый силач, которого никто не может победить» [20. 1878. 29 III]. Россия в глазах многих словенцев выросла в могучую защитницу славянских народов. Пример Болгарии, Сербии, Черногории, славянских народов, восстановивших свою государственность с помощью России, казалось, давал мечтам и проектам словенских политиков реальное направление.

В начале 1870-х годов экономический кризис, охвативший все земли Австро-Венгрии, привел к разорению десятков тысяч крестьян, ремесленников, мелких и средних торговцев. С 1874 г. к власти в Вене пришли немецкие либералы, которые начали проводить активную германизаторскую политику по отношению к словенцам и чехам. Венское правительство в этом поддерживали немецкие националистические группировки. Началась усиленная германизация словенцев в Каринтии и Штирии, где во главе провинциальных властей стояли немецкие политики, а немцы составляли большинство населения. Эти условия подогревали русофильство словенцев, особенно в рядах либералов.

В 1879 г. к власти в Вене пришел Э. Таафе, умеренный консерватор, предоставивший некоторые права словенцам, ослабив тем самым германизаторский натиск на них. Часть словенских либералов в новых условиях решила сотрудничать с правящей консервативной партией, но наиболее радикально настроенные либеральные деятели с ними не соглашались. Они группировались вокруг банкира Ивана Хрибара и писателя Ивана Тавчара. К ним был близок поэт И. Стриитар, который в 1870 г. и в 1876–1880 гг. издавал журнал «Zvon», названный так в честь «Колокола» Герцена. Он утверждал, что славянство принесет миру благоденствие и гуманизм и этим будет способствовать его прогрессу. С 1881 г. начал выходить литературный журнал либералов «Ljubljanski zvon», в котором с самого начала оформилось русофильское направление во главе с Ф. Целестином, в 1869–1873 годах жившим в России, с 1873 г. преподававшим славянские языки и литературу в Загребском университете. Целестин, как и русские славянофилы того времени, исходил из убеждения, что славянство представляет собою особый культурный тип. Он отрицательно относился к капиталистическим отношениям, установившимся на Западе, и считал, что лозунги, которые провозгласила Великая французская революция, так и не были осуществлены. Для славян Целестин видел выход «в постоянном прогрессе не только господствующих классов, как это было и есть на Западе, но всего славянского мира в целом вплоть до самых низших слоев» [22. 1887. № 11. S. 680]. Из русских общественных деятелей Целестин больше других ценил славянофилов, особенно И.С. Аксакова. Он считал, что И.С. Аксаков много сделал для отмены крепостного права, что он «с таким ясным сознанием и без всяких предрассудков, такой горячей любовью любил все славянство» [22. 1886. № 11. S. 169–170].

Не только «Ljubljanski zvon» знакомил словенцев с русской литературой и общественными деятелями, им уделял значительное внимание орган радикалов «Slovan» (1884–1887). «Словенский народ – указывалось в газете – это малая часть всего славянства, подобно изолированному озеру, которое постепенно высохнет, если не получит притока из великого славянского моря» [23]. «Slovan» много писал о культуре славянских народов, особое внимание уделяя России. Газета восхваляла идеологию славянофилов, которые первыми обратили внимание русской общественности на самую важную часть народа – крестьян и указали на способ уничтожения гигантских различий в обществе. На ее страницах были опубликованы статьи о А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, Н.В. Гоголе, А.Н. Островском, И.С. Аксакове.

Наиболее активно пропагандировал русофильские идеи главный орган либералов «Slovenski narod». Он находился под контролем Хрибара – директора Национальной типографии, где печаталась газета.

В газете в 1878 г. выступал Целестин, призывая к славянской взаимности под эгидой России [15. S. 295–296]. В 1886–1887 гг. активными корреспондентами газеты являлись Даворин (Мартын Матвеевич) Хостник и Ф. Подгорник. Хостник в 1879 г. эмигрировал в Россию и работал там учителем иностранных языков в гимназии г. Рыльска. Он писал корреспонденции, освещавшие внутренние события в России и сыгравшие определенную роль в формировании словенского русофильства. Их высоко оценивал Хрибар. «Он (Хостник. – И. Ч.) посылал очень остроумные и интересные статьи, которые подписывал псевдонимом “Круторов” – вспоминал впоследствии Хрибар. – Все эти статьи были полны славянского воодушевления и имели целью расчистить путь к сближению славянских народов» [24. S. 88]. Такая оценка указывает на полное согласие Хрибара со взглядами Хостника.

В серии статей «Письма из России» Хостник высоко оценивал манифест 1861 г. Вместе с тем он отметил сохранение антагонизма между помещиком и крестьянами. Хостник описывал русских помещиков (дворян) как недоучек, жестоких людей. В противовес им он рисовал крестьян с большой симпатией, защищая их от характеристик, даваемых им немцами, как воров и пьяниц. «Не верьте этому – утверждал Хостник. – Если русский мужик крадет, то лишь в том случае, если ему грозит смерть от голода [...] Русский народ благороден, добр, честен, нельзя забывать, что 25 лет назад он был еще рабом, скотиной помещика» [20. 1886. 5, 8 IV]. Что касается оценки внешней политики России, то здесь Хостник стоял на позициях русского консервативного журналиста М.Н. Каткова, высказывания которого он не раз цитировал в статьях. В Каткове Хостник видел «искренного патриота, искреннего русского и горячего защитника русского величия и славянской идеи» [20. 1887. 6 VIII].

Главное зло для Хостника воплощала в себе бисмарковская Германия. В статье «Будущая война между Россией и Германией» он писал о неизбежном столкновении славян с немцами. Если Бисмарку «посчастливилось задавить Россию, он может играючи держать в руках другие славянские народы и топить их один за другим в немецком море». Но если Россия в решающей битве уничтожит германский милитаризм, «тогда начнется время, когда славянин сможет жить как хочет, хозяином в своем доме, на своей земле» [20. 1886. 3, 5 IV]. Хостник полагал, что Россия – главный оплот славянства, защитница от насилия немцев. Но и она нуждается в поддержке славян, ибо «Россия черпает значительную часть своего могущества в сочувствии австрийских славян» [20. 1887. 3 X]. В то время как непосредственная угроза германизации словенцев исходила от Вены, Хостник видел главную опасность для них не в Габсбургской монархии, а в объединенной Германии, в ее поддержке австрийских немцев. Признавая огромную роль России в судьбах славян, он предлагал сделать русский язык языком общения между славянами, а также ввести у всех славянских народов единую кирилло-мефодиевскую церковь. Он не называл ее православной, но подчеркивал, что она должна быть независима от Рима и богослужение в ней должно вестись на славянском языке. Хостник решительно выступал против клерикалов, начавших набирать силу в словенских землях и считавших основной чертой словенцев католичество.

Корреспонденции Хостника вызывали недовольство властей, отдельные номера газеты дважды конфисковывали. В октябре 1887 г. в газете «Slovenski narod» была опубликована статья Хостника с критикой австрийского правительства за германизацию ряда славянских областей, а также политики Римского папы, которого он назвал «извергом человечества» [11. S. 402–405, 425]. Статья вызвала бурю негодования в австрийской прессе. Император Франц Иосиф счел возможным упрекнуть словенского депутата в рейхсрате Поклукара в русофильстве сло-

венских газет. Вслед за этим горицкий архиепископ Я. Миссия, один из идеологов словенского клерикализма, 26 ноября опубликовал пасторское послание, подписанное всеми семью епископами горицкого архиепископства. Послание было направлено против газеты «Slovenski narod» и других либеральных изданий, которые обвинялись в антиавстрийских и антикатолических взглядах. Всем верным католикам запрещалось сотрудничать с ними и даже подписываться на них. Послание было опубликовано в клерикальной немецкой газете «Faterland». Это стало сигналом к тому, чтобы были изменены редакция газеты «Slovenski narod» и дирекция Национальной типографии. Словенские издания резко уменьшили число статей, посвященных России, они приобрели чисто информативный характер.

В 90-е годы XIX в. оформились три главные словенские партии современного типа. Этому способствовало возникновение новых классов словенского общества – предпринимателей и рабочих. В 1894 г. либералы основали Национальную партию (с 1905 г. – Национально-прогрессивная партия), в 1895 г. образовалась Католическая национальная партия (с 1905 г. – Словенская народная партия), в 1896 г. была создана Югославянская социал-демократическая партия.

Хрибар стал одним из руководителей Национальной партии. Он посоветовал Подгорнику начать издавать новую газету «Slovanski svet». Она выходила с 1888 по 1892 гг. в Любляне, затем до 1896 г. в Триесте и, наконец, в 1897–1899 годах в Вене. Эта газета стала главным рупором словенских русофилов. Кроме самого Подгорника в ней активно сотрудничали словенские эмигранты в России Д. Хостник (Рощин), Л. Лесковец (Ламурский), а также Ф. Целестин.

Русофилы, объединявшиеся вокруг газеты «Slovanski svet», считали, что славянская культура представляет собою единое целое, отличное от других культур мира. Поэтому славян нельзя просветить и «осчастливить» по общему шаблону. Одновременно Подгорник и его соратники подчеркивали, что славянская культура не отвергает мирового гуманизма, а включает его в себя. Главного врага славянской культуры они видели в немцах, которые всегда стремились ассимилировать славян, навязав им свою культуру. Чтобы выжить как народ, славяне должны создать свою общую культуру, основными столпами которой должны быть общий литературный язык с единым алфавитом и общая славянская церковь [25. 1888. 25 VIII].

Один из корреспондентов, имевший псевдоним «Рпу», объяснял понятие «славянская культура». Он отмечал, что до принятия христианства славяне имели общую мифологию, а в период раннего христианства у них был общий литературный старославянский язык, общее славянское право («Закон судный людям», «Русская правда», «Законник Стефана Душана»), общие социально-экономические организации (задруга, община-мир), общая азбука – кириллица. Корреспондент полагал, что славяне не должны создавать какую-то новую культуру, но оживить и обновить старую [25. 1889. 10 III].

Подгорник особо важным для консолидации славян как единого народа считал принятие ими единого языка. «Язык является – утверждал он – средством национальности: он выражает то, что народ чувствует, осмысливает, творит». Он – лучшее средство для развития народа, создавшего его, ибо каждый народ вкладывает в свой язык свой характер и темперамент. «Славяне были так счастливы в истории – писал Подгорник – что кроме славянских церковных обрядов получили свою особую азбуку и литературный язык, каких в такой полноте не было у других европейских народов, и азбука их сохранилась в литературе до сегодняшнего дня на Востоке» [25. 1888. 25 II].

Подгорник доказывал, что малые славянские народы более других нуждаются в общеславянском языке. «Не легкомыслие, не своеволие – продолжал он – но основательные размышления о национальных границах отечественной литературы заставляют патриотов малых славянских народов советовать им принять

язык большого славянского народа [...] Это необходимо, поскольку большой народ имеет больше средств для развития своей литературы». Из всех славянских народов, по убеждению Подгорника, только русский народ имеет необходимые условия для полноценного развития своего языка [25. 1888. 25 X; 10 XII].

Подгорник указывал, что враги славян навязали им местный патриотизм, разделили их по языку, религии, культуре, стали натравливать их друг на друга: им легче ассимилировать славян поодиночке. Немцы, французы и итальянцы сумели создать общие литературные языки для своих народов. И славянам также нужно иметь единый литературный язык, который можно было бы использовать для развития науки, высшего образования. Для простого народа Подгорник предлагал издавать книги на местном наречии [25. 1891. 10 VIII]. Он считал, что религия, как и язык, является одной из главных черт народа. Так, по его мнению, протестантская церковь наиболее соответствует характеру германских народов, католическая – романских. Что касается славян, то их национальным особенностям более всего отвечает кирилло-мефодиевская церковь [25. 1889. № 15; 1891. № 15]. Только эта церковь может способствовать сохранению славянской национальности. Так России удалось отстоять свою независимость, а сербам и болгарам выдержать четырехсотлетнее турецкое иго и в конце концов тоже вернуть себе независимость только благодаря тому, что у них была кирилло-мефодиевская церковь. В то же время гибель польской государственности и потерю независимости словенцами Подгорник объяснял тем, что они не сумели сохранить кирилло-мефодиевскую церковь и через католическую церковь включились в сферу западной культуры [25. 1893. № 13]. Чтобы сохранить свою национальность, западные славяне должны восстановить у себя кирилло-мефодиевскую церковь. Основными чертами ее русофилы считали греческий обряд и старославянский язык при богослужении [25. 1894. № 15]. Хотя Подгорник и его соратники под кирилло-мефодиевской церковью подразумевали православную, писать об этом открыто они не могли.

Русофилы решительно выступали против идеолога словенской Католической партии яркого клерикала Махничя. Почти в каждом номере газеты «Slovanski svet» помещались статьи, направленные против него и его сторонников. Их называли кликой, отличающейся бесстыдными поступками и терроризмом и убивающей в народе любовь к ближнему, поскольку они натравливали народ, в большинстве глубоко верующий, на тех словенских национальных деятелей, которые не являлись религиозными фанатиками. «Slovanski svet» утверждал, что клерикалы являются латинизаторами и германизаторами. Главными оппонентами сторонников Махничя в газете выступали Хостник и Целестин.

Подгорник и его сторонники считали Национально-прогрессивную партию либералов партией, наиболее полно выражавшей интересы словенцев. Вместе с тем русофилы далеко не во всем соглашались с ними. Хостник упрекал либералов за то, что они изменили отношение к России, недостаточно активно борются с клерикалами, не желают выбить из рук клерикалов оружие веры, что можно сделать только с помощью кирилло-мефодиевской церкви [26. S. 255–261].

Русофилы считали себя наследниками традиций младословенцев, с сочувствием относились к рабочим, к полупролетарским слоям крестьянства. В 1884 г. Подгорник выпустил в Горнице брошюру, подписавшись «Друг рабочих». В начале 1890-х годов он выступал в газете триестских либералов «Edinost» с серией статей по рабочему вопросу [26. S. 255–261]. Подгорник писал, что «весь словенский народ принадлежит рабочему сословию», что рабочими являются крестьяне, мелкие предприниматели, ремесленники, поденщики, поскольку все они страдают от крупного капитала и эксплуатируются им. Являясь рабочим сословием, словенцы не могут находиться во враждебных отношениях с пролетариатом. Подгорник приветствовал борьбу за сокращение рабочего дня, за увеличение заработной платы, но он выступал против отмены частной собственности на средства произ-

водства, предостерегал рабочих от социал-демократов, считая, что те действуют в интересах еврейского капитала. В качестве доказательства он приводил высказывания Маркса и Лассаля. Ему не нравились их выступления против частной собственности и особенно их интернационализм, который он называл «космополитизм рабочего сословия» [25. 1895. № 18].

Русофилы выступали за всеобщее избирательное право, призывали славянских политиков и рабочих объединиться для достижения этой цели. Они пропагандировали создание ссудно-сберегательных касс по образцу тех, которые создавал Шульце-Делич.

Таким образом, в отношении социально-экономических вопросов русофилы стояли на левом крыле либерального движения.

В культурном отношении русофилы несомненно были панславистами. Что же касается политических взглядов, то в центре их политической программы стояла Объединенная Словения. Они были убеждены, что как самостоятельное государство она существовать не может. «В настоящее время – утверждал Подгорник – даже государство с 30 и более миллионами населения не может остаться полностью независимым, если не имеет природных ресурсов, с помощью которых может развивать самостоятельную государственную экономику» [25. 1895. № 32]. Он полагал, что Объединенная Словения должна находиться в составе Австрийской монархии, переустроенной в федерацию. Всего в эту федерацию входило бы восемь национальных единиц: Вена с окрестностями, австро-немецкая, югославянская, чешская, польская, галицко-русинская, румынская, венгерская. Югославянская единица должна была включать Крайну, Горицу, Триест, словенские области Штирии и Каринтии, Далмацию, Истрию, Хорватию, Славонию, Риеку, словенские комитаты Венгрии (Ваш и Зала), сербскую Воеводину, Боснию и Герцеговину [25. 1889. № 16; 1891. № 1].

Русофилы не являлись особой партией, но представляли собою достаточно тесно сплоченную группу, имевшую свою программу и свой печатный орган. Они сами считали себя либералами, но по некоторым вопросам стояли на самом левом крыле либерализма. В политических условиях Австро-Венгрии последнего десятилетия XIX в. они не имели возможности добиться среди словенцев значительного успеха. Их поддерживали радикально настроенные студенты, представители движения, боровшегося за права женщин, некоторые интеллигенты. Но уже к концу XIX в. эта группа распалась, поскольку «Slovanski svet» не имел достаточно подписчиков и вынужден был прекратить существование.

В начале XX в. русофильские настроения претерпели изменения. После аннексии в 1908 г. Боснии и Герцеговины у клерикалов и либералов стали популярными планы триалистического переустройства Габсбургской монархии, т.е. создания наряду с Австрией и Венгерским королевством Югославянского объединения, в которое бы входили все южнославянские земли габсбургских владений.

Вместе с тем интерес к русскому народу, к русской культуре не угас. Еще в 1899 г. по инициативе врача Людевита Енко в Любляне был создан Русский кружок для изучения русского языка и русской культуры. Статут кружка был утвержден крайскими властями. В ноябре 1900 г. «Ljubljanski zvon» поместил объявление, в котором отмечалось: «Не должно быть ни одного молодого образованного словенца, который бы не знал русский язык настолько, чтобы читать русских писателей в оригинале» [22. 1900. № 11]. По примеру Любляны в начале XX в. русские кружки появились в Идрии, Триесте, Целье, Мариборе, Горице и других местах. Их созданию способствовал И. Хрибар, являвшийся в течение многих лет жупаном Любляны.

В конце XIX – начале XX вв. в Россию на стажировку от Венского университета отправились трое молодых словенских славистов: в 1887–1889 гг. литературовед и этнограф Матия Мурко; в 1900–1902 гг. языковед Райко Нахтигал; в 1903–1904 гг. Иван Приятель, литературовед, переводчик с русского языка

на словенский. Все они активно общались с крупнейшими русскими учеными: Е.Ф. Коршем, О.Ф. Миллером, А.Н. Веселовским, А.Н. Пыпиным, А.А. Шахматовым и др. По словам историка словенской литературы А. Слюдняка, общение Мурко с Веселовским и Пыпиным оказало на него плодотворное влияние. «Мурко – отмечает Слюдняк – развился в научном отношении и обогатился в своей профессии: только в школе Веселовского и Пыпина он получил возможность из узкого слависта и германиста венской школы превратиться в историка славянских литератур в сравнительном плане и в этнографа и публициста с широким кругозором» [27]. Те же слова можно отнести к Приятелю и Нахтигалу, которые после основания университета в Любляне (1919) стали там первыми преподавателями-славистами и благодаря которым славистическое отделение университета с самого начала развивалось на европейском уровне.

Словенские земли в это же время посетили филолог Н.М. Петровский, этнографы А.Н. и В.Н. Харузины, филолог и археограф А.И. Яцемирский и др. В русской печати появились переводы стихотворений, сделанные Н. Новичем и С. Штейном. В России отметили столетие со дня рождения Ф. Прешерна выходом в свет переводов его произведений, сделанный Е.Ф. Коршем [28]. В Киеве вышла в 1902 г. брошюра А.И. Степовича «К столетию со дня рождения словинского поэта Прешерна».

Много сделали для знакомства русской общественности со словенской культурой словенские эмигранты в России Д. Хостник, Ф. Штифтар и др. Большое исследование «Словенцы и их литература» опубликовал в «Славянских известиях» И. Приятель [29]. Особый интерес представляет труд Н.М. Петровского о Е. Копитаре, основанный на огромном фактическом материале, который до сих пор считается лучшим из написанных работ о великом словенском ученом [4].

Среди словенских культурных и политических деятелей в последние три десятилетия перед Первой мировой войной несмотря на репрессии властей интерес к русской культуре только увеличивался. Словенские поэты Антон Ашкерц и Иван Весел издали «Антологию русской поэзии» в 1901 г. в Горице. В газете «Ljubljanske zvon» публиковались статьи А.А. Вольнского о русских поэтах и новеллистах. Вплоть до Первой мировой войны в либеральных изданиях печатались статьи о русских писателях, переводы произведений русских писателей (Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Л.Н. Толстого и А.К. Толстого, Чехова, Горького и др.). Нужно отметить, что и некоторые католические журналы, например «Dom in svet», помещали на своих страницах статьи о русской литературе.

В последние три десятилетия перед Первой мировой войной русско-словенские культурные и научные связи развивались наиболее успешно. В эти годы Россией интересовались широкие круги словенской интеллигенции.

И после краха издания Подгорника среди словенцев не исчезли идеи опоры на Россию, идеи славянской взаимности. Однако они претерпели изменения, так же, как претерпели изменения политические условия в Европе. В 1907 г. Австро-Венгрия объявила о присоединении Боснии и Герцеговины, что увеличило ее славянское население. Многие славянские национальные деятели, как либералы, так и клерикалы, в целом одобрили аннексию этих славянских территорий и поддержали план превращения Австро-Венгрии в триалистическое образование.

В свете новых обстоятельств сформировался новый вариант славянской взаимности – неославизм. Неослависты считали, что славяне должны оставаться в тех государствах, где они находятся в настоящее время и не стремиться выйти из них. Вместе с тем они должны налаживать между собою культурные и экономические связи. Одной из своих главных задач они видели в отржении Габсбургской монархии от союза с Германией и установления ею союзных отношений с Россией. Неославизм был популярен у чехов и словенцев, ему сочувствовали в России, некоторые русинские, словацкие, болгарские деятели.

В словенских землях неославистов возглавлял Иван Хрибар, один из наиболее последовательных русофилов. В мае 1908 г. он вместе с чешским лидером неославистов К. Крамаржем побывал на подготовительном съезде неославистов в Петербурге. Выступая там, он выдвинул конкретную программу развития межславянских отношений. Хрибар предложил создать Славянский банк, который способствовал бы развитию торговли между славянскими землями и их индустриализации. Кроме того он предлагал организовать торговлю славянскими книгами в крупных славянских городах. Россия, по его мнению, должна была организовать у себя сокольское движение, а также обучение крестьян новейшим методам ведения сельского хозяйства, посылая их в образцовые хозяйства австрийских крестьян. В Австрии, считал Хрибар, нужно добиться, чтобы в славянских школах изучали русский язык.

Еще один вариант русофильских настроений у словенцев представляла идеология Янко Лаврина (1887–1986), уроженца Белой Крайны. Лаврин в 1907 г. окончил гимназию и, получив значительное наследство, отправился путешествовать в Европу. Он посетил скандинавские страны, Францию. Однако решил остановиться в России. В 1908–1911 гг. он издавал журнал «Славянский мир», объединивший вокруг себя левое крыло деятелей, сочувствовавших славянской идее.

В самом первом номере «Славянский мир» заявлял о своей беспартийности [30. С. 1]. В этом же номере в обширной статье «Русский язык и славяне» Лаврин, указав, что до сих пор славяне были пищей для таких политических спрутов, как Австрия, подчеркнул, что причиной этого стала постоянная вражда славян друг с другом. Он полагал, что объединение славян в единое политическое целое является утопической идеей, «но зато тем сильнее обозначается стремление к объединению культурному». Такое объединение должно произойти на базе общего литературного языка, которым должен стать русский язык. «Чувствуется – продолжил Лаврин – что язык, на котором говорит 2/3 всех славян, язык, понимаемый от Балкан до Ледовитого океана, от Австрии и Германии до границ Китая, язык, давший миру одну из лучших литератур, больше всего имеет право стать общеславянским» [30. С. 43–45]. На Лаврина большое впечатление произвел подъем национального движения сербов, болгар, черногорцев в период Балканских войн 1912–1913 гг., приведших к потере Турцией почти всех владений в Европе. От увлекших его на короткое время глобалистских взглядов он решительно отказался в статье «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение», в которой резко выступил против идеи «всечеловечества» (глобализма) и против той части русской интеллигенции, которая ее пропагандировала. «Русский интеллигент – писал он – культурный евнух: в своем лакейском уходе за Европой он настолько обезличил себя, что утерял всякую органическую живую связь со своим народом». Лаврин был убежден, что «каждая нация, каждая раса может внести в сокровищницу общеевропейских ценностей новые ценности, только оставаясь сама собою, исходя из своей самобытности, из своей индивидуальности». Он утверждал, что настоящего самобытного искусства вне нации, вне родины нет. Рассуждая о борьбе между культурой и цивилизацией, Лаврин с горечью замечал: «Цивилизация съест культуру, что приведет к самому ужасному варварству – варварству цивилизованному» [31]. В этой же статье Лаврин выступил защитником патриотизма малых славянских народов. Он указал, что тот носит оборонительный характер, следовательно является революционным. Его цель не поглощение других народностей, а собственное самоопределение во имя гуманности и справедливости. После начала Первой мировой войны Лаврин отправился на фронт в качестве русского корреспондента и пробыл там до 1916 г.

Таким образом, русофильские настроения словенцев способствовали созданию национальной культуры, в известной степени удержали ее от копирования немецких образцов, содействовали укреплению национального самосознания словенцев, укреплению их уважения к своему языку, культуре, обычаям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kardelj E.* Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970.
2. *Приятель И. А.С.* Пушкин у словенцев // А.С. Пушкин в южнославянских литературах. СПб., 1901.
3. *Vodnik V.* Izbrano delo. Ljubljana, 1970.
4. *Петровский Н.М.* Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906.
5. *Броневский В.* Путешествие от Триеста до С. Петербурга в 1810 г. М., 1828.
6. *Ягич И.В.* Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб., 1897.
7. Рукописный отдел Института русской литературы (ОР ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 5. Д. 25. Л. 5об.–6.
8. *Dolenc J.* Anton Žakelj – rodoljub Ledinski // Loški razgledi. Škofja Loka, 1956. Zv. 3.
9. Slovenija. 1848. 18 VI.
10. Nacionalna i sveučilišna biblioteka. Zagreb. Majar – Vrazu. 4.03.1849. Trezor.
11. *Kermavner D.* Opombe // *Prijatelj J.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, 1958. Zv. 3.
12. Slovenska bčela. 1850.
13. *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, 1955. Zv. 1.
14. *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1905. Zv. 1.
15. *Legiša L., Slodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1959.
16. *Boršnik M.* Fran Celestin. Ljubljana, 1951.
17. Зарубежные славяне и Россия. М., 1975.
18. *Levstik F.* Zbrano delo. Ljubljana, 1959. Kn. 8. S. 212; Ljubljana, 1961. Kn. 9. S. 314.
19. *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma // Zgodovinski časopis. 1968. № 1–2.
20. Slovenski narod.
21. *Melik V.* Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. Stoletja // Zgodovinski časopis. 1974. № 3–4.
22. Ljubljanski zvon.
23. Slovan. 1884. № 1. S. 1.
24. *Hribar I.* Moji spomini. Ljubljana, 1928. D. 1.
25. Slovanski svet.
26. *Kermavner D.* Začetki slovenske socialne demokracije. Ljubljana, 1963.
27. *Slodnjak A.* Matija Murko // Slavistična revija. Ljubljana, 1954. № 5–7. S. 49.
28. *Нович Н.* Словинские поэты. СПб., 1904; *Штейн С.* Славянские поэты. СПб., 1908; *Корш Ф.* Стихотворения Франца Прешерна. М., 1901.
29. Славянские известия. СПб., 1904. № 1–2; СПб., 1905. № 3, 5–6; СПб., 1906. № 1.
30. Славянский мир. СПб., 1908. № 1.
31. Славянский вопрос и его современное значение. СПб., 1913.

© 2016 г. Л.А. КИРИЛИНА

ИДЕИ ТРИАЛИЗМА (ЮГОСЛАВЯНСКИЙ ВАРИАНТ) В АВСТРО-ВЕНГРИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются идеи триализма (югославянский вариант), выдвигавшиеся в начале XX в. в трех политических центрах Австро-Венгерской монархии – в Вене, в хорватских и в словенских землях. Дается сравнительная характеристика ряда проектов, предполагавших создание в империи Габсбургов югославянской государственно-правовой единицы. Преимущественное внимание уделяется выявлению специфики словенского варианта триализма и определению его реальности и возможных перспектив.

The article discusses the ideas of Trialism (the Yugoslavian version), put forward at the beginning of the twentieth century in three political centres of the Austro-Hungarian Monarchy – Vienna, Croatia, and Slovenian lands. It gives a comparative exploration of a number of projects, which implied creation of a Yugoslavian state-national and legal unit in the Habsburg Monarchy. Primary attention is paid to identification of specific features of the Slovenian version of Trialism and definition of its plausibility and its possibilities.

Ключевые слова: триализм, югославянские идеи, эрцгерцог Франц Фердинанд, хорватские праваши, словенские католики

Keywords: Trialism, Yugoslavian ideas, Archduke Franz Ferdinand, Croat Party of the Right (pravaši), Slovenian Catholics.

Идеи преобразования Австро-Венгерской империи из дуалистического в триалистическое государство как попытка разрешить ее национальные проблемы впервые возникли уже вскоре после заключения Соглашения 1867 г. Они разрабатывались представителями разных народов, вкладывавшими в понятие «триализм» собственное содержание. Чешские национальные деятели еще в 1870-е годы выдвинули план образования в рамках империи третьей равноправной политической единицы – Королевства Чехии, Моравии и Силезии, и с этим требованием партия младочехов выступала вплоть до Первой мировой войны. С конца XIX в. требование создания Королевства Хорватии, Славонии и Далмации как самостоятельной, не подчиненной венгерскому правительству, части империи, появилось в государственных программах Хорватской партии права. Оно нашло отражение в Риекской и Задарской декларациях. Словенская Католическая партия (с 1905 г. – Словенская народная партия (СНП), с 1909 г. – Всесловенская народная партия (ВНП) еще в 1898 г. вступила в союз с представителями Хорватской партии права (так называемыми правашами), группировавшимися вокруг газеты «Domovina». Инициатором заключения этого союза был Я. Крек, идеолог и лидер

Кирилина Любовь Алексеевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

словенских христианских социалистов, он и два других делегата от Католической партии, которые тоже были христианскими социалистами, участвовали в съезде правашей в Трсате [1. S. 20–21]. Там была принята совместная хорватско-словенская «триалистическая программа», согласно которой словенские земли должны были объединиться с Хорватией, Славонией, Далмацией и Боснией на основе трех принципов: христианства, хорватского государственного права и создания экономических организаций для народа. Прекмурье, Приморье и Венецианская Словения, однако в этот проект вовсе не были включены.

В начале XX в., в преддверии Первой мировой войны, планы реорганизации империи на основах триализма стали разрабатываться наиболее интенсивно. Внутренний политический кризис в монархии и ее пошатнувшееся международное положение требовали глобального пересмотра принципов внутренней и внешней политики многонациональной империи. Два мощных фактора подтолкнули политиков империи к активизации разработки планов преобразований. Внутриполитическим стала избирательная реформа 1907 г., согласно которой было введено всеобщее (для мужчин), равное, прямое, тайное голосование. Она явилась завершающим этапом серии избирательных реформ и серьезным шагом вперед на пути демократизации политической жизни империи и увеличения роли в ней немецких народов. Важнейшим внешнеполитическим фактором стала аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г.

Разработка триалистических концепций проходила главным образом в трех политических центрах: в Вене – кругом лиц, приближенных к престолонаследнику Францу Фердинанду, в хорватских землях – правашами и в словенских землях – католической партии [2. S. 66]. Варианты триализма, предлагавшиеся в каждом из этих центров, сильно различались между собой.

Активизация политики, направленной на переустройство монархии, началась в октябре 1906 г., когда министром иностранных дел стал барон А. фон Эренталь. Он видел ключ к разрешению внутренних проблем двуединой монархии во включении в ее жизнь ряда новых политико-правовых единиц, что позволило бы малым народам удовлетворить свои национальные амбиции и в то же время укрепило бы роль Австрии как модератора общеимперской политики, ослабив позиции Венгрии [3. S. 71. Op. 4]. Первым шагом к осуществлению этой стратегии Эренталь считал разрешение югославянского вопроса путем образования в монархии третьей государственной единицы – югославянской.

В меморандумах, направленных императору Францу Иосифу в феврале 1907 г., он выступил с концепцией введения в империи «субдуализма». Согласно плану Эренталья, Австрия должна была уступить Венгрии Далмацию и присоединить ее вместе с Боснией и Герцеговиной к Хорватии – Славонии. Предполагалось, что все эти земли составят «южнославянское объединение в рамках короны св. Стефана» с центром в Загребе. Однако Эренталь допускал возможность того, что это «южнославянское объединение» со временем «выведет монархию на путь, вероятно, наиболее подходящий для ее прогресса: на путь триализма». Вариант образования федерации из большего числа политических единиц министр исключал [4. P. 531].

Субдуалистический вариант преобразования монархии рассматривался также некоторыми венгерскими политиками. Барон И. Буриан, занимавший в то время должность общеимперского министра финансов, в мае 1907 г. послал императору меморандум, в котором выступил за «расширенный дуализм»: предложил объединить Далмацию, Боснию и Герцеговину с Хорватией в составе Венгерского королевства. Впрочем, уже в апреле 1908 г. Буриан отказался от этого плана, сочтя возможным предоставить Боснии и Герцеговине после аннексии особый автономный статус в империи. Эренталь поддержал этот проект, который в конечном итоге и был осуществлен [5. S. 77].

Престолонаследник монархии эрцгерцог Франц Фердинанд, разрабатывая свою политику, опирался на партии немецких клерикалов и христианских социалистов. Он и его единомышленники, политики и представители высшего офицерства (так называемый бельведерский круг) мыслили в том же направлении, считая необходимым реформировать систему дуализма. В исторической литературе преобладает мнение, что кронпринц являлся «ультраконсервативным и авторитарным легитимистом» [6. S. 34]. Идеалом Франца Фердинанда была Великая Австрия, преобразованная по принципу «централизованного федерализма». В 1906 г. румынский политик и юрист из Трансильвании А. Поповичи издал книгу «Соединенные Штаты Великой Австрии», заинтересовавшую престолонаследника. Согласно плану Поповичи империя должна была делиться на 15 национально-территориальных автономных единиц («штатов»). Для решения югославянского вопроса предлагалось выделить следующие штаты: Крайна (словенцы), Воеводина (сербы), Хорватия и Славония (хорваты). Триест должен был отойти итальянцам. Престолонаследник проявил определенный интерес к этим идеям. Однако, по мнению российского исследователя А.Г. Нестерова, хотя Франц Фердинанд считал реформирование дуалистической схемы «абсолютно необходимым», планы А. Поповичи для него были слишком радикальны [7. S. 70].

Один из соратников престолонаследника князь К. фон Шварценберг в 1910 г. охарактеризовал триализм как «путь, представляющий золотую середину между централизмом и федерализмом». Он выступал за создание югославянской государственной единицы – «Королевства Иллирии», включающей Хорватию, Боснию, Герцеговину, Далмацию и Приморье с Триестом (Воеводина должна была остаться в венгерской части) [5. S. 116], и в то же время за установление общеимперских сильных центральных институтов – парламента и центральной власти во главе с канцлером. Лишь подобная внутривластная консолидация империи, по мнению «бельведерского круга», дала бы монархии возможность проводить на Балканах активную политику, которая поставит преграду влиянию Сербии и ее замыслам, перенесет центр югославянства из Белграда в Загреб. Безусловно, к планам реформ, предлагавшимся хорватами и словенцами, отношение в кругу единомышленников престолонаследника было настороженным. Известно высказывание майора Броша в беседе с Францем Фердинандом 17 июня 1910 г. по этому поводу: «Нельзя заигрывать с лозунгом триализма, если его инициатива приходит снизу. Это привело бы к очень неприятным и непредвиденным последствиям» [7. S. 197].

О популярности идей триализма среди австрийских аристократических кругов свидетельствует и издание князем Г. Хану в 1909 г. географической карты Великой Австрии, разделенной по принципу триализма на югославянское, венгерское и немецкое государства. В югославянское государство, названное Хану «Королевством Иллирия», были включены хорватские и словенские земли (с Приморьем, в том числе с Триестом), а также Босния и Герцеговина, Воеводину же автор проекта предполагал оставить в составе Венгрии [8. 1909. 09 IX. S. 2].

Австрийская Христианско-социальная партия, самая сильная среди немецких партий, наряду с аристократией, хорватско-сербской бюрократией, католическим клиром и военными кругами, считалась «главной опорой династии». Ряд ее крупных деятелей также являлись сторонниками триализма (К. Люэгер, князь А. фон Лихтенштейн), однако в их проектах из будущей югославянской единицы исключались словенские земли и даже Далмация. Так, К. Люэгер накануне аннексии Боснии и Герцеговины в беседе с одним из лидеров коалиции далматинским политиком Ф. Супило, определяя ее рамки, упоминал лишь о Хорватии, Славонии, Боснии и Герцеговине. В 1910 г. его преемник А. Гессман предполагал включить в состав югославянского образования также Далмацию, но ни в коем случае не Истрию, Приморье, Триест, «чего не допустят ни император, ни престолонаследник» [9. S. 9]. Для немецких политиков включение в состав югославянской еди-

ницы словенского Приморья в принципе было неприемлемо из-за опасений, что в этом случае для немцев будет потерян выход к Адриатическому морю. Вообще после смерти Люэгера австрийские христианские социалисты постепенно отошли от идей триализма.

Какова была позиция самого эрцгерцога Франца Фердинанда? Известно его неприязненное отношение к венграм, неприятие им дуализма. Он стремился к либерализации политической организации Венгрии, к введению там всеобщего избирательного права, что позволило бы существенно подорвать позиции венгерского дворянства. Цели ослабления Венгрии должна была послужить и триалистическая реорганизация империи, предусматривавшая выделение Хорватии из состава Венгрии и превращения ее в равноправную политическую единицу.

В историографии нет единого устоявшегося мнения по вопросу о том, действительно ли престолонаследник хотел ввести триализм. Ряд историков, в том числе Р. Кисцлинг, В. Дедиер, М. Гросс, Ф. Цвиттер и др. высказываются против этого утверждения. Р. Кисцлинг, в частности, приводит в своей книге цитату из письма Франца Фердинанда германскому императору Вильгельму II (июль 1909 г.): «Если мы хотим мира и покорности в Австрийской монархии, если желаем обеспечить возможность проведения сильной внешней политики, которая будет на благо всем народам, в сотрудничестве с нашими союзниками, для этого есть лишь один путь и только одна возможность: уничтожить превосходство венгров. Если мы этого не сделаем, то наверняка станем славянской империей, и триализм, который сам по себе означает несчастье, станет реальностью» [7. S. 199–201]. М. Гросс справедливо отмечает, что, возможно, престолонаследник «в определенных политических ситуациях и помышлял о триалистической югославянской административной единице под контролем венского центра, но и он хорошо понимал, в каком трудном положении оказались бы немецкие правящие классы, если бы югославянская формация отрезала их от Адриатики». К тому же поскольку главный акцент своей политики эрцгерцог делал на союз с Германией, не желавшей усиления славян в Габсбургской монархии, и его политическая концепция предусматривала доминирование немцев в Великой Австрии, он вынужден был отвергнуть триализм [10. S. 263–264]. По мнению Ф. Цвиттера, целью Франца Фердинанда «была великоавстрийская обновленная унитарная монархия, как средство для ее достижения он использовал национальные движения некоторых народов». Естественно, престолонаследник был знаком с федералистскими и триалистскими концепциями, «однако нет никаких свидетельств того, что он являлся их сторонником» [11. S. 32]. Я. Плетерски также приходит к выводу о том, что «великоавстрийская концепция престолонаследника Франца Фердинанда не идентична триалистическим замыслам», ни он, ни его сторонники не были воодушевлены ими и рассматривали их от случая к случаю и поверхностно [9. S. 8]. Российский историк В.И. Фрейдзон прямо утверждает, что «триализм противоречил планам Великой Австрии» [12. С. 214].

Напротив, Р. Канн считал ошибочным мнение, что Франц Фердинанд собирался ликвидировать проблему славянских национальных движений путем введения германского унитаризма. Он полагал, что в соответствии с традицией Габсбургов престолонаследник прежде всего ставил перед собой цель укрепления мощи короны и действительно намеревался обеспечить равноправие народов в империи [6. S. 34]. Той же точки зрения придерживается А. Рахтен, подчеркивая, что Франц Фердинанд действовал как представитель дома Габсбургов и «подчинял всю свою деятельность выполнению миссии правителя» [5. S. 108].

Российский исследователь Я. Шимов призывает к осторожности в оценке реформаторских планов наследника, поскольку, во-первых, они не были четко проработаны и, во-вторых, федерализация, им осуществленная, «скорее всего, имела бы мало общего с представлениями демократически настроенных политиков того времени». Более того, Шимов не исключает, «что в конечном итоге такая модель

оказалась бы удивительно похожа на Баховский абсолютизм 50-х годов XIX в., т.е. никак не отвечала бы требованиям начала XX в. [13. С. 419].

Исследователи приводят серьезные доказательства в пользу как одной, так и другой теории. Можно согласиться с Ф. Цвиттером, отметившим, что проекты Франца Фердинанда и его круга со временем изменялись, они были лабильны, колебались от радикальных преобразований до принятия существующего положения [11. S. 32]. Любопытно, что к такому же выводу пришел и консул Российской империи в Праге В.Г. Жуковский, еще в декабре 1913 г. писавший в донесении в МИД: «Наследник Престола часто меняет свои планы и не доводит их до конца. Было бы ошибочным предполагать, что возможна в Австрии какая-либо широкая славянская политическая линия» [14]. Вероятно, в замыслах престолонаследника перевешивали то одни, то другие соображения, а какие именно шаги предпринял бы Франц Фердинанд, если бы пришел к власти, неизвестно.

В хорватских землях идеи триализма также стояли в центре внимания политиков. Здесь сформировались два политических направления, по-разному оценивавших перспективы преобразования империи. По верному замечанию хорватской исследовательницы М. Гросс, хотя политические наследники идеолога правашей А. Старчевича были разделены на много фракций, цель у них была одна: создание Великой Хорватии на основе хорватского исторического права [15; 2. S. 66]. Крупнейшая оппозиционная партия Хорватии, Чистая партия права под руководством Й. Франка, отвергала сотрудничество с сербами и поддерживала планы престолонаследника. Незадолго до аннексии Боснии и Герцеговины Франк послал меморандум Францу Фердинанду и императору Францу Иосифу, в котором представил на их рассмотрение несколько вариантов решения хорватского вопроса. Согласно первому, хорватское государство должно было включать в себя Хорватию, Славонию, Далмацию, Междумурье, Риеку, Истрию, Боснию и Герцеговину. Более широкий вариант предполагал присоединение также Триеста, Горичи, Крайны, нижней Штирии и южной Каринтии. Что касается статуса будущего хорватского государства, Франк предложил три возможности: триалистическую, при которой существовала бы наряду с Австрией и Венгрией югославянская политическая единица и две разновидности субдуализма, когда Хорватия входила бы в состав Австрии или Венгрии [10. S. 249–251]. Как видно, Франк не планировал включить в состав хорватского государства ни Воеводину, ни Банат и Бачку.

Бельведерский круг имел тесные связи с хорватскими правашами, прежде всего с Й. Франком. Поскольку престолонаследник видел в возможной будущей Великой Хорватии своего рода противовес как политическому преобладанию Венгрии, так и идеологическому влиянию Сербии на южных славян монархии, триалистические планы хорватов принимались им к рассмотрению. Со своей стороны, франковцы также были готовы пойти на уступки и принять проект централизованного федерализма.

Хорватские правашаи разрабатывали и планы будущего государственного устройства Великой Хорватии. Как правило, они представляли его себе унитарным. Королем Хорватии должен был стать австрийский император, коронованный хорватской короной в Загребе. Сабор был призван представлять королю волю хорватской нации, предположительно он имел бы законодательные права и его компетенции распространились бы на все вопросы управления государством (в том числе финансами, налогами и доходами, таможей). Хорватское правительство формировалось бы из представителей Сабора и несло бы ответственность перед ним [16. С. 140–141]. Наиболее детальный проект предложил далматинский публицист Н. Беловучич в 1911 г. в брошюре «Триализм и хорватское государство». Он предлагал разделить хорватское государство, включающее все хорватские (с Боснией и Герцеговиной) и словенские земли, на жупании. Официальным языком всех жупаний должен был стать хорватский, за исключением Триестской жупании, где итальянский язык также имел бы статус государственного. Столи-

цей провозглашался бы Загреб. Хорватское правительство во главе с баном назначалось бы императором. В Австро-Венгрии предполагалось наличие трех общих министерств: морского флота, военного и иностранных дел. В общий парламент входили бы делегации из 40 членов от каждого из трех парламентов империи, а заседания его должны были проводиться попеременно в Вене, Будапеште и Загребе [2. S. 70].

Крупнейшая в хорватских землях политическая сила того времени, Хорватско-сербская коалиция (ХСК), осуждала политику правашей. Стремясь к объединению Хорватии, Славонии и Далмации, она, напротив, избрала стратегию сближения с сербами и венграми против австрийских немцев. Ее сторонники даже были готовы поступиться «хорватской принадлежностью» Боснии и Герцеговины. Так, Ф. Супило в своей речи 25 февраля 1907 г. на заседании хорватского Сабора предположил, что «при удачном стечении обстоятельств» Босния и Герцеговина выйдут из монархии Габсбургов и присоединятся к Сербии [17. S. 351]. Это вполне соответствовало бы геостратегическим планам Белграда.

Сербские политики империи не воспринимали идеи триализма как путь к разрешению югославянского вопроса, их конечной целью было объединение с Сербией. В свою очередь, хорваты (и ряд мусульман) в Боснии и Герцеговине опасались присоединения к Сербии и в феврале 1908 г. обратились к Эрентало с требованием присовокупить эти области к Триединому королевству. 28 ноября 1910 г. Супило в выступлении перед пражскими студентами очень четко определил позицию ХСК относительно триализма и способа решения югославянского вопроса. Он призвал к отказу от принципа хорватского исторического права и обозначил клерикализм как препятствие сербско-хорватско-словенскому единству. Австро-Венгрия он назвал тюрьмой для югославян, «Мы должны решить! Либо мы останемся в этой тюрьме...либо не останемся, а радикально и бескомпромиссно будем отстаивать свое право». На вопрос корреспондента триестской газеты «Edinost» о его отношении к триализму Супило ответил: «Если бы был введен триализм, югославяне стали бы народом первого сорта, в то время как чехи, поляки, русины, румыны [...] остались бы народами второго сорта». По мнению далматинского политика, это было бы «неестественно и потому невозможно» [8. 1910. 02 XII]. По сути уже тогда Супило высказался против триализма, за формирование югославянского государства вне рамок империи [3. S. 77].

Югослависты в Сербии стремились к заключению сербско-хорватского договора, естественным следствием которого должно было стать доминирующее положение Сербии. После аннексии Боснии и Герцеговины резко обострились сербско-австрийские отношения. Приверженцы югославистских идей в Сербии, осудив этот акт, стали негативно относиться к идеям хорватского исторического права и образования Великой Хорватии (с Боснией и Герцеговиной включительно). Выступали они и против триализма как «антисербской» идеи. Белградский профессор Й. Цвийич, например, считал, что идея триализма «является просто средством борьбы против сербско-хорватского национализма и против требования независимости южных славян», процесс гомогенизации югославянства он связывал прежде всего с расширением сербского самосознания среди хорватов [17. S. 366].

Лидеры словенских католиков в течение десятилетия перед Первой мировой войной сформулировали свою концепцию преобразования Австро-Венгерской монархии на основе триализма, предусматривавшую включение в эту программу всех объединенных словенских земель. При реформе монархии словенцы, по их мнению, должны были войти вместе с хорватами в состав югославянской федеративной единицы. Главными идеологами словенской разновидности триализма были И. Шуштершич и Я.Е. Крек.

Впервые словенский вариант триализма в качестве государственно-правовой программы выдвинул Я. Крек в статье, опубликованной в газете «Slovenec»

в феврале 1905 г. [5. S. 73]. Он подчеркнул приверженность словенских католиков программе хорватских правашей и аргументировал необходимость вхождения словенских земель в состав хорватского государства, ссылаясь на принципы исторического права – Прагматическую санкцию, принятую хорватскими условиями в 1713 г. Упомянув о том, что существование Габсбургской монархии необходимо «для сохранения равновесия Европы» и ее ведущей роли в культуре и политике, он выдвинул тезис: «Австрия не распадается, а преобразуется». Культурный и экономический прогресс словенцев и хорватов необходим для эффективного использования империей Адриатического моря, но он невозможен «без политико-административного объединения» хорватских и словенских земель. И еще один довод в пользу объединения – усиление югославянской монархии поможет укрепить влияние империи на Балканах [18. 1905. 11 II]. Вообще, нужно отметить, что подобная аргументация была характерна для словенских политиков. Стремясь привлечь внимание властей к нуждам своего маленького народа, они старались представить их разрешение как соответствующее интересам всей монархии, необходимое для ее усиления.

За разработку югославянской национальной программы высказался в ноябре 1905 г. и лидер католиков Шуштершич, позже он также неоднократно поднимал этот вопрос. Так, в речи на заседании австрийской делегации рейхсрата 7 октября 1908 г. он заявил, что «мы рассматриваем аннексию как этап в развитии югославянского вопроса» [18. 1908. 10 X]. По справедливому замечанию Я. Плетерского, именно с этого момента Шуштершич стал «признанным генератором политических инициатив на всех уровнях парламентской жизни» империи [19. S. 215].

В январе 1909 г. крайнее провинциальное собрание приветствовало аннексию и выразило надежду, что она будет «первым шагом к объединению всех южных славян нашей монархии в самостоятельный государственный организм под жезлом Габсбургской династии» [18. 1909. 07 I. S. 1]. Шуштершич подчеркнул, что нужно различать понятия триализма в широком и в узком смысле. Узкий триализм, за который выступают немецкие христианские социалисты и некоторые немецкие либералы, «ограничивается Хорватией, Славонией, Боснией и Герцеговиной» и неприемлем для словенцев. Словенцам нужен более широкий триализм, т. е. «объединение всех южных габсбургских земель от Триеста до Дрины». Характерно, что вождь словенских клерикалов полагал, что «этот великий момент национальной самостоятельности югославянства, быть может, наступит лишь через 100 или 200 лет», а пока задача югославянских политиков готовить для него почву. Я. Крек также высказался за реформирование монархии и образование в ней автономной югославянской единицы.

Словенские идеологи триализма опирались на хорватское государственное право, но, в отличие от хорватских франковцев, выступали за вхождение Воеводины в югославянное объединение [2. S. 68–69]. Вместе с тем отношение к сербам и православию было для них болезненным вопросом. Многие из католиков относились к сербам негативно. Опасался их Шуштершич, а духовный вождь католиков люблянский епископ А.Б. Еглич в конце 1912 г. писал в дневнике: «К сербам у нас вообще нет симпатий, они нам противны» [20. S. 72]. Наибольшим «сербофилом» в СНП был, пожалуй, Я. Крек, ратовавший за включение сербов в состав югославянского объединения. По мнению Крека, сначала должны были объединиться австрийские югославяне, а балканские присоединились бы к ним впоследствии. Однако Крек не исключал возможности того, что австрийские славяне не добьются осуществления своих прав и будут искать поддержку у балканских братьев.

По справедливому замечанию Я. Плетерского, словенские католики хотели «словенскую модель доминирования политического католицизма перенести на все югославянное пространство монархии» [19. S. 303]. В целом они готовились к тому, что в случае решения югославянского вопроса на основе триализма им

придется иметь дело «с усилением либерального православия». При этом они надеялись, что, если предоставить сербам определенные концессии, можно будет установить гегемонию католицизма на всей югославянской территории [2. S. 72]. Крек полагал, что проблема может быть решена путем образования для сербов униатской церкви [21. S. 37, 41]. Естественно, при объединении австрийских югославян сербы, по мнению словенских католиков, должны были принять принципы хорватского государственного права.

Глава ВНП Шуштершич развивал стратегию своей партии в двух направлениях [3. S. 83]. Первой его задачей было консолидировать югославянские силы. Еще в 1907 г. 17 католических депутатов австрийского рейхсрата объединились в Словенский клуб, а семь либералов вместе с хорватами из Истрии и Далмации и двумя сербами – в Союз южных славян (20 чел.). Оба клуба после аннексии Боснии и Герцеговины стали пропагандировать идеи триализма. Шуштершич начал формировать крупный славянский блок в оппозицию правительству Бинерта. В конце того же года оба клуба образовали Национальный союз, в феврале объединившийся вместе с чехами и русинами в Славянскую унию (123 чел.), ставшую крупнейшей группировкой в рейхстаге [22. S. 291]. После распада Славянской унии (1910 г.) по инициативе Шуштершича в 1911 г. был создан Хорватско-словенский клуб (27 чел.), в котором словенские католики объединились с хорватскими правашами. Председателем клуба стал Шуштершич, а с 1914 г. – А. Корошек. С начала Первой балканской войны в центре деятельности клуба стоял вопрос о триалистическом преобразовании монархии, пропаганде которого он посвятил все силы.

Большое внимание католики уделяли и внепарламентскому укреплению связей с хорватскими правашами. В 1911–1912 гг. ВНП обновила союз с хорватской Партией права, и в 1912 г. была создана объединенная Хорватско-словенская партия права. Горячим сторонником ее был Шуштершич, видевший в этом объединении возможность укрепить позиции словенцев (он опасался, что иначе при составлении правительством югославянских проектов интересы словенцев могут вообще не принять во внимание). При объединении ВНП не ставила никаких условий и не упоминала католичество в качестве основы нового союза. В общей резолюции было отмечено, что «хорваты и словенцы являются единым национальным организмом» и что обе партии будут «совместно действовать в духе и направлении программы Партии права». Надежды, которые словенские католики связывали с этим объединением, были безосновательны. Абсолютное большинство голосов в хорватском Саборе имела ХСК, без сотрудничества с ней и речи не могло идти о единой хорватско-словенской политике. В 1913 г. в Хорватской партии права произошел раскол, из нее вышли «чистые праваша» Й. Франка, отказавшиеся от идеи объединения со словенцами, и словенские католики продолжали сотрудничество с оставшейся группой правашей под руководством М. Старчевича.

Другим направлением политики Шуштершича были поиски поддержки во властных кругах, прежде всего, у эрцгерцога Франца Фердинанда. Учет ли престолонаследник при реорганизации империи интересы словенцев, оставалось под вопросом. Словенские католики надеялись, что их планы поддержат не только хорватские праваша, но и немецкие христианские социалисты и приближенные престолонаследника. Шуштершич предпринял немало безуспешных усилий, чтобы войти в «бельведерский круг».

В 1909 г. Шуштершич послал Францу Фердинанду меморандум, в котором утверждалось, что для сохранения преобладающего положения на Балканах империя должна объединить югославянские земли в третью государственную единицу. По Шуштершичу, в югославянскую часть монархии должны войти Хорватия и Славония, Босния и Герцеговина, сербские области Венгрии, «хорватские и словенские земли Цислейтании: Далмация, Приморье, Крайна, заселенные словенцами части Штирии и Каринтии» [23. S. 149]. Престолонаследник подтвердил

факт получения меморандума и отметил, что «читал его с большим интересом». Однако аудиенции Шуштершичу так и не назначил – ни тогда, ни впоследствии.

Известно, что Шуштершич вплоть до распада Австро-Венгрии оставался преданным сторонником Габсбургов и идеи преобразования монархии в духе триализма. Его лояльность и стремление войти в круг ближайших сподвижников эрцгерцога также несомненны. Еще в последние предвоенные годы некоторые хорватские политики из ХСК высказывали предположение, что Шуштершич на самом деле являлся агентом престолонаследника, проводником его политики на юге империи. В 1960–1970-е годы эту идею возродила и развила в ряде своих трудов хорватская исследовательница М. Гросс [10; 15; 24]. Разделял ее и В.И. Фрейдзон [12. С. 217]. Словенские историки, прежде всего Я. Плетерски и Л. Уде, опровергли эту точку зрения как не подкрепленную убедительными доказательствами. Главные их аргументы: нет никаких свидетельств того, что Франц Фердинанд предполагал включить словенцев в состав будущей югославянской единицы, интереса он к ним не проявлял, с Шуштершичем личных контактов никогда не имел [25. S. 39–40; 9. S. 6–11; 19. S. 254–259].

Идеи триализма, выдвинутые католиками, поддержали и многие словенские либералы. В преддверии аннексии и некоторое время после нее они, безусловно, доминировали в словенской политике. Вместе с тем, попытка Я. Плетерского провести параллели между католической политической акцией 1908–1909 гг. и массовым движением в поддержку майской декларации в 1917–1918 гг., кажется явно натянутой [26. S. 171]. Разработка идей триализма – игра умов политиков, широких народных масс в предвоенный период она никак не затронула. Пропаганда югославянских концепций преобразования монархии была нацелена прежде всего на достижение поддержки со стороны правящих кругов, а не на привлечение народа к массовой акции.

Хорватские праваша считали, что в югославянском государстве будет только одна политическая нация – хорватская. Словенцев они воспринимали как «горных» хорватов. Словенские католики также декларировали, что словенцы и хорваты являются одним народом. Однако, на мой взгляд, все же стоит с осторожностью воспринимать их политические заявления о том, что «мы с хорватами единое целое», направленные на упрочение союза с правашами, и не идентифицировать их как глубокие внутренние убеждения. Провести грань здесь очень сложно, поскольку как сами лидеры, так и партийные печатные органы делали заявления «на публику». Словенские политики боялись, и небезосновательно, что при проведении реформы интересы словенцев учтены не будут, и они останутся вместе с чехами в немецкой части империи. Поэтому, по меткому замечанию одного из лидеров словенского католического движения А. Корошеца, словенские политики «всякий раз, когда возникали опасения, что на юге возникнет какая-либо новая формация, [...] быстрее обращали взгляды к хорватам и [...] выдвигали идею, что мы с хорватами один народ и нужно, чтобы у нас была одна судьба» [27. S. 220].

Большинство словенских национальных деятелей из двух зол – германизации и хорватизации – выбирали меньшее, т.е. хорватизацию. Очень четко выразил эту позицию один из ведущих философов и идеологов словенского католицизма Алеш Ушеничник в статье «Словенцы и хорваты». Он опасался, что словенская национальность «может погибнуть под валом национализмов великих народов». У словенцев только две возможности – стать немцами или хорватами. Ассимиляция с хорватами «более естественна», так как они «того же племени» и язык похож. Ушеничник подчеркнул необходимость не только культурного, но и политического объединения югославян на основах триализма.

Следующие высказывания Ушеничника кажутся абсурдными, однако они отражают особенности понимания словенскими католиками процесса югославянского объединения. Он утверждал, что при объединении словенцы не пожертвовали бы своей национальностью, а, наоборот, получили бы ее. «Если мы ассимилиру-

емя с хорватами, то в большей степени мы ассимилируем их: они бы нам дали свой более развитый [...] язык, а мы бы им дали много элементов своей культуры. Если абстрагироваться от языка, то хорваты бы в большей степени стали словенцами, чем словенцы хорватами» [28. S. 435–436]. Эта необычная аргументация католического философа на первый взгляд вызывает недоумение и для ряда историков служит дополнительным подтверждением того, что словенцы очень плохо знали хорватов, еще меньше сербов, и их деятельность, направленная на воплощение в жизнь югославянской идеи, была исторической ошибкой. От такой интерпретации предостерегает словенский историк Плетерски, утверждающий, что «...заявление Ушеничника на самом деле является своеобразным ответом на вопрос, в чем видит его католицизм первое и настоящее отличие словенского народа: это не язык и не культура, а мощно преобладающее политическое влияние в нем современного католицизма! От языка можно отказаться ради того, чтобы обеспечить подготовленную “победу” католицизма во всем словенско-хорватском пространстве!» [19. S. 303]. На наш взгляд, трактовка Плетерского, учитывающая стремление словенских католиков достичь с помощью подобной аргументации своих политических целей, является взвешенной и объективной. Иллюзия о возможности словенизации хорватских земель была характерна для многих лидеров ВВП.

В отличие от хорватских правашей, словенские политики уделяли мало внимания вопросам будущего государственного устройства югославян в преобразованной на принципах триализма монархии. Шуштершич, по всей видимости, представлял себе югославянскую единицу как унитарное государство единого словенско-хорватского народа, возможно, с областной автономией [19. S. 234], в котором бы доминировал католицизм. Той же точки зрения придерживался и Крек.

Единственный достаточно подробный проект будущего объединения разработал один из лидеров национальных радикалов, а с 1909 г. – член либеральной Национально-прогрессивной партии (НПП) Г. Жерьяв. В конце 1908 г. он опубликовал в газете «*Naš list*» программную статью под названием «Югославянское королевство в рамках Габсбургской монархии». Жерьяв предлагал объединить всех югославян империи на основе не только хорватского государственного права, но и государственного права «Иллирского королевства и сербской Воеводины», а также на основе естественного права. Каждый народ, по замыслу Жерьява, должен был иметь свою административную область: словенцы – королевство Иллирию (с Истрией), хорваты – Триединое королевство, сербы – Воеводину и Боснийское королевство. Административное деление, предложенное Жерьявом, довольно любопытно, поскольку Воеводина и Босния были разьединены территориально, между ними – Срем, принадлежащий Триединому королевству. Как отмечает Я. Прунк, этот пункт в предложении Жерьява «явно направлен против великохорватской государственной концепции, охватывающей также Боснию» [29. S. 26–27]. В каждой из этих областей были бы свои императорский наместник, правительство и парламент, резиденцией общего центрального правительства и парламента должен был стать Загреб. Официальным языком в словенской области, по мнению Жерьява, будет словенский, в двух других – сербо-хорватский, оба правописания – латиница и кириллица – будут признаны равноправными. Образование югославянского государства в рамках империи Габсбургов Жерьяв считал «компенсацией балканским государствам с австрийской стороны». Статью завершает следующее заявление: «Ближайшее будущее покажет, насколько мы, югославяне, можем надеяться на осуществление независимости в рамках древней Габсбургской монархии» [30. 1908. XII]. Как видно, югославянское государство в рамках империи Жерьяв мыслил как федерацию равноправных народов, при этом недвусмысленно намекнул, что для решения югославянского вопроса могут быть и другие пути – вне империи. Проект Жерьява не привлек внимания широких кругов словенской общественности.

Хотя большинство либералов изначально поддерживали триалистическую программу католиков, уже вскоре в их среде выявились разногласия по этому вопросу. В феврале 1912 г. русский журналист, корреспондент Санкт-Петербургского Телеграфного агентства В.П. Сватковский, опираясь на сведения, предоставленные ему его люблянским осведомителем, в то время главным редактором органа либералов газеты «Slovenski narod» Р. Путослемшеком, писал в донесении в российское Министерство иностранных дел: «Есть среди либеральных словенцев политики, которые считают триалистическая стремления пагубными с словенской национальной точки зрения. Они говорят: Нормальным путем присоединение словенских земель к Хорватии неосуществимо. Ему воспротивятся немцы, которым был бы отрезан доступ к морю, и чехи, которые, с выделением словенцев из Австрии, очутились бы под пятой немцев. Осуществить выделение словенцев против воли немцев и чехов возможно было бы только путем государственного переворота свыше, который однако мало вероятен. Таким образом триализм может осуществиться лишь с объединением одних хорвато-сербских земель. Это было бы однако для словенцев столь же губительно, как и для чехов, ввиду усиления австрийских немцев при выделении из Австрии Далмации. Либеральные словенцы поэтому не увлекаются триализмом и, подобно русским в Галиции, являются сторонниками национальной автономии. В ней они видят спасение в будущем» [31. С. 418].

Сватковский верно отметил проявившуюся в либеральной среде тенденцию к критическому пересмотру программы католиков и поискам альтернативных путей. Однако он заблуждался, делая вывод, что «идея триализма имеет среди словенцев сравнительно мало приверженцев» [31. С. 417], на основании сообщений Путослемшека, симпатизировавшего неославистскому движению и выражавшего взгляды достаточно узкого круга прогрессивных молодых либералов.

Против идей триализма высказывались, прежде всего, радикально настроенная молодежь, ориентированная на сближение с Сербией, и приморские либералы, опасавшиеся за судьбу Триеста. Действительно, ни в хорватской Прагматической санкции, на которую опирались словенские католики, ни в большинстве выступлений Шуштершича не было речи о включении Триеста, Горицы, Истрии в состав югославянского объединения [3. S. 84], поскольку это было неприемлемо для немцев, терявших в таком случае прямой выход к морю.

Уже с конца 1908 г. в словенских периодических изданиях Триеста и Горицы стали появляться публикации, критикующие идею триализма. Так, в статье «Австрийская проблема», опубликованной в газете «Edinost», утверждалось, что нельзя рассчитывать на то, что югославянский вопрос можно решить путем введения триализма. «Мы должны рассчитывать на то, что наш вопрос решится лишь в комплексе со всем австрийским вопросом» [8. 1908. 24 XII]. Автор статьи призывал отказаться от принципа исторического права и опираться на естественное право. Ведь «на основе так называемого исторического права, возможно, Италия могла бы доказать свое право на обладание всей балканской территорией, то же могли бы сделать и Германия, и Турция» [8. 1908. 27 XII]. Нужна «федералистическая Австрия, которая заключила бы государственный союз с Черногорией, Сербией, Болгарией и Румынией». Такому сильному государству не было бы страшно, даже если бы «против него поднялось пол-Европы» [8. 1908. 28 XII].

Идеи федерализации империи как альтернативы триализму все больше привлекали внимание приморских либералов. Так, О. Рибарж в 1912 г. выдвинул предложение создать из югославянских земель автономную административную единицу в федеративной монархии Габсбургов. Центральный парламент должен принимать решения, касающиеся общеимперских вопросов: армии, таможи, общих финансов и внешней политики, в решении остальных вопросов у провинциальных собраний должна быть полная автономия. Популярна в этой среде была идея о федерации как минимум четырех народов: немцев, венгров, чехов –

поляков, югославян. Приморские политики надеялись, что эта концепция будет привлекательна для чехов и поляков и склонит их к поддержке югославянских требований [3. S. 85–87].

Либералы стремились к сближению с ХСК и установлению более тесных контактов с сербами и болгарами. Их не смущало православие сербов, некоторые даже доказывали, что Православная церковь имеет преимущества по сравнению с Католической, так как менее деспотична и теснее связана с народом. Но поиски либералами союзников среди сербов и хорватов оказались не слишком успешными. ХСК не проявила интереса к сотрудничеству со словенцами, концепция триализма, которой она придерживалась, вообще не предполагала включение словенцев в югославянскую часть империи. Важнейших союзников хорватские либералы видели в сербах, связям со словенцами большого значения не придавалось. Их настораживала влияние Католической партии в словенских землях, к тому же сомнения вызывал сам вопрос о возможности дальнейшего самостоятельного существования столь малого народа. Ведя переговоры с итальянскими ирредентистами о разделении границ, они соглашались на передачу Триеста и Горицы Италии, игнорируя интересы словенцев.

Можно прийти к выводу, что наиболее распространенное понимание триализма в Австро-Венгерской монархии подразумевало антидуалистическую реформу положения югославянских земель, которая предусматривала в составе новой югославянской единицы, как правило, Далмацию, часто также Истру, но крайне редко – словенские земли. Для словенцев триализм являлся прежде всего политической формулой, призванной обеспечить включение их земель в югославянское образование в рамках монархии. Однако замечание Я. Плелерского, что триализм в словенских землях «в действительности обозначает форму югославянского движения, приспособленного к идейным и политическим рамкам клерикального лагеря» [26. S. 169], на наш взгляд, не вполне корректно, ведь идеи триализма поддерживались и большинством словенских либералов.

Были ли реальны проекты преобразования империи на основах триализма? Большинство историков справедливо полагает, что нет. Еще И. Пилар охарактеризовал триализм как «нежизнеспособную идею», «обреченную на провал» [17. S. 365–369]. В особенности нереальными были планы словенцев, не находившие сочувствия у других народов империи. Накануне Первой мировой войны их триалистические концепции не поддерживались ни большинством хорватских политиков, ни венграми, ни немецкими партиями. По подсчетам Я. Цвирна, лишь в двух из 38 политических программ австрийских немцев, сформулированных начиная с 1866 г. до начала Первой мировой войны были упомянуты словенцы [32. S. 73]. У чехов, поляков, румын и русинов югославянский вариант триализма также не вызывал симпатий, а для итальянцев его осуществление представило бы нешуточную угрозу.

В.П. Сватковский еще в феврале 1912 г. отмечал: «В последнее время Вена к триализму охладела. Даже наследник стал к нему равнодушен» [31. С. 417]. Однако эрцгерцог Франц Фердинанд по-прежнему оставался главной надеждой сторонников триализма, и надежда эта рухнула с сараевским убийством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pleterski J.* O nekaterih vprašanjih slovenske politične zgodovine v zadnjem desetletju pred prvo svetovno vojno // *Zgodovinski časopis*. Ljubljana, 1979. T. 33. № 2.
2. *Rahten A.* Trialistične zamisli slovenskih in hrvaških politikov v letih pred prvo svetovno vojno // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 1999. № 2.
3. *Ivaškovič I.* Trialistični koncepti in alternative v luči primorskega časopisja // *Prispevki za novejšo zgodovino*. Ljubljana, 2012. № 2.
4. *Wank S.* Aehrenthal's Programme for the Constitutional Transformation of the Habsburg Monarchy: Three Secret Mémoires // *The Slavonic and East European Review* 41. 1962–1963.

5. *Rahten A.* Slovenska ljudska stranka v dunajskem parlamentu. Slovenska parlamentarna politika v Habsburški monarhiji 1897–1914. Celje, 2001.
6. *Kann R.A.* Erzherzog Franz Ferdinand Studien // Veröffentlichungen des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts 10. Wien, 1976.
7. *Dedijer V.* Sarajevo 1914. Ljubljana, 1966.
8. Edinost. Trst.
9. *Pleterski J.* Zveza vseslovenske ljudske stranke in hrvatske stranke prava v letih 1911–1913 // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1980. № 1–2.
10. *Gross M.* Hrvatska uoči aneksije Bosne i Hercegovine // Istorija XX veka. Zbornik radova. III. Beograd, 1962.
11. *Zwitter F.* Die nationalen Fragen in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1900–1914) // Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1900–1918). Budapest, 1996.
12. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. СПб, 2001.
13. *Шимов. Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003.
14. Копия донесения Консула в Праге, Колл. Сов. Жуковского от 17/30 дек. 1913 // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 470. Д. 2. 1913. Л. 95.
15. *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973.
16. *Романенко С.А.* Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии–Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX в. // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991.
17. *Pilar I. (Südland L.V.)* Južnoslavensko pitanje. Prikaz cjelokupnog pitanja. Varaždin, 1990.
18. Slovenec. Ljubljana.
19. *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič (1863–1925). Pot prvaka slovenskega političnega katolicizma. Ljubljana, 1998.
20. *Melik V.* Leto 1918 v slovenski zgodovini // Zgodovinski časopis. 42. Ljubljana, 1988. № 4.
21. *Lukan W.* Janez Ev. Krek in slovensko nacionalno vprašanje // Prispevki za zgodovino delavskega gibanja. 1982.
22. *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana, 2006.
23. *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006.
24. *Gross M.* Hrvatska politika velikoavstrijskog kruga oko prijestolonasljednika Franje Ferdinanda // Časopis za suvremenu povijest. 2. Zagreb, 1970.
25. *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska ideja v letih 1903–1914 // *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. Maribor, 1970.
26. *Pleterski J.* Trializem pri slovincih in jugoslovansko zedinjenje // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1968. T. 22. № 3–4.
27. *Kranjec S.* Koroščevo predavanje o postanku Jugoslavije // Zgodovinski časopis. XVI. 1962.
28. Čas. Ljubljana, 1913.
29. *Prunk J.* Slovenski narodni programi. Narodni programi v slovenski politični misli od 1848 do 1945. Ljubljana, 1986.
30. Naš list. Ljubljana.
31. *Сватковский В.П.* Триализм. Вена, 16/29. 2. 1912. // Русско-словенские отношения в документах (XII в.– 1914 г.). М., 2010.
32. *Cvirn J.* Slovenci in nemški državnopravni programi (1848–1918) // Slovenci in država. Ljubljana, 1995.

© 2016 г. А.С. АНИКЕЕВ

ЮГОСЛАВСКАЯ ПОЛИТЭМИГРАЦИЯ В СОВЕТСКИХ ПЛАНАХ СВЕРЖЕНИЯ Й. БРОЗА ТИТО (1948–1952)

В статье на материалах российских и сербских архивов реконструируется советский план смены правящего политического режима в ФНРЮ в 1948–1952 гг. Для решения этой задачи разрабатывалась программа по созданию альтернативной коммунистической партии Югославии в странах советского блока. К решению этой задачи привлекались представители югославской политической эмиграции во главе с Р. Голубовичем и П. Попиводой. Было проведено несколько совещаний и конференций, но план свержения югославского руководства сошел на нет после смерти И.В. Сталина.

In the article, the Soviet plan for a change of the ruling political regime in the Federal People Republic of Yugoslavia in 1948–1952 is reconstructed on the materials of the Russian and Yugoslav archives. To solve this problem, the program had been designed to create an alternative Communist Party of Yugoslavia in the Soviet Bloc. Solving this problem, the Soviet leadership attracted the representatives of the Yugoslav political emigration headed by R. Golubović and P. Popivoda. There were several meetings and conferences, but the plan of overthrowing the Yugoslav leadership came to nothing after the death of Joseph Stalin.

Ключевые слова: Советско-югославский конфликт 1948 г., югославская политическая эмиграция.

Keywords: Soviet-Yugoslav conflict in 1948, Yugoslav political emigration.

Конфликт 1948 г. между ВКП(б) и югославской компартией, переросший вскоре в противостояние двух государств во всех сферах, стал ключевым событием в формирующемся советском блоке. Еще до появления резолюции Коминформа, в советском руководстве сложилось убеждение в том, что Тито и его окружение не пойдут на «перемирие» на условиях Москвы и его необходимо менять. Появлению плана смены югославского руководства очевидно способствовал арест С. Жуйовича и А. Хебранга в конце мая 1948 г., который даже заставил Кремль предпринять попытку вмешательства в это событие, потребовав участия представителей ЦК ВКП(б) в возможном процессе над ними, что было отвергнуто югославским руководством на пленуме ЦК КПЮ 13 июня [1. С. 358]. Вопрос о дальнейшей судьбе Жуйовича и Хебранга, спустя неделю, был вновь поставлен на совещании Коминформа в Бухаресте, причем в докладе А. Жданова «О положении в Коммунистической партии Югославии» он уже связывался с требованием смены югославского режима, который назывался «чисто турецким, террористическим» [2. Ф. 575. Оп. 1. Д. 46. Л. 21; 3. С. 400].

Аникеев Анатолий Семенович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

С осени 1948 г. усилилось пропагандистское давление на Югославию, предпринимались попытки заставить обучающихся в СССР югославских учащихся принять резолюцию Информбюро, а также отказаться от возвращения на родину, началась вербовка русских эмигрантов в Югославии для антиюгославской деятельности. В орбиту советских планов все активнее вовлекались страны советского «блока». На югославских границах с этими странами с лета 1949 г. стали нарастать вооруженные провокации. За период до 1953 г. был убит 21 пограничник, 33 ранено, некоторые были похищены. Сателлиты Москвы укрепляли приграничную инфраструктуру, строили новые дороги, аэродромы, увеличивалась численность армейских соединений [4. С. 33].

Между тем, давление с Востока, в том числе и военная угроза, вскоре заставили югославов принять некоторые меры мобилизационного характера, речь о которых шла на заседании Политбюро ЦК СКЮ 30 августа. Тито говорил о необходимости создания фонда по закупкам из-за границы, эвакуации из Воеводины «зерна, машин и ряда других объектов», перемещении рабочей силы на ключевые индустриальные участки и принятии мер в сфере обороны [5. Ф. 507. СК SKJ. III/42. L. 35–36]. На заседании политбюро 7 сентября он говорил, касаясь вопроса укрепления обороны, о необходимости модификации пятилетнего плана и приоритетном финансировании вооруженных сил, критиковал ответственных лиц за неправильное размещение отдельных стратегических объектов [5. Ф. 507. СК SKJ. III/43. L. 37.]. В связи с задержкой строительства магистрали Белград – Загреб из-за нехватки рабочей силы Тито предложил, очевидно зная о советском опыте, использовать заключенных [5. Ф. 507. СК SKJ. IID/114].

Британская дипломатия пыталась внести лепту в тревожные настроения югославского руководства. Как сообщил Кардель в телеграмме Тито, отдохнувшему на Бриони, английский посол в Белграде Ч. Пик посетил в конце августа А. Беблера и передал ему конфиденциальную информацию о передвижении из Румынии вдоль югославской границы в сторону Венгрии 17-й советской гвардейской дивизии, добавив, что речь, скорее всего, идет о войне нервов. Как передавал Ч. Пику британский посол в Москве, советская стратегия заключалась в том, чтобы оказывать мощное внешнее давление на внутренне ослабленный, по мнению Кремля, режим Тито, чтобы вызвать восстание, которое приведет к его смене. В случае такого развития событий, как считал посол в Москве, советские сателлиты окажут восставшим помощь оружием и возможно сами вмешаются во внутренний югославский конфликт. Заместитель министра внутренних дел В. Мичунович в эти же дни сообщал Тито, что по данным спецслужб в Венгрии в районе Сегедина и Кекемета заметно передвижение советских войск, там видели 140 танков. «Венгры говорят о новой мировой войне» – передавал Мичунович [5. Ф. 507. СК SKJ. IID/ 169]. Пик сообщил Карделю в конце августа о секретной военно-политической встрече, начавшейся в Софии с участием Анны Паукер из Румынии, а также советского, чехословацкого и албанского генералитета. Он указывал на увеличение числа советских войск в южной Венгрии. В этой связи послы Великобритании и США в Белграде планировали сделать в ближайшие дни запрос югославскому правительству о его позиции [5. Ф. 507. СК SKJ. IID/112]. Кардель и Джилас, обеспокоенные развитием событий, обратились с предложением к Тито срочно вернуться в Белград или Загреб [5. Ф. 507. СК SKJ. IID/115]. Через день, 28 августа, Кардель сообщал Тито о том, что информация о совещании в Софии действительно подтверждается, и там находятся министр иностранных дел Румынии А. Паукер, а также заместитель председателя Совета министров СССР К. Ворошилов, министр иностранных дел СССР А. Вышинский, премьер-министр Чехословакии А. Запотоцкий и ряд крупных военачальников. Кардель предполагал, что в эти дни может появиться сообщение о разрыве договорных отношений с Югославией, а возможно и дипломатических. Допускал он и провокации, направленные на создание нервной атмосферы и волнений в Юго-

славии. По мнению Карделя следовало подумать о быстром ответе и контрмерах, возможно обращении в СБ ООН. Он отмечал, что дипломатия западных стран в связи с этими событиями «постоянно атакует нас вопросами различного характера» [5. Ф. 507. СК SKJ. ПД/116]. Советские архивы и архивы восточноевропейских стран не содержат документов о данном совещании в Софии, и можно только гадать о том, было ли это только «игрой нервов», или Москва действительно готовилась к каким-то решительным шагам в отношении Югославии. Во всяком случае, решение о разрыве договорных отношений было принято Москвой только спустя месяц, а в течение октября аналогичные действия предприняли советские сателлиты.

В 1949 г. в восточноевропейских странах начались процессы над мнимыми и подлинными сторонниками линии Тито, сценарии которых были написаны в Москве. На 40 антиюгославских процессах осудили 275 человек, из которых 67 были приговорены к смертной казни, а остальные получили различные тюремные сроки [4. С. 33]. Гонениям подвергались и югославские граждане, находившиеся в тот период в странах советского блока, но не поддержавшие резолюцию Информбюро.

Одним из инструментов борьбы с югославским руководством должно было стать некое объединение, своего рода центр югославской политической эмиграции, который планировалось организовать в Москве, объединив на первом этапе «советскую» часть эмиграции. Эти планы разрабатывались в отделе Внешней политики ЦК ВКП(б) и одним из первых к решению поставленной задачи привлечен бывший посол Югославии в Румынии Радоня Голубович, принявший резолюцию Информбюро и оказавшийся вскоре в СССР. Выступая как эксперт по югославским делам, он в письме, направленном в Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) рекомендовал обратить внимание на решение V съезда КПЮ, касающееся создания республиканских компартий. Он считал, что поскольку в этих компартиях предстоят выборы центральных комитетов, то следует сосредоточить усилия на избрании туда сторонников «правильной линии», противников курса Тито. Для реализации этой задачи он предлагал создать «временные и специальные руководства (управления) для каждой республики» и срочно начать заброску пропагандистской литературы. По его мнению, нельзя будет создать «центральное нелегальное руководство большинством коммунистической партии Югославии, не подготовившись соответствующим образом» [6. Док. 215. С. 623]. Таким образом, Голубович отвечал на поставленную отделом задачу создания альтернативной компартии, рекомендуя на первом этапе провести соответствующую подготовку.

Во главе руководства центром внешнеполитический отдел ЦК ВКП(б), ответственный за это мероприятие, решил со временем поставить беглого югославского генерала П. Попиводу и дипломата Р. Голубовича. Между тем, создание центра было вопросом времени, а на начальном этапе ставилась задача организации печатного органа, вокруг которого объединилась бы вся югославская политэмиграция.

Белград усилил с начала 1949 г. контрпропаганду против СССР и стран «народной демократии», что стало ответом на расширяющийся поток дезинформации о югославском руководстве и Югославии, идущий с Востока. Резкое недовольство югославов вызвало решение Кремля приступить к изданию в СССР эмигрантской газеты «За социалистическую Югославию». По решению политбюро ЦК ВКП(б) от 3 апреля 1949 г., главным редактором этого издания был утвержден Р. Голубович, который выступил в Москве еще в 1948 г. с предложением об издании такой газеты. В начале года этот вопрос разрабатывался во внешнеполитическом отделе ЦК ВКП(б). К этому времени в СССР осталось немало югославских граждан из числа дипломатов, слушателей военных академий, студентов и других лиц, которые приняли резолюцию Информбюро, зачастую под значи-

тельным идеологическим давлением, и готовых, в различной степени, принять участие в советской пропагандистской кампании против Югославии. Часть коммунистов, получивших в Югославии название «информбюровец», эмигрировала из страны и сумела разными путями оказаться в СССР. К их числу относились сам Голубович, генерал-майор авиации П. Попивода, П. Лукин, А. Алихаджич и М. Ешич. Именно их имена были названы в качестве авторов идеи создания газеты в записке внешнеполитического отдела на имя Сталина от 26 марта 1949 г. Она начиналась со слов: «По Вашему поручению подготовлен вопрос об издании в Советском Союзе газеты югославских коммунистов, поддерживающих резолюцию Информбюро о положении в КПЮ и открыто выступивших против националистической клики Тито» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 1]. Первоначально планировалось издавать газету два раза в месяц на четырех полосах, а затем еженедельно на сербскохорватском языке под названием «Под знаменем интернационализма». Затем название в варианте проекта постановления ЦК ВКП(б) по этому вопросу изменили на «Народная Югославия», а в решении политбюро ЦК оно в окончательном варианте звучало уже так – «За социалистическую Югославию» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 2; 7. С. 402]. В постановлении ЦК говорилось о планах созвать собрание из 50–60 «наиболее активных югославских коммунистов в Москве», на котором принять решение о составе редколлегии. Без советских сотрудников редколлегия не смогла бы работать и, очевидно в последний момент карандашом были вписаны фамилии сотрудников Внешнеполитической комиссии ЦК В.И. Лисакова и В.М. Сахарова, которые направлялись для работы в качестве членов редакции, что должно было укрепить контроль над проведением «верного» курса газеты. Сотруднику аппарата Секретариата Информбюро Л.С. Баранову поручалось оказывать содействие в снабжении редакции газеты информационными материалами о положении в Югославии. В окончательном варианте к этому заданию подключался и ТАСС. Л. Баранову также поручалось оказать помощь югославским коммунистам в издании газет в Румынии, Болгарии и Чехословакии. С этой целью П. Попивода и М. Савичу разрешались командировки в Румынию, Болгарию, Венгрию и Албанию «по делам подготовки издания югославских газет в этих странах». Финансирование в объеме 300 тыс. рублей должно было осуществляться через Славянский комитет СССР. Газету планировалось распространять через сопредельные с Югославией страны, опираясь на помощь югославских коммунистов [7. С. 402]. В ноте МИД ФНРЮ, направленной посольству СССР в Югославии 23 мая, об этой инициативе югославских политэмигрантов говорилось в самом негативном тоне, подчеркивалось, что советская сторона оказала поддержку нескольким «предателям Югославии». При этом югославская сторона ссылалась на принципы, изложенные в заявлении руководителя советской делегации А. Громыко на третьем заседании ГА ООН. В ноте подчеркивалось, что оказывая помощь этим группам, целью которых является «борьба против ФНРЮ и разрушение в этой стране социалистического порядка, правительство СССР доказывает на деле, что оно является тем правительством, которое не проводит дружественной политики по отношению к ФНРЮ». В ноте югославский МИД требовал, чтобы правительство СССР запретило этим людям враждебную деятельность и дальнейшее печатание газеты, «так как поддержка такой антиюгославской деятельности находится в полном противоречии с духом и буквой существующего Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между ФНРЮ и СССР» [1. С. 467–468]. МИД СССР ответил на югославскую ноту 31 мая, указав, что «советское правительство решило оказать гостеприимство югославским патриотам-эмигрантам, преследуемым югославским антидемократическим режимом за их демократические и социалистические убеждения, и предоставило им убежище». Вместе с тем, в ноте содержался характерный для стиля общения с югославами казуистический ответ на их обвинения в том, что Москва «будто бы оказывает “полную поддержку” югославским рево-

люционным эмигрантам». Отрицание такой поддержки со стороны государственных органов СССР сопровождалось утверждением, что ее в полной мере может оказывать советская общественность и советские граждане, которые рассматривают «революционных политэмигрантов как своих друзей, как своих братьев». Требование югославов запретить печатание газеты политэмигрантов в СССР авторы ответной советской ноты, сохраняя издевательский тон, попытались описать, как требование установить в СССР «такой же антикоммунистический и антидемократический режим, какой установлен в настоящее время в Югославии». Соответственно, как отмечалось в ноте, «югославское правительство, выдвигая это нелепое “требование”, ставит себя в смешное положение». Далее в ноте содержалась ссылка на пассаж из югославской ноты, где политэмигранты характеризовались как «предатели своей родины», в то время как, по мнению советского правительства, они в действительности являлись «подлинными социалистами и демократами, верными сынами Югославии, строителями дружбы между Югославией и Советским Союзом». Авторы мидовского документа рекомендовали искать предателей Югославии среди «тех господ, которые стараются подорвать дружбу» между двумя странами, готовя Югославии «судьбу стран, попавших в кабалу империализма» [7. С. 408–410].

В начале июля в ЦК ВКП(б) было принято решение об организации специального радиовещания на Югославию в Румынии. В Бухарест для формирования редакции был направлен заместитель редактора газеты «За социалистическую Югославию» П. Попивода, а Юдину и Баранову поручалось оказать «помощь и содействие югославским политэмигрантам в проведении специального радиовещания на Югославию» [7. С. 413].

Работа по консолидации всей «информбюровской» эмиграции в странах Восточной Европы продолжалась в течение года и в марте следующего, 1950 г., руководитель Внешнеполитической комиссии ЦК В.Г. Григорьян направил В.М. Молотову докладную записку с информацией Попиводы и Голубовича о состоянии групп югославских политэмигрантов в Венгрии, Румынии и Чехословакии. Это было уже второе посещение югославами этих стран с инспекционными целями. В Венгрии находилось 77 эмигрантов, из которых 48 человек были членами компартии, четыре – кандидатами в партию и девять комсомольцев (члены СКМЮ). Все они, как указывалось в справке, были «загружены работой», учились на курсах, работали на фабриках, кто-то был занят на радиостанции. Попивода, характеризуя ситуацию в группе, отмечал с генеральской «проницательностью», что она сохраняет единство, «несмотря на то, что в ней все еще (?) находятся провокаторы, небольшое число карьеристов, анархистов антипартийных элементов, которые разлагающе действуют на группу». Так, по его мнению, руководитель группы некто В. Милутин, который «узурпаторски относится к товарищам, начал морально разлагаться», теряя авторитет среди эмиграции и венгерских товарищей, которые не знают на кого опереться. Венгерское руководство, как было видно из записки, курировало ситуацию с эмиграцией и, по словам Попиводы, «Ракоши просил прислать серьезного и надежного товарища» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 25]. Описание ситуации с политэмигрантами в Румынии отличалось той же армейской прямоотой и попытками увидеть везде «вражеские козни». В группе из 140 человек, как отмечалось, сохранялись «разногласия, сомнения и интриги». Попивода был уверен в том, что в этой группе «уже продолжительное время действуют провокаторы». Однако, несмотря на это, «группа едина, газета выходит регулярно», правда, в редакции «все друг друга подозревают», радиостанция работает хорошо, хотя нужны кадры. Рассказывая о положении дел в Чехословакии, генерал отмечал, что там группа расколота надвое, в чем он видел вину прежнего руководства Ивановича и Райковича, которые «показали себя несерьезными людьми, авантюристами и карьеристами». В группе «господствовала атмосфера неверия в себя, недоверия к своим товарищам и чехам». Попивода писал, что

положение плохое, хуже, чем год назад, но обещал чаще туда ездить и исправить ситуацию [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 26–29]. Не исключено, что помимо реальной картины, существовавшей на местах, «катастрофическое» описание состояния политэмиграции в этих странах служило реализации личных амбициозных планов Попиводы и Голубовича, стремившихся получить максимальное доверие у Кремля. Попивода, при поддержке своих кураторов, становился к этому времени ключевой фигурой в югославской политэмиграции в Восточной Европе.

В обобщающей информационной записке, составленной Григорьяном на основе материалов, представленных, в том числе Попиводой и Голубовичем, давалась развернутая картина состояния политэмиграции в странах «народной демократии». На 1 февраля 1950 г. общее число югославских политэмигрантов в этих странах составляло 720 человек, и контроль за их деятельностью осуществлялся специально выделенными для этой цели сотрудниками ЦК компартий соответствующих стран. Во всех странах издавались газеты, которые вокруг своих редакций создавали объединения эмигрантов. Такая ситуация существовала в Болгарии, где газета «Вперед» финансировалась ЦК болгарской компартии. Как и в Москве для работы в редакции был выделен специальный сотрудник ЦК. В Румынии ЦК компартии также был привлечен к работе с эмигрантами, помогал в издании газеты «Под знаменем социализма», ввел трех своих инструкторов в состав редакции. Вместе с тем, в записке отмечалось, что в среде политэмигрантов существует разброд, нет единства и недостаточное участие основной массы в активной борьбе с «кликой Тито – Ранковича». Речь шла и о недисциплинированности и даже моральном разложении. Все это облегчало, как считали кремлевские работники, «возможности для подрывной работы агентов клики Тито среди югославской эмиграции» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 32]. Автор записки предлагал рассмотреть возможность объединения усилий этих групп в борьбе против «известной клики» и создать «Бюро югославских коммунистов-политэмигрантов в составе 3–4 проверенных югославских коммунистов». Эта фраза была подчеркнута кем-то из руководства, возможно Молотовым, и на полях поставлен вопрос – «где?». Как предполагал Григорьян, в задачу Бюро должно было входить оказание практической помощи группам политэмигрантов, осуществление постоянного контакта между редакциями газет, обмен опытом, а также «организация работы по заброске газет и нелегальной литературы на территорию Югославии». 14 июня 1950 г. Григорьян идею создания такого Бюро, от имени Внешнеполитической комиссии изложил в записке, адресованной Сталину. В ней предлагалось создать в Москве «узкий руководящий центр югославской политэмиграции в составе 5 проверенных югославских коммунистов» для активизации групп эмигрантов в борьбе против клики Тито – Ранковича. В состав центра предлагалось включить из «московских» эмигрантов П. Попиводу, Р. Голубовича и И. Петрановича, а из «румынских» и «болгарских» – А. Опоевича и П. Мишича, что, возможно, говорило о недостаточной «благонадежности» югославов из других стран «народной демократии». Сообщалось, что все эти товарищи прошли проверку «по линии МГБ и Комитета информации», а помощником в аппарат центра предлагалась кандидатура В.В. Кирсанова, ранее работавшего в Югославии в качестве представителя Совинформбюро [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 40–41].

Вероятно, идею создания такого центра Сталин рекомендовал обсудить дополнительно и, возможно, сохранить на какое-то время ранее предлагавшийся формат – Бюро. Спустя две недели, Григорьян направил на его имя записку с предложением созвать в Бухаресте совещание представителей всех групп «югославских революционных эмигрантов». Отмечалось, что это отвечало и решению Секретариата Информбюро от 22 апреля 1950 г. Внешнеполитическая комиссия предлагала на этот раз создать бюро связи с группами югославской политэмиграции при газете «За социалистическую Югославию», что стало бы «подготовкой к созданию в дальнейшем узкого центра по координации деятельности югославских

коммунистов». Кандидатуры в бюро связи предлагались те же, что и в прежней записке [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 49–50]. Совещание прошло вблизи Бухареста 27–28 июля, и информацию о нем с грифом «сов. секретно» М. Суслов и В. Григорьян направили Сталину 7 августа 1950 г. При этом они сослались только на Секретариат Информбюро, который в апреле рассмотрев вопрос о выполнении третьей резолюции этого органа, принял решение провести совещание. Подготовительная работа Внешнеполитической комиссии ЦК с анкетами и проверками кандидатов осталась за скобками. В информационной записке сообщалось, что 19 делегатов, прибывших на совещание, представляли 2030 югославских политэмигрантов и в том числе 900 коммунистов. На совещании были заслушаны информационные сообщения представителем групп эмиграции и приняты рекомендации об их сотрудничестве. Как отмечалось в записке, в ходе развернутых прений по докладом стало очевидно, что «правильно организовали свою работу группы в СССР и Румынии, которые в политическом отношении являются наиболее крепкими и организованными из всех групп. Самой слабой, по оценке Григорьяна, оказалась группа в Чехословакии, что как выяснилось на совещании, объяснялось «неудовлетворительным руководством деятельностью этой группы югославских эмигрантов со стороны ЦК компартии Чехословакии». Серьезные недостатки отмечались в работе групп, находящихся в Польше, Болгарии и Венгрии. На низком уровне там находилась партийная и идейно-воспитательная работа, и, как говорилось в записке, «у ряда политэмигрантов в их работе нередко проявляются кустарничество и непонимание актуальных задач борьбы против клики Тито – Ранковича». В записке указывалось на негативные факты в курировании группы в Болгарии. В одном случае говорилось о некоем инструкторе из болгарской компартии, который оказался македонцем, ненавидел и презирал эмигрантов – сербов, черногорцев и др. В другом случае, речь шла о болгарине из МВД, который оказался титовским агентом, передавшим все собранные данные в Белград, что вызвало аресты сотен человек в Югославии [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 52–56]. Планируемого создания центра политэмиграции на этом совещании не произошло, хотя вопрос об этом поднимался. Возможно, совещание стало промежуточным звеном в процессе поиска достойных кандидатов в руководство центра. Среднесрочная же цель Кремля, предусматривавшая формирование альтернативной югославской компартии в эмиграции в ближайшей перспективе, тем не менее, сохранялась, несмотря на неудовлетворительное состояние и «качество» эмигрантского «материала». Действительно, плохо управляемая масса эмиграции, где большую часть составляли стихийные сторонники резолюции, идеалисты, воспринимавшие СССР и Сталина иконографически (даже М. Джилас в годы войны оказался в плену этой иллюзии), вряд ли была пригодной для создания монолитной партии, руководство которой могло бы составить конкуренцию власти в Белграде, а затем, возможно, как планировали в Москве, и сменить ее. Но уже в ближайшие месяцы над концепцией партии «нового типа» продолжили работать лидеры «московской» группы Попивода и Голубович.

Между тем, вопрос о создании центра был вновь поднят «московскими» эмигрантами в конце года. Письмо от них было получено Внешнеполитической комиссией (ВПК) ЦК и стало основой новой записки Григорьяна, направленной Сталину 14 декабря. Был составлен проект постановления ЦК с предложением провести в первой половине января 1951 г. конференцию в Румынии с привлечением представителей всех групп эмиграции [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 78–86]. Постановление ЦК ВКП(б) было принято 19 декабря, и конференция состоялась в январе 1951 г. в Бухаресте. 12 февраля Григорьян в записке Молотову сообщил, что на конференции был сформирован центр югославской революционной эмиграции, который возглавил П. Попивода, а Р. Голубович стал его заместителем и главным редактором печатного органа центра. В состав центра вошли И. Петранович, Д. Новаков, А. Рупник, Р. Андрич и Ж. Люболев. Участники конференции

высказались за превращение газеты «За социалистическую Югославию» в орган координационного центра. В записке сообщалось, что для нужд центра выделено в Москве рабочее помещение и все его материально-техническое и хозяйственное обслуживание возложено на НИИ № 100 Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 92]. План работы центра на ближайшие два месяца предполагал организацию пропагандистского радиовещания на словенском языке (на сербохорватском оно осуществлялось с 29 июля 1949 г., а на македонском – с 1 января 1951 г.), создание закрытой политической школы для подготовки «организационно-партийных кадров из числа наиболее проверенных и подготовленных югославских коммунистов – политэмигрантов». Планировалось издание газеты на словенском языке на территории Венгрии.

В Кремле ставилась задача вытеснения из международных демократических организаций легитимных югославских делегаций и замены их ставленниками из эмигрантских организаций. Один из пунктов плана центра предусматривал «изгнание титовских агентов» из ВФП, ВФДМ и других организаций и введение туда в качестве представителей Югославии югославских эмигрантов [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 93–94].

Вопрос о создании компартии в эмиграции был открыто поднят руководителями «московской» группы в начале апреля 1951 г. В. Григорьян в записке на имя Сталина, опираясь на письмо Попиводы и Голубовича, адресованное в ЦК ВКП(б), попытался сформулировать основные принципы создания такой партии. Как можно было понять, главной задачей, в условиях дефицита кадров, становилась подготовка для «будущей революционной, подлинно марксистско-ленинской компартии Югославии необходимого количества руководящих партийных работников, воспитанных в духе любви и преданности к Советскому Союзу и странам демократического, антиимпериалистического блока». Такая постановка вопроса объяснялась тем, что «лучшие югославские коммунисты-интернационалисты (т.е. сторонники резолюции Информбюро. – А.А.) находились в тюрьмах Ранковича, а часть коммунистов, которая не попала в руки врага и борется против «фашистского террора и беззакония», являлась, по мнению московских эмигрантов, «недостаточно подготовленной в идеологическом и политическом отношении, о чем свидетельствует степень и формы освободительной борьбы против клики Тито» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 97–98]. В связи с этим координационный совет (московский Центр) предлагал создать особую партшколу для югославской эмиграции с двухлетней программой обучения, в задачу которой входила бы подготовка среднего звена партработников, «секретарей районных и областных комитетов, такого же уровня пропагандистов, партийных инструкторов, партработников и предприятий, печатных органов и радиостанций, а также других партработников». Учащихся в такой «спецшколе» должно было быть, как планировали югославы, 60 человек [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 99].

Записки о деятельности Координационного центра теперь поступали от Григорьяна к Молотову примерно раз в квартал и все больше напоминали канцелярские отчеты о проделанной, зачастую бумажной, работе. В очередном документе от 17 мая 1951 г. он сообщал, что работа Центра «осуществляется по единому тематическому плану» и от его руководства поступило предложение созвать во второй половине июня в Венгрии совещание представителей редакций всех газет и радиостанций «для обсуждения назревших задач по дальнейшему разоблачению клики Тито – Ранковича». Предполагалось, в связи с трехлетней годовщиной резолюции Информбюро подготовить ряд материалов для публикации в газетах. Как и было запланировано, в Венгрии начали издавать газету «За народную победу» на словенском языке. Она должна была выходить два раза в месяц тиражом 3000 экземпляров. Отмечалось, что эта задача была успешно решена при поддержке ЦК Венгерской компартии и «непосредственной помощи т. Ракоши» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 101–103].

Записка от 22 августа была полностью посвящена проблеме издания и заброски газет и пропагандистской литературы в Югославию. К этому времени в СССР издавалась ежедневная газета «За социалистическую Югославию», а в странах «народной демократии» три газеты, выходившие раз в десять дней и две двухнедельные. Месячный тираж этих газет составлял 115–120 тыс. экземпляров, в том числе 80 тыс. газет малого формата. Основная база, куда направлялись все тиражи газет, а затем оттуда уходили во все приграничные страны, включая Австрию и Свободную территорию Триест для дальнейшего перемещения в Югославию, находилась в Бухаресте, где ее курировал Международный отдел ЦК Румынской рабочей партии. Там же, при содействии располагавшегося в румынской столице Секретариата Информбюро ежемесячно издавалось 10–15 тыс. экземпляров брошюр 20–25 тыс. листовок малого формата на сербском языке с перепечаткой материалов из газет. Распространением газет и литературы занимались специальные службы при руководящих органах компартий приграничных с Югославией стран «народной демократии». Григорьян сообщал, что заброска материалов в страну представляла сложную проблему, поскольку усилились «репрессивные меры органов титовской охранки», что должно было означать ужесточение наказаний для югославских граждан, оказывающих помощь в распространении пропагандистской литературы [8]. Такая ситуация вызвала «затоваривание» продукции в промежуточных пунктах доставки. Из изданных в первом полугодии 800–900 тыс. экземпляров в Югославию удалось перебросить меньше половины – около 380 тыс., из которых значительная часть, что и признавалось в справке, так и осталась в тайниках на территории Югославии, не дойдя до конечного «потребителя». Перепроизводство пропагандистской макулатуры привело к тому, что в странах-поставщиках усилились просьбы уменьшить «завоз» газет и брошюр. Венгры со 160 тыс. хотели снизить поставки до семи тысяч, и с той же просьбой обратились албанцы и австрийцы. Авторы документа предлагали «активнее использовать каналы компартий Италии и Австрии для заброски литературы в Хорватию, Словению и Далмацию». Интересно как кремлевские пропагандисты собирались реализовать избыточные запасы газет и прочей продукции. Так называемые «свободные резервы тиражей» предполагалось отправить в адреса «прогрессивных югославских и других славянских организаций в странах Западного полушария – (США, Канада, Аргентина и другие страны), выступающих против клики Тито – Ранковича» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 106–109].

В записке Григорьяна от 17 декабря 1951 г. содержались некоторые новые подробности работы координационного центра за прошедший год. Кроме рутинной работы по укреплению единства рядов эмиграции и активизации борьбы с «кликой Тито – Ранковича», сообщалось о том, что удалось ввести представителей эмиграции в ряд «международных демократических организаций» – Всемирный Совет Мира, Всемирную федерацию профсоюзов, Международную демократическую федерацию женщин, Международную федерацию участников сопротивления и борцов против фашизма» для разоблачения «кликки Тито – Ранковича перед лицом международной демократической общественности и народами мира». Новым фактом было и то, что более 50 югославов-эмигрантов работали, помимо своих радиостанций, еще и на государственных станциях, где они «активно участвовали в антититовской пропаганде на языках народов Югославии. Сообщалось и о привлечении «наиболее проверенных и активных кадров эмигрантов в Болгарии, Венгрии и Албании» для нелегальной работы в «пределах Югославии по распространению газет, брошюр, листовок, а также по сбору информации о положении в стране». ЦК болгарской компартии в течение июня–октября забросил в Югославию 58 групп, в том числе шесть групп югославских эмигрантов для работы в пограничных районах глубиной до 20 километров. Как отмечалось в записке, ни одна из групп не провалилась, но было несколько вооруженных столкновений, в результате которых группы вынуждены были отойти на болгарскую

территорию. Доставлено было 130 тыс. экз. эмигрантских газет. Некоторым из этих групп удавалось успешно устанавливать связи и создавать явки «для работы среди патриотически настроенных рабочих в отдельных пограничных районах» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 112–115].

Реализация идеи создания специальной партшколы для эмигрантов в Москве была, видимо, на какое-то время оставлена, и в записке говорилось об организации партийно-политической учебы для эмигрантов на местной базе. В СССР, кроме 30 студентов-эмигрантов, обучающихся в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда, пять человек училось в заочной Высшей партшколе при ЦК ВКП(б), три человека в Высшей школе профдвижения, четыре – в Московском вечернем университете марксизма-ленинизма. На 1952 г. планировалось обеспечить подготовку, как говорилось, «партийно-политических работников для нужд югославской политической эмиграции». Речь шла о том, чтобы направить на учебу в партшколы новую группу «проверенных и активных политэмигрантов». Вероятно, партшколы, упоминаемые в документе, были обычными партийными учебными заведениями, входящими в структуру партийного образования ВКП(б) или компартий других стран советского блока.

В качестве серьезной задачи координационный центр формулировал проведение учетно-кадровой работы во всех группах эмигрантов, поскольку их состав постоянно пополнялся новыми членами с не всегда ясным прошлым. Проведенная в Румынии специальной комиссией проверка выявила в рядах политэмигрантов значительное число «скрытых агентов охраны Ранковича». Из группы в 164 чел. таких оказалось 65. Подобную проверку и чистку кадров координационный центр планировал провести в 1952 г. и в других странах «народной демократии». Судьба выявленных «агентов», как в Румынии, так и в других странах, осталась неизвестной [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 115–117].

Активность центра и его руководителей не ограничивалась правильным партийным «воспитанием» эмигрантов и распространением пропагандистской литературы в Югославии. В мае 1952 г. министр иностранных дел А. Вышинский направил И. Сталину письмо с информацией от советского посла в Албании К. Левычкина, которому Э. Ходжа сообщил, что координационный центр югославской политэмиграции и его руководитель П. Попивода обратились к нему с просьбой включить в состав албанской народной армии и органы МВД группу югославских политэмигрантов для военной и специальной оперативной подготовки их в качестве руководящих кадров для организации борьбы с режимом Тито. Руководитель албанского государства ответил отрицательно на просьбу Попиводы и предложил рассмотреть возможность создания специальных курсов для военной подготовки «наиболее проверенных югославских эмигрантов», не включая их в состав албанской армии. Обращение Ходжи за советом в Москву завершилось принятием постановления ЦК ВКП(б), которое повторяло просьбу Э. Ходжи слово в слово. В нем говорилось, что «в Москве согласны с мнением Энвера Ходжи о нецелесообразности включения югославских эмигрантов в ряды албанской армии и органы МВД и о возможности организации в Албании специальных курсов для военной подготовки наиболее подготовленных югославских эмигрантов» [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 118–119].

Предложение, сделанное руководством центра Ходже, можно было бы рассматривать как некий самостоятельный шаг, не согласованный с Внешнеполитической комиссией ЦК, если не иметь в виду, что комиссия Сулова полностью контролировала деятельность центра. В таком случае инициатива Попиводы должна была обсуждаться, по крайней мере, с основным куратором центра В. Григорьяном и получить его одобрение. Не исключено, что Попивода, напомнив, что Белград отозвал своих военных специалистов из Албании еще в 1948 г., предложил именно таким образом произвести «восстановление» института югославских военных советников в албанской армии, но Ходжа, вероятно, сумел разгадать его

замысел. Известно, что в Югославии, к тому же, порой относились к албанцам инструментально, как к объекту своей политики. С такой просьбой Попивода не осмелился больше обратиться ни к одному из руководителей стран «народной демократии».

Во второй половине января 1952 г. в Бухаресте состоялось очередное совещание представителей югославской политэмиграции, которое призвало, на этот раз, уже всех «югославских патриотов объединяться в единый освободительный фронт народов Югославии». Политической платформой этого фронта, построенной на выводах последней резолюции Информбюро, должен был стать лозунг борьбы за мир, свободу и независимость Югославии от империалистов, за «ликвидацию фашистского режима Тито и установление народно-демократического строя в Югославии». Говорилось о последующем ее возвращении в демократический лагерь и «на путь дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии». Руководство политэмиграции, ожидая открытой поддержки Кремля, вновь подняло вопрос о создании, «верной марксизму-ленинизму и принципам пролетарского интернационализма подлинной коммунистической партии», что является главным условием осуществления программы «единого фронта». Совещание в своей резолюции призвало всех югославских «патриотов» объединиться для решения этой основной задачи [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 122–125]. На фоне бравурных заявлений и резолюций возник вопрос о ситуации в руководстве эмигрантским движением, где уже не первый год происходили трения, возникали разногласия при принятии основных решений.

Создать центр югославской эмиграции не означало добиться единства его руководства. Думать же о формировании компартии на основе московской группы в таких условиях было бы крайне опрометчиво. И это в Кремле хорошо понимали. Прошло всего два года с момента формирования московской группы, а Григорьян 7 июня 1952 г. признавал, что Внешнеполитическая комиссия беспомощна в попытках уладить конфликт между главным редактором Попиводой и его заместителем Голубовичем, возникший годом раньше. Он констатировал, что обстановка в Центре и редакции продолжает оставаться нездоровой. Внешнеполитическая комиссия планировала в «оперативном порядке» ввести в состав Центра ряд представителей югославской эмиграции из Румынии, Венгрии и Болгарии и одного из советской группы. Собирались сменить и часть редколлегии. Заместителем назначить «инженера Рогановича» и в редколлегию ввести Бутуровича, только что окончившего Ленинградский политехнический институт. Планировалось укреплять и кадровый резерв, направив на учебу в Высшую партшколу при ЦК ВКП(б) трех эмигрантов, также окончивших советские высшие учебные заведения [2. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 120].

Доступные архивные документы по данной проблематике завершаются описанием последних усилий Кремля по консолидации эмигрантов летом 1952 г. и не дают возможности говорить о дальнейшей поддержке эмигрантского сообщества, деятельность которого еще продолжалась некоторое время, но уже после смерти Сталина довольно быстро почти полностью прекратилась. Со второй половины 1953 г. снизилась интенсивность антиюгославской пропаганды, а в сентябре–октябре 1954 г. в странах «народной демократии» прекратилось вещание эмигрантских радиостанций и выпуск газет, из продажи была изъята, направленная против Югославии литература [4. С. 45]. В мае 1955 г. ЦК КПСС обратился к членам Коминформбюро с предложением об отмене второй резолюции этой организации, принятой в ноябре 1949 г. [9. С. 89–90].

Проблема политэмиграции волновала югославское руководство с момента ее организации в СССР и странах «народной демократии». В начале 1950-х годов Тито связывал возможное вторжение на территорию Югославии с сопредельных территорий именно с активностью информбюровской эмиграции. По его мнению, она способна была инициировать внутри государства антиправительствен-

ные выступления, которые могли быть поддержаны извне [10. С. 67]. Тито и его окружение, если судить по его записям, были в конце 1950 г. уверены в скором нападении на Югославию со стороны советских сателлитов [10. С. 64–65]. Этот страх, имевший под собой реальные основания, не исчез и после нормализации отношений с СССР. Так, в записке Тито, направленной Л. Брежневу в июле 1971 г., был поставлен вопрос о югославских политэмигрантах, деятельность которых, как подчеркивал югославский лидер, могла нанести ущерб советско-югославским отношениям [5. Ф. КПР 1-1/1011]. В сентябре того же года во время визита в Югославию Брежнев в беседе с Тито признал существование небольших групп эмигрантов в Москве, Киеве и Ленинграде. Он сообщил, что часть из них это члены КПСС, принявших, к тому же, советское гражданство. Брежнев говорил, что они, вероятно, встречаются между собой, «черт их знает, многие собираются на днях рождения и по нашим законам никто не имеет право делать какие-то нелегальные вещи». Как указывал советский лидер, советские органы не регистрировали, что эмиграция создает «какие-то тайные документы или какие-то другие вещи». «Я не знал, что кто-то встречался с кем-то из них» – сообщил Брежнев и продолжил: «Из-за этого наше правительство подвергается почти политическим обвинениям, словно у нас есть какие-то связи с эмиграцией. У нас нет никаких связей с ними. Мы и за своими-то не можем уследить, а не то что за эмиграцией» [5. Ф. КПР 1–3 а/101–131].

Создание Координационного центра югославской политической эмиграции в Москве явилось одним из инструментов борьбы советского руководства с «реви-зионистским режимом Тито – Ранковича», который согласно резолюции Информ-бюро должен был быть замещен верными идеям интернационализма и СССР коммунистами. Однако можно утверждать, что сталинский проект, несмотря на значительные усилия Кремля, в том числе финансовые, оказался не осуществленным. Югославская политическая эмиграция не смогла добиться поставленной цели – создания альтернативной компартии за пределами Югославии, а сформированный искусственно функционерами ЦК ВКП(б) центр не сумел превратиться в действенное объединение единомышленников. Смерть Сталина и начало нормализации показали, что кремлевские планы могли реализовываться только в период его единоличного деспотического правления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Југословенско-совјетски односи. 1945–1956: зборник докумената. Београд, 2010.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
3. Сопешанија Коминформа 1947, 1948, 1949. Документи и материјали. М. 1998.
4. *Митровић М., Селинић С.* Југословенска информбировска емиграција у источноевропским земљама, 1948–1964. // Токови историје, 1–2/ 2009.
5. Архив Југославије (АЈ), Београд, Србија.
6. Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: Документы. М., 2002. Т. 2: 1949–1953 гг.
7. Советско-југославские отношения. 1945–1956: Документы и материалы. Новосибирск. 2010.
8. Hrvatski Drzavni Arhiv. Fond SDS (Sluzba drzavne sigurnosti). Informburo. God. 1949–1954.
9. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. 1954–1958. М., 2006. Т. 2. Постановления.
10. Титов дневник. Београд, 2009.

© 2016 г. И.Н. СЕЛИВАНОВ

БЕСЕДА Э. КАРДЕЛЯ И А.И. МИКОЯНА (июнь 1956 года) О ПРОБЛЕМАХ НОРМАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ XX СЪЕЗДА КПСС

Рассмотрен один из важных эпизодов истории советско-югославских отношений, связанный с приездом в Советский Союз в июне 1956 г. правительственной делегации Югославии. В ходе визита состоялась неформальная беседа заместителя Председателя Совета Министров СССР Микояна с одним из ближайших соратников президента Тито Карделем. В качестве приложения публикуется ранее секретный текст отчета об этой встрече, составленный со слов Микояна и ныне хранящийся в бумагах его личного секретариата в Государственном архиве Российской Федерации. Содержание документа свидетельствует о желании руководства двух стран попытаться разобраться в существовавших на тот момент противоречиях и сблизить позиции по некоторым вопросам.

The article considers an important episode in the history of the Soviet-Yugoslav relations, connected with the visit of the Yugoslav governmental delegation to the Soviet Union in June 1956. During the visit, the Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR Anastas Mikoyan held an informal discussion with Edvard Kardelj – one of the closest associates of President Tito. As a supplement, the text of a previously classified report of this meeting is published, drawn from the words of Mikoyan and now stored in the State Archives of the Russian Federation. The content of the document demonstrates the willingness of the leadership of both countries to understand the contradictions and bring positions on some issues closer together.

Ключевые слова: советско-югославские отношения после XX съезда КПСС, международная деятельность А.И. Микояна, политические взгляды Э. Карделя, исторические источники по вопросам советско-югославских отношений.

Keywords: Soviet-Yugoslav relations after the Twentieth Party Congress, international activity of Anastas Mikoyan, political views Edvard Kardelj, historical sources on the Soviet-Yugoslav relations.

Публикуемый ниже документ из фондов РГАСПИ относится к июню 1956 г., когда достиг апогея процесс советско-югославского сближения, начатый после смерти Сталина. Первый после примирения двух стран визит югославской правительственно-партийной делегации во главе с Й. Брозом Тито в СССР длился более 20 дней – с 1 по 23 июня, его итогом стало подписание важных программных документов двустороннего сотрудничества и в том числе Декларации об отношениях двух партий [1. 1956. 21 VI]. В ходе пребывания югославской делегации в СССР наряду с основными, официальными беседами делегаций двух

Селиванов Игорь Николаевич – профессор, д-р ист. наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета.

стран (записи бесед от 5, 9, 18 и 20 июня см.: [2]) состоялся и ряд неформальных встреч лидеров. Вниманию читателей предлагается продиктованная А.И. Микояном и сохраняющая его неповторимый авторский стиль (ср. с отчетами Микояна о посещении Венгрии в период венгерского кризиса 1956 г.: [3]) записка о беседе со вторым по своему влиянию человеком в титовской Югославии 1950-х годов Э. Карделем.

Каждый из этих политиков по праву может считаться долгожителем на политическом Олимпе своей страны. А.И. Микоян (1895–1978) более 50 лет (!), с 1923 по 1976 г. был членом ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС и более 30 лет, с 1935 по 1966 г., членом Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС. Человек, внесший свою лепту в возвышение Сталина и в некоторой мере причастный к репрессиям конца 1930-х годов, он в то же время сыграл весьма позитивную роль в обеспечении населения страны продовольствием (в том числе в годы войны) в качестве наркома (министра) торговли, внешней торговли, зампреда Совета министров СССР, курировавшего вопросы снабжения. После смерти Сталина в полной мере проявились политический прагматизм Микояна и его склонность к осторожным, умеренным реформам. Отвечая за внешнеэкономические связи СССР, он был последовательным сторонником расширения разносторонних (но в первую очередь, безусловно, экономических) контактов с Западом. Армянин по национальности, Микоян был в большей мере, чем другие члены сталинского Политбюро и хрущевского Президиума ЦК, чувствителен к национальным ценностям, чаяниям малых народов, что особенно проявилось в ходе его миссий в страны Восточной Европы в кризисные моменты развития, закрепивших за ним репутацию гибкого переговорщика, поистине мэтра «партийной дипломатии» – само это понятие во многом вошло в обиход политической практики хрущевской эпохи благодаря А.И. Микояну (см. в этой связи записи его бесед с венгерскими партийными функционерами: [3]). Велик вклад Микояна в урегулирование Карибского кризиса 1962 г., впервые поставившего мир на грань ядерной войны, что само по себе дает основания назвать его в ряду отечественных политиков, оставивших прежде всего позитивный след в истории XX в.

В отличие от никогда не претендовавшего на роль теоретика А.И. Микояна, его собеседник Эдвард Кардель (1910–1979), словенец по национальности, был не только ярким практическим политиком, но и главным идеологом титовской Югославии, внес большой, если не решающий вклад в формирование концепции самоуправления. Человек, склонный подходить к тем или иным положениям марксистского учения творчески, и не в последнюю очередь с учетом политической конъюнктуры, он всегда, даже в периоды улучшения советско-югославских отношений, воспринимался советским идеологическим истеблишментом с известной долей подозрения как один из столпов югославского «ревизионизма».

Микояну и при жизни Сталина приходилось заниматься югославскими делами, прежде всего в качестве куратора внешнеэкономических связей СССР со странами «народной демократии». Очевидно, что именно тогда, во второй половине 1940-х годов, состоялось его знакомство с Карделем, уже в то время влиятельным членом узкого руководства КПЮ. Весной 1948 г. Микоян наряду с другими членами Политбюро участвовал по требованию Сталина в написании писем руководителям Югославии с обвинениями их в отступлении от идеалов марксизма и иных прегрешениях¹, в других недружественных акциях в отношении Тито и его соратников. Как известно из многих позднейших высказываний Микояна,

¹ Впечатлениями об этом на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г. делился Н.А. Булганин: «Вот как начался разрыв [...] Сидели мы несколько дней и ночей здесь, в уголке у Сталина. Мы все помогали тоже, чем могли [...] Вот тогда и выдумали насчет марксизма-ленинизма, и насчет национализма. Прямо давайте говорить, чего тут крутить. Так ведь оно и было. Так начались разногласия с Югославией и потеряли страну» (цит. по: [4. С. 161]). См. публикацию этих писем, подготовленную Л.Я. Гибианским [5. 1995. № 4–5, 6–7, 8].

и в том числе сделанных в беседах с югославами, ему явно не imponировал разрыв отношений с Югославией, но ни один из членов Политбюро не мог в принципиальных вопросах перечить диктатору, все менее сомневавшемуся в своей всемогущности и за пределами СССР, что, однако, не уберегло его от явной неудачи «на югославском фронте». Попытка сменить руководство Югославии («вот пошевелю пальцем – и не будет Тито» – приводил впоследствии Хрущев одно из сталинских высказываний) оказалась безуспешной, напротив, смелым сопротивлением сталинскому диктату лидер ФНРЮ завоевал уважение во всем мире и приобрел огромный внешнеполитический вес.

После смерти Сталина этим двум незаурядным политикам – Микояну и Карделю – пришлось внести свой вклад в нормализацию советско-югославских отношений, прерванных по инициативе «отца народов». Надо думать, особого зла на Микояна в Белграде не держали, прекрасно понимая, что в сталинском СССР, как и в титовской Югославии все важнейшие решения принимались единолично, правда, Тито чуть в большей мере прислушивался, особенно в вопросах идеологии, к мнению одного из своих ближайших соратников, Карделя. В конце мая – начале июня 1955 г. Югославию посетила в целях примирения с недавним заклятым врагом советская делегация во главе с Н.С. Хрущевым, в которую входил и Микоян. Переговоры шли непросто (см. записи: [2]). Не жалея сил для возвращения крупнейшей балканской страны в советский лагерь (это стало бы явным внешнеполитическим успехом), Хрущев, однако, никак не хотел признать Сталина главным виновником конфликта, упорно пытался возложить ответственность на Л. Берия и М. Джиласа, изгнанного в начале 1954 г. из узкого руководства СКЮ (см.: [6]). К пересмотру роли Сталина в мировом коммунистическом движении в Москве весной – летом 1955 г. еще не были готовы. В Белграде же требовали большего, понимая, что разоблачение Сталина не только прояснит реальные истоки советско-югославского конфликта, но и поднимет на гораздо большую высоту югославскую коммунистическую элиту, бросившую вызов всемогущему диктатору. Как бы то ни было, 2 июня была подписана совместная Декларация о восстановлении нормальных межгосударственных отношений [1. 1956. 3 VI]. С югославской стороны, по поручению Тито, главную роль в подготовке документа играл Кардель, неформально считавшийся вторым человеком в партийно-государственной иерархии.

Югославский вопрос был активно использован Хрущевым во внутривосточной борьбе для нанесения удара по своему главному конкуренту В.М. Молотову, с марта 1953 г. вновь возглавлявшему МИД и претендовавшему на решающее влияние при принятии внешнеполитических решений. Микоян, солидаризируясь с Хрущевым, считал, что вопросы примирения с Югославией как принципиально важные должны находиться в первую очередь в ведении ЦК КПСС. На заседаниях Президиума ЦК КПСС 6 и 8 июля 1955 г. [7. С. 52], где обсуждались итоги визита советской делегации в Югославию и строились дальнейшие планы сближения двух стран, Микоян подверг критике Молотова, упорно не признававшего Югославию страной, строящей социализм, и, соответственно, не считавшего целесообразным идти на сближение с ней больше, нежели нормализация отношений как с «рядовым капиталистическим государством». Вопрос о Югославии был включен и в повестку дня состоявшегося 4–12 июля Пленума ЦК КПСС [8. С. 91–92]. Обосновав геополитическими соображениями необходимость возвращения Югославии в «народно-демократический» лагерь, Хрущев снова раскритиковал позицию Молотова в югославском вопросе, что нашло отражение и в опубликованной резолюции пленума. Именно Микояну было поручено (К.Е. Ворошиловым от имени всего руководства) переговорить с Молотовым и убедить его в бесперспективности особой позиции в югославском вопросе. Однако Молотов проявил упорство (см. [6]). По его мнению, ответственность за разрыв отношений в конце 1940-х годов ложилась на Белград никак не в меньшей мере, чем на Москву.

Когда в доказательство правоты своей позиции Молотов стал цитировать материалы VI съезда СКЮ (1952) с крайне резкими оценками не только внешней политики СССР, но и самой сути советской системы, Хрущев и Микоян, перебивая, указывали ему и на советские выступления того периода.

Таким образом, Микоян на июльском пленуме 1955 г. полностью поддержал Хрущева. Поездка в Белград, по его мнению, себя оправдала: произошло не только улучшение межгосударственных отношений, но и были сделаны первые шаги в налаживании межпартийных связей. Молотов, не желая признать первые успехи в преодолении прежних наслоений, избрал, по его мнению, принципиально неверную тактику: «Разве мы должны всегда разоблачать на весь мир ошибки наших друзей, а не помогать им в удобной форме изжить то, что неправильно» (цит. по [4. С. 163]). В выступлении на июльском пленуме 1955 г. Микоян первым из советских лидеров одобрил создание «рабочих советов» на югославских предприятиях, сравнив их с «производственными совещаниями» на советских предприятиях. Но, по его мнению, у югославов они «не такие, как у нас, некоторыми бюрократами заглоблины», а такие, какими они и в СССР задумывались в 1920-е годы при создании. Он также позитивно отзывался о «групповой собственности» в Югославии [4. С. 164]. Как отмечалось, ключевой фигурой в разработке югославской концепции «рабочего самоуправления» был именно Э. Кардель.

В конце августа – начале сентября 1955 г. Москву посетила югославская экономическая делегация во главе с С. Вукмановичем-Темпо, обсуждавшая вопрос о предоставлении Югославии крупного кредита на промышленное строительство. Взамен югославская сторона обещала не присоединяться к американским санкциям в отношении торговли стратегическими товарами. Переговоры с югославами вел Микоян, пообещавший оказать им помощь без каких-либо предварительных условий (подробнее см.: [9. С. 164–165]). Достигнутые договоренности укрепили авторитет Микояна в среде югославской коммунистической элиты, не удивительно, что он был приглашен с семьей провести отпуск в Югославии и пробыл там с санкции Президиума ЦК КПСС две недели – с 18 сентября по 3 октября 1955 г. Хотя эта миссия не освещалась в печати, недооценивать ее значения не следует, ведь в неформальной обстановке был продолжен диалог с югославскими лидерами по ряду дискуссионных вопросов (материалы о пребывании Микояна в Югославии в это время см.: [2])².

Усилия Микояна, выступавшего в роли едва ли не главного «лоббиста» в деле улучшения советско-югославских отношений, высоко оценивались в окружении Тито. По справедливому замечанию А.Б. Едемского, в Белграде Микояна «относили к советским реформаторам, стремившимся изменить ситуацию в СССР в направлении десталинизации страны, и поэтому охотно шли на контакт с ним» [6. С. 533].

XX съезд КПСС был позитивно встречен югославской коммунистической элитой – ей импонировали как осуждение Сталина, так и концептуальное признание многообразия путей к социализму (См. [6]). Правда, закрытый доклад Хрущева о «культе личности», полученный из Москвы, в Белграде не решились в то время опубликовать в сколько-нибудь полном виде, опасаясь слишком сильной компрометации в югославском обществе идеи социализма как таковой. Публикуемая ниже запись беседы хорошо показывает определенное замешательство не только Микояна, но и «ревизиониста» Карделя в связи с небывалым общественным подъемом и размахом критических выступлений снизу как в СССР, так и в Югославии, других социалистических странах под влиянием XX съезда. В устах главного идеолога СКЮ высказывания об идеологической распушенности и анар-

² Поездка осенью 1955 г. в ФНРЮ нашла отражение в неопубликованных мемуарах Микояна о его зарубежных поездках 1954–1965 гг., хранящихся в его личном фонде в РГАСПИ [10. Ф. 84. Оп. 3].

хизме некоторых критиков существующих порядков и слабой реакции на них польского и венгерского руководств были наилучшим свидетельством близости взглядов лидеров КПСС и СКЮ на рамки проводимой десталинизации.

Как бы то ни было, официальная делегация СКЮ на съезд не приехала, что было знаком сохранявшегося, к огорчению Хрущева, дистанцирования СКЮ от мирового коммунистического движения – лидеры Югославии явно опасались, что международное общественное мнение воспримет сближение с СССР как отказ от независимой внешней политики. Лишь посол Д. Видич присутствовал на съезде в качестве наблюдателя. Правда, делегатам съезда было зачитано приветственное письмо Тито, опубликованное и в «Правде». Разоблачение на XX съезде «культы личности» Сталина, с одной стороны, облегчало дальнейший советско-югославский диалог (на начало лета был намечен официальный государственный визит югославской делегации на высшем уровне в СССР, первый после 1946 г.), но, с другой стороны, особенно наглядно подчеркивало историческую правоту в споре с Москвой лидера ФНРЮ Тито, в труднейший для своей страны период не испугавшегося вступить в острое противостояние с вождем мирового коммунистического движения. Отсюда и так не понравившееся Микояну «злорадство» югославской прессы при освещении сталинской темы в свете хрущевского доклада – прежде всего за ним стояло чувство глубокой удовлетворенности в связи с торжеством справедливости.

В отличие от Хрущева Микоян не восхвалял заслуг Сталина в ходе встреч с югославскими лидерами в мае–июне 1955 г. Подвергавшийся в последние годы жизни Сталина яростной критике с его стороны (особенно на XIX съезде КПСС) и не вошедший в 1952 г. в отобранный самим вождем узкий состав (Бюро) Президиума ЦК КПСС, он снискал репутацию «гонимого» Сталиным и мог от лица руководства СССР предстать в несколько более выгодном свете положение людей из ближайшего сталинского окружения в те годы (дескать, «и мы тоже от него страдали»). Эту методику, кстати, он с успехом использовал во время встречи в Пекине в апреле 1956 г. с Мао Цзэдуном (см. [11. С. 64]), выполняя одну из самых ответственных в своей жизни миссий – убедить лидера китайских коммунистов в целесообразности постановки вопроса о культе личности на XX съезде КПСС.

В рамках подготовки визита в СССР 20 апреля Микоян провел встречу с новым послом ФНРЮ В. Мичуновичем³. Буквально за два дня до этого было ликвидировано Информбюро коммунистических партий, что стало в немалой мере жестом доброй воли, адресованным Москвой Белграду, где с полным на то основанием воспринимали эту созданную во времена Сталина структуру как инструмент внешнеполитического давления, игравший немалую роль в ходе антиюгославской кампании конца 1940-х – начала 1950-х годов (см. [13]). Касаясь советско-югославских отношений по партийной линии, Микоян заметил, что «советских товарищей обрадовали последние выступления Карделя, в которых он стал выступать с более последовательных марксистских позиций»⁴. По его мнению, это свидетельствовало об определенном сближении точек зрения Москвы и Белграда. Микоян позитив-

³ Мичунович (Мићуновић) Велько (1916–1982) – Народный герой Югославии, в 1946–1952 гг. занимал должности заместителя министра внутренних дел и генерального директора Управления металлургической промышленности в статусе министра. Затем на дипломатической работе: заместитель Государственного секретаря по иностранным делам ФНРЮ, посол Югославии в СССР в 1956–1958 гг. и в 1969–1971 гг. На основе записей своих бесед с советскими лидерами издал позже книгу [12].

⁴ В Москве внимательно следили за каждым новым выступлением Карделя и даже предприняли перепечатку в «Правде» ряда его программных статей. Так, накануне визита югославской делегации в СССР, был опубликован текст его выступления о политике кооперирования сельского хозяйства Югославии [1. 1956. 26 V], а в первые два дня пребывания делегации ФНРЮ увидела свет еще более объемная статья Карделя о руководящей роли СКЮ в социалистическом строительстве, сопровождавшаяся размещением в главном печатном органе КПСС его фотографии [1. 1956. 2–3 VI].

но оценил свои контакты с Карделем во время пребывания в Югославии осенью 1955 г. и специально подчеркнул, что «различия, если и имели место, то только в оттенках и второстепенных деталях» [14. Л. 176–177]. Мичунович, специально оговорившись, что выражает лишь личное мнение, решил рассказать о своем видении позиции, занимаемой в отношении Карделя «некоторыми советскими товарищами». По словам посла, очевидно, все-таки излагавшего негласное мнение официального Белграда, в Советском Союзе и странах народной демократии периодически появляются высказывания, что Кардель занимает «более правую позицию» в руководстве ФНРЮ и только сейчас он начал «перестраиваться, становиться на более последовательные марксистские позиции». По убеждению Мичуновича, это не соответствовало действительности. Для устранения подобного рода «недоразумений» посол предложил, чтобы спорные вопросы, касающиеся оценки взглядов главного идеолога СКЮ (а значит, по сути дела, идеологические установки партии) «были обсуждены советскими и югославскими товарищами и при этом было бы выяснено, действительно ли Кардель ранее стоял на немарксистских позициях⁵ и только теперь якобы становится более последовательным марксистом или это представление является ошибочным». Лично он, Мичунович, полагает, что не имеется никаких оснований для такого рода оценок высказываний Карделя [14. Л. 179–180]. Микоян в интересах советско-югославских отношений не считал целесообразным «возвращаться к прошлому, ибо главное заключается в том, что в настоящее время советские товарищи одобряют выступления Карделя». Он специально подчеркнул, что в руководстве СССР внимательно следят за тем, чтобы в югославском руководстве не допускалось «ненужное копание в прошлом» [14. Л. 180]. Мичунович же продолжал настаивать на том, что в интересах «еще более тесного сотрудничества» не следует уходить от обсуждения спорных вопросов. Ведь Кардель, по мнению югославских лидеров, в своих резонансных выступлениях, подчас вызывавших неудовольствие в Москве, критиковал в основном именно те самые стороны сталинской политической практики, которые были подвергнуты критике и на XX съезде КПСС. Поэтому он, Мичунович, «не видит, что можно было поставить в упрек Карделю» [14. Л. 181].

Во время пребывания в июне 1956 г. югославской делегации в СССР А.И. Микоян принимал непосредственное участие во встречах, переговорах, приемах. Как следует из содержания стенограмм основных официальных бесед, главными действующими лицами были Н.С. Хрущев и Й. Броз Тито. Другие участники, включая Микояна, ограничивались отдельными репликами и комментариями, главным образом по частным вопросам [15. С. 258–275; 276–289; 290–304; 305–307]⁶. Имели место, как отмечалось выше, и неофициальные контакты, в ходе которых А.И. Микояну пришлось сыграть более существенную роль. Об этом свидетельствует публикуемая ниже запись беседы с Карделем, состоявшейся после возвращения югославской делегации из Ленинграда, куда она ездил по окончании второго раунда официальных переговоров. С малой долей вероятности ошибиться можно предполагать, что Микоян (как это неоднократно случалось в практике их взаимоотношений) получил от Хрущева задание: «прощупать» Карделя и разобраться, является ли он истинным марксистом, настоящим коммунистом. Судя по начавшейся публикации текстов Карделя в «Правде», о чем речь шла выше, такое мнение стало в Москве в те недели возобладать, ведь программные статьи идеолога СКЮ не противоречили основополагающим идеологическим установкам главного печатного органа КПСС.

⁵ Не в последнюю очередь имелись в виду негативно воспринятые в СССР выступления Карделя на Западе, главным образом, перед европейскими социал-демократами, с обоснованием югославской концепции социализма. Такова была, в частности, его прочитанная на немецком языке нашумевшая лекция в Осло осенью 1954 г. перед активом Норвежской рабочей партии.

⁶ Стенограммы этих встреч сохранились и в личном фонде Микояна в РГАСПИ [10. Ф. 84. Оп. 3. Д. 33. Л. 94–122; 123–141; 172–176; 153–171].

Как бы то ни было, даже при использовании всего богатого арсенала методов «партийной дипломатии», которым в полной мере владел такой ее мэтр как А.И. Микоян, программа-максимум, поставленная в Кремле перед началом визита Тито, так и не была решена. Результатами июньского визита в Москве в целом остались недовольны, ведь Югославия, проявив заинтересованность в активизации всесторонних (особенно экономических) связей с СССР, вместе с тем отнюдь не выразила желание войти в советский блок и отказаться от независимой внешней политики. Спустя несколько месяцев расхождение позиций в условиях венгерского восстания, подавленного в результате советской силовой акции, привели к новому откату в советско-югославских отношениях, хотя, не в пример сталинской эпохе, нормальные межгосударственные отношения сохранялись (см. [16]). Посол В. Мичунович вспоминал, что никогда не видел Хрущева таким взбешенным, как в то декабрьское утро 1956 г., когда ему принесли текст с изложением речи Карделя в Союзной Скупщине ФНРЮ, в которой бюрократический социализм советского образца противопоставлялся венгерским рабочим советам, продукту антитоталитарной революции. Заслуживает, однако, уважения тот факт, что и эта программная речь Карделя была опубликована в советской прессе (причем в теоретическом органе КПСС журнале «Коммунист», правда, в сопровождении полемической статьи главного редактора этого журнала А. Румянцева с характерным названием «Социалистическая действительность и “теории” тов. Карделя» [17. 1956. № 18]).

Текст отчета, составленного со слов А.И. Микояна, публикуется по рассеченному экземпляру, хранящемуся в бумагах его личного секретариата в РГАСПИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правда.
2. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М., 2014. Том первый. 1946–1964 (серия: Россия. XX век. Документы).
3. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.
4. *Аксютин Ю.В.* Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР. 1953–1964. М., 2010.
5. Вопросы истории.
6. *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
7. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Т. 1. М., 2004.
8. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Постановления. М., 2015. Т. 2. 1954–1958.
9. *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2002.
10. Российский государственный архив социально-политической истории.
11. *Селиванов И.Н.* Трудный диалог после XX съезда КПСС // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9.
12. *Mićunović V.* Moskovoške godine 1956/1958. Zagreb, 1977.
13. *Стыкалин А.С.* Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение. 2014. № 1.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 702.
15. Югославија–СССР. Сусрети разговори на највишем нивоу руководиоца Југославије и СССР. 1946–1964. Београд, 2014. Т. 1.
16. *Стыкалин А.С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской печати конца 1950-х // Мир истории. Электронный журнал. 2015. № 1. <http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm>.
17. Коммунист.
18. *Аникеев А.С.* М. Джилас и диссидентское движение в Югославии в 1960-е годы // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей. М., 2013.
19. *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы оттепели. Из истории советско-польских отношений. М., 2005.
20. *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

Изложение основных моментов беседы [А.И. Микояна] с т. Карделем во время обеда 10 июня 1956 года*

Секретно

Кардель сказал, что уже до этого они вместе с Тито много коньяку выпили. Чтобы содействовать оживленной беседе и откровенности, я стал нажимать на него с тем, чтобы пить несколько больше обычного коньяку и вина. Шла откровенная беседа.

Он спросил: «Когда Вы в следующий раз приедете в Югославию»? И заявил, что такие поездки полезны для общения, для сближения.

Я сказал, что общение нужно широкое, что теперь очередь других товарищей поехать в Югославию¹, нужно чтобы ездили и в дальнейшем и из Югославии партийные, общественные деятели, туристы и чтобы, в качестве надежды и желания – в ходе этого общения через год ли, два ли (срок здесь не решает) настолько бы сблизились в области идеологии югославские коммунисты и советские, насколько мы близки между собой в Советском Союзе и с братскими партиями; чтобы не было у нас разногласий.

Согласившись, Кардель оговорился, однако, что он против того, чтобы было одинаковое мышление по всем вопросам – и главным, и второстепенным. При этом он допускает и разногласия, например, по такому вопросу – каким путем идти к коллективизации сельского хозяйства. Он считает это нормальным и естественным.

Я ответил, что никто из нас не добивается стандартного мышления по всем вопросам. Разногласия, естественно, возможны и допустимы по отдельным конкретным вопросам. Но мы против таких разногласий в нашей среде, которые могут быть использованы классовым врагом во вред делу коммунизма.

Он согласился, что должны быть пределы возможных разногласий, сказал, что это правильно.

Я ему заявил, что в связи с обсуждением доклада о культе личности у нас в партии, а также и среди актива беспартийного, комсомольцев, развернулась большая дискуссия не только по существу доклада, но и о том, что происходит в каждой организации, предприятии, в каждом учреждении; развернулась острая критика и самокритика. Эта дискуссия показала величайшее единство партии и доверие масс руководству.

Среди некоторой части интеллигенции, например, в Москве было несколько выступлений явно антипартийных. Мы, поддерживая критику и самокритику и дискуссии, решили одернуть и ударить по рукам этих антипартийных лиц. В связи с этим в «Правде» появилась статья, в которой названы фамилии Ярошенко и других, против выступлений которых партия призывала бороться².

Мы не опубликовали, что конкретно они говорили в антипартийном духе, ибо это было бы на пользу буржуазии, нашим врагам.

Некоторые коммунисты высказывали мнение – не направлена ли эта статья против самокритики. Они были неправы, потому что критика не исключает борьбу партии против антипартийных выступлений, а, наоборот, такую борьбу пред-

* В работе над публикацией принимал участие А.С. Стыкалин.

¹ В сентябре – начале октября 1956 г. Хрущев и Тито обменялись неофициальными поездками на отдых – их встречи и беседы состоялись на Адриатике и в Крыму.

² Речь идет о старом большевике, экономисте, который в 1952 г. позволил себе критику одо-бренного И.В. Сталиным учебника политэкономии, за что был раскритикован «вождем народов», а затем был арестован. В конце 1953 г. Л.Д. Ярошенко освободили, но он уже в 1956 г. позволил более резко высказаться по поводу культа личности, чем предписывали высшие органы власти. За это его исключили из партии и восстановили в ней лишь после XXII съезда КПСС.

полагает. Как мы могли не ударить по таким, например, ораторам, один из которых предлагал вооружить народ, не доверяя Советской Армии и милиции?

Ясно, что это пахло белогвардейщиной. Аналогично высказывание о том, чтобы иметь не одну, а несколько партий в стране, т.е. то, что у вас говорил Джилас³.

Кардель энергично высказался за то, что партия должна бороться с такими высказываниями, в связи с этим рассказал, что когда в Политбюро читали впервые доклад о культе личности, то создалось трудное положение и возникла забота, как на это будут реагировать в Югославии с точки зрения своей, югославской действительности. При обсуждении и доведении до масс этого доклада, в чем участвовало 1/2 миллиона югославов, нашлись элементы в деревне и в городе, которые хотели использовать этот доклад против югославского партийного руководства. В связи с этим югославы были вынуждены принять некоторые специальные меры, чтобы не дать развязаться таким силам, чтобы обсуждение не приняло нежелательного оборота в Югославии.

Кардель сказал далее, что его, например, удивило, что в Чехословакии на съезде писателей⁴ были анархистские, антипартийные выступления типа выступлений Джиласа. На съезде писателей даже выступали рабочие делегации с фабрик с сочувствием этой линии, а руководство чехословацкой компартии было в стороне, хотя оно должно было активно с этим бороться.

Я вставил при этом, что чехословацкое руководство в первые дни дало волю, чтобы посмотреть, во что это выльется, но оно крепкое руководство, быстро вмешалось в это дело и положение там очень прочное.

Кардель сказал, что и в Польше, а частично и в Венгрии были распущенные анархические выступления, а партийное руководство слабо на них реагировало.

Я согласился с тем, что в Польше это приняло несколько большие размеры и партия с опозданием вмешалась; там серьезную роль сыграли некоторые сионистские элементы, в том числе арестовывавшиеся еще в свое время в Советском Союзе. Несколько поздно партия вмешалась, но и там руководство крепкое, уверено в своих силах и эта дискуссия пошла на пользу⁵.

В связи с этим я сказал ему, что у нас плохое впечатление произвело поведение югославской прессы при освещении доклада о культе личности. Газеты «Борба» и другие стали освещать этот доклад в сенсационном духе, на материалах буржуазных газет.

Передача югославам закрытого доклада, сделанного только для делегатов съезда, была признаком большого доверия с нашей стороны к Союзу коммунистов Югославии. Мы считали, что это будет должным образом оценено, а вышло, что этот доклад был использован для сенсационных выступлений прессы – то, что не допускала наша пресса. В Югославии же все это сообщалось с некоторым даже злорадством против нашей партии, что, конечно, не могло не вызвать у нас неудовольствия.

³ Милован Джилас (1911–1995) – одна из ключевых фигур антифашистского народно-освободительного движения в Югославии в годы Второй мировой войны, в 1944–1954 гг. занимал различные высокие должности в КПЮ (СКЮ) и правительстве. В конце 1953–1954 гг. выступил в центральной прессе с серией статей, в которых, не ограничившись (как это было принято в титовской Югославии тех лет) критикой бюрократического социализма советского образца, призвал к глубокому демократическому реформированию югославского коммунистического режима, что предполагало введение многопартийности и легализацию оппозиции. Был в начале 1954 г. подвергнут остракизму на пленуме ЦК СКЮ, выведен из ЦК, позже исключен из партии, лишен правительственных наград. В последующем продолжал в качестве публициста, чья деятельность получила международный резонанс, выступать с критикой режима Тито, за что неоднократно подвергался тюремному заключению. В 1950–1980-е годы – центральная фигура югославского диссидентского движения. Подробнее см.: [18].

⁴ В мае 1956 г.

⁵ О положении в Польше весной 1956 г. см. [19].

Кардель согласился, что это верно, но заметил, что это имело место только в течение 1–2-х дней, не больше. Когда европейская буржуазная пресса стала опубликовывать некоторые детали доклада, югославские журналисты пришли в Агитпроп СКЮ за разрешением опубликовать то, что пишут европейские газеты. Агитпроп им разрешил помещать в югославских газетах лишь то, что опубликовано в европейской прессе, и только в той части, в какой опубликованное там при сверке с текстом доклада окажется соответствующим действительности, а не выдумкой.

Тому, заметил я ему на это, что пишет западная пресса, никто не верит, а югославским газетам в данном вопросе поверят. Нельзя было этого делать, раз советская пресса этого не сделала.

Он заявил, что в ЦК Союза коммунистов сразу это поняли и прекратили в прессе публиковать больше, чем публикует советская печать.

Касаясь допустимости разногласий среди коммунистов, Кардель сказал, что когда они были в Ленинграде, кто-то спросил его – есть ли у них сельскохозяйственные научные институты. Он ответил, что есть. Тогда его спросили, кто же руководит ими, кто разрешает споры, когда они возникают между научными работниками – какова роль партии, роль СКЮ?

От себя Кардель добавил, что он считает, что партия не должна брать на себя и решать спорные вопросы науки, если это не переходит в сферу политики.

Я ему сказал, что это правильно, что мы держимся такой же точки зрения, что научные вопросы, специальные вопросы должны решаться дискуссией в среде научных работников, пока это не нарушает интересов партийной политики. Не случайно, что последние годы у нас нет подобных решений партии, хотя при Сталине были, например, о музыкальном творчестве или в области биологии.

Для доказательства я привел пример с Лепешинской⁶, которую восхваляли за новые, творческие идеи и дали Сталинскую премию, а оказалось, как доказывают ученые, это преувеличение и теперь стали критиковать ее за то, что она нового по существу ничего не дала. Лепешинская стала требовать, чтобы партия и правительство заступились за нее и защитили ее от нападков, идущих якобы от идеалистов и направленных против материалистов. Мы отказались вмешаться в этот спор. Показательно, что на вопрос о том, как относятся к ее требованиям коммунисты местные, ее парторганизации, она сказала, что они против нее и вместе с идеалистами. Мы ей ответили, что это глубоко научный спор и должен решаться творческой дискуссией, а не вмешательством партии или Советского правительства.

* * *

Кардель рассказал, что на 2–3-й день после смерти Сталина они между собой говорили, что после Сталина не может не измениться отношение Советского Союза к Югославии.

Я сказал на это, что после смерти Сталина мы стали думать о том, как бы добиться сближения с югославскими коммунистами.

В связи с этим нас было обрадовал тот факт, что в беседе с Молотовым Видич⁷ коснулся дела Джиласа⁸. Когда т. Молотов доложил нам об этой беседе, мы поняли это как попытку югославских коммунистов установить контакт с нами по линии партии.

Обрадовавшись этому, мы поручили тов. Молотову принять т. Видича и сказать, что в споре с Джиласом мы целиком на стороне югославских коммунистов

⁶ Советский ученый-биолог. Автор «новаторской» теории о новообразовании клеток из некоего «живого вещества».

⁷ Д. Видич был в 1953–1956 гг. послом ФНРЮ в СССР.

⁸ Видимо, речь шла о беседе, состоявшейся 21 января 1954 г. Подробнее см. [20. С. 257–258].

и что дело Джиласа поможет нашему партийному сближению. Однако эта вторая беседа с Видичем кончилась ничем, потому что Видич ответил, что касался в прошлой беседе дела Джиласа не по поручению ЦК или правительства, а по собственной инициативе, и что считает этот вопрос исчерпанным⁹.

Мы не могли понять оборота дела и некоторые из нас думали, не оттолкнул ли Видича тов. Молотов своим сухим обращением. Нам казалось – не мог т. Видич вести первую беседу, не имея на это поручения из Белграда.

Кардель заявил на это, что в первой беседе с Молотовым Видич информировал Молотова о деле Джиласа по поручению ЦК Союза коммунистов Югославии и что он имел поручение только информировать, без права вступать в обсуждение вопроса, а о том, какая последует реакция – сообщить в Белград. Когда же Молотов заявил, что причины разрыва лежат с советской стороны в действиях Берия, а с югославской стороны – в действиях Джиласа, что оба эти лица постарались нас поссорить – ЦК СКЮ не мог согласиться с этим. Во-первых, потому, что в отношении Джиласа это не соответствовало действительности, ибо он до самого разрыва был одним из самых ярых сторонников Сталина. Во-вторых, получилось так, что ответственность за разрыв между нами и вами делилась поровну. Мы, сказал Кардель, считали это несправедливым. Югославские коммунисты не хотели разрыва и приняли все меры, чтобы его не произошло, он был нам навязан. Вот почему мы после беседы Видича с Молотовым дальнейших шагов не предприняли и начавшийся было в беседе между Молотовым и Видичем контакт по партийным вопросам оборвался.

* * *

В этот момент с обеда все стали уходить, эта наша беседа оборвалась и больше она не возобновлялась.

РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 33. Л. 143–149.

⁹ О позиции руководства СКЮ, не желавшего увязывать дело Джиласа с курсом на сближение с СССР, см. в [6].

© 2016 г. А.А. УЛУНЯН

ГРЕЧЕСКОЕ «СЛАБОЕ ЗВЕНО» В ОЦЕНКАХ И ПРОГНОЗАХ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ: «КРИТИЧЕСКИЙ» 1969 ГОД

В 1969 г. СССР активизировал поиск «слабого звена» в Западном блоке, что было обусловлено «послепражским» этапом развития международных отношений. Греция была одним из кандидатов на это звание. В этой связи советская военная разведка активизировала сбор информации о внутривнутриполитическом положении в Греции, являвшейся членом НАТО и занимавшей важное место на юго-западной границе деятельности Организации Варшавского договора.

In 1969, the USSR intensified its search for the «weakest link» in the Western defense system that ensued from the «Post-Prague» developments in the international relations. Greece was one of the «nominees». In this regard, the Soviet military intelligence, Main Intelligence Directorate (GRU) was involved in gathering information on the domestic affairs in Greece, which was a member of the NATO and occupied an important place in the south-western direction of the Warsaw Treaty Organization possible activities.

Ключевые слова: Греция, ГРУ, НАТО, ОВД, СССР, США, 1969.

Keywords: Greece, Main Intelligence Directorate (GRU), NATO, USA, USSR, Warsaw Treaty Organization, 1969.

В условиях межблокового противостояния Греция, являвшаяся частью южного фланга НАТО, превратилась к концу 60-х годов XX в. в серьезную проблему для оборонной политики альянса. Установленный в Греции в апреле 1967 г. в результате государственного переворота режим эволюционировал на протяжении последующих полутора лет в направлении военно-политической системы, основу которой составляли имитационные государственные и политические институты при сохранении реальной власти в руках узкой группы военных во главе с полковником Г. Пападопулосом [1]. Процесс подготовки новой конституции, начатый во второй половине 1967 г., призванной легитимировать произошедшие изменения, завершился в марте 1968 г. представлением текста нового основного закона в Совет министров страны. 29 ноября режим провел так называемый плебисцит с ожидаемыми результатами, когда 91,87% участвовавших в нем проголосовали в поддержку новой Конституции, притом что 23% избирателей вообще не участвовали в голосовании. В соответствии с принятым в условиях атмосферы угроз и давления со стороны властей основным законом, исполнительная и законодательная власть концентрировалась в руках правительства и отстранен-

Улуян Артем Акопович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02677), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

ного от реальной политики короля Константиноса, бежавшего в Италию после неудавшегося 13 декабря 1967 г. контрпереворота, а местоблюстителем престола был назначен генерал Г. Зоитакис. С самого начала своего существования режим вызывал серьезную критику как в целом на международной арене, так и среди союзников по НАТО. Более того, в Совете Европы, членом которого являлась страна, был начат процесс расследования нарушений гражданских прав и свобод, к которому прибегала новая власть [2]. Помимо внутривластных аспектов кризиса во взаимоотношениях Греции с НАТО существовали и международные, связанные с обострением ее отношений с соседней Турцией по так называемому кипрскому вопросу.

Одновременно происходило нарастание конфронтации между Западом и Востоком на гипотетическом европейском театре военных действий (ТВД), одним из важных проявлений которой была совместная интервенция пяти государств—членов Организации Варшавского договора (ОВД) во главе с СССР против Чехословакии в августе 1968 г. с целью подавления Пражской весны, а затем фактического провозглашения Кремлем так называемой Доктрины Брежнева – ограниченного суверенитета коммунистических стран, входивших в Варшавский пакт. «Послепражский» 1969 год, зима и весна которого были отмечены, помимо остальных событий, еще и пограничным конфликтом между СССР и КНР, стал важным этапом во внешней политике СССР, активизировавшим поиск «слабого звена» в Североатлантическом альянсе. Греция занимала в этом плане особое место. Информация и анализ ситуации на «греческом направлении» предоставлялись советскому руководству по линии внешнеполитического ведомства – МИД СССР, а также советской разведки – Первого главного управления КГБ при СМ СССР и Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба ВС СССР. В силу специфики интересов военной разведки, особое внимание на «греческом направлении» уделялось военно-техническим и военно-политическим аспектам, проводившимся организационным и кадровым изменениям в составе вооруженных сил Греции с целью определения их боевого потенциала.

Примечательной особенностью одной из первых информации ГРУ за 1969 г., направленных 11 января в МИД, ЦК КПСС, КГБ и ряд других инстанций, было сообщение о том, что «министр национальной обороны (Г. Пападопулос.– *Ар. У.*) Греции специальным распоряжением от 8 января с.г. переложил ряд своих обязанностей непосредственно на главнокомандующего (О. Ангелиса.– *Ар. У.*) вооруженными силами» [3. Д. 315. Л. 115]. При этом советской военной разведкой обращалось внимание на широкий комплекс административных, хозяйственных и кадровых вопросов, перешедших в ведение греческого главнокома. Эти изменения происходили на фоне отмеченного ГРУ, ссылавшегося на «поступившие из Афин данные», недовольства «некоторых представителей военного руководства Греции» тем, что «хунта основное внимание уделяет вопросам закрепления за собой армии и значительно ослабила контроль за деятельностью государственного аппарата» в момент, когда «широко разрекламированная экономическая программа провалилась» и «многие служащие государственных учреждений [...] игнорируют распоряжения хунты и саботируют проводимые ею мероприятия». В ответ, как стало известно военной разведке, и что в действительности подтвердилось позже, предполагалась замена отдельных министров и высших министерских чиновников [3. Д. 315. Л. 197]. Перспектива серьезного кризиса, способного усилить ослабление отношения Афин с Вашингтоном и в целом с Североатлантическим союзом, являлась наиболее желаемой в планах советского партийно-государственного руководства. Оно было заинтересовано в усилении подконтрольной Москве местной коммунистической партии – КПГ, от которой откололась группа реформаторов, создавшая в 1968 г. так называемую Коммунистическую партию Греции (внутреннюю), и стремилось укрепить находившуюся в подполье левую прокоммунистическую партию – Единую демократическую левую (ЭДА) [4].

Действия советской стороны и ее союзников по ОВД, оказывавших различными способами финансовую помощь противникам режима, отслеживались греческой контрразведкой, которая пыталась ее пресечь. В этой связи, но без признания факта финансирования со стороны СССР подпольных структур ЭДА и КПГ, советская военная разведка сообщала в конце марта 1969 г. о том, что «правительство Греции приняло решение об ограничении связей торгово-экономических и промышленных фирм с советскими импортно-экспортными организациями [...] Такое решение официальные власти мотивируют тем, что Советский Союз якобы использует греческие фирмы для оказания финансовой и экономической помощи левой партии ЭДА и других патриотических организаций» [З. Д. 317. Л. 193]. Обращение военной разведки к теме внутриполитической нестабильности в Греции усилилось весной 1969 г., а ГРУ склонялось к выводу о том, что «за последнее время внутри хунты, в государственном аппарате Греции и в провинции отмечаются нервозность и замешательство». При этом, со ссылкой на «оценку информированных кругов в Афинах», заявлялось, что «государственный аппарат заметно выходит из подчинения хунты. В министерствах чиновники высказывают недовольство положением в стране», в то время как власти принимали «меры по усилению корпуса безопасности» [З. Д. 318. Л. 13]. Информация и выводы ГРУ, а также использование в направляемых в адрес инстанций материалах ссылок на обезличенные источники, создавали представление о складывавшейся в Греции обстановке, чреватой серьезным кризисом, а сообщение о том, что «в частях вооруженных сил выделяются дежурные подразделения в готовности к действиям в случае каких-либо выступлений против существующего режима» [З. Д. 318. Л. 13] порождали у советской стороны надежды на возможные силовые действия оппозиции, способные привести к серьезным внутриполитическим изменениям. Особое значение в данном контексте приобрела обстановка внутри греческих вооруженных сил, которые, в соответствии с официальной точкой зрения, провозглашенной Пападопулосом, совершили «Революцию 21 апреля» во имя спасения нации и страны. От степени поддержки установленного режима основной массой военных зависела судьба создававшейся военно-политической системы. Во второй половине мая 1969 г. советская военная разведка сообщала о растущем недовольстве «политикой военной хунты» в греческих вооруженных силах и создании «различных офицерских организаций, которые выступают за изменение существующего режима. В связи с этим греческое руководство предприняло шаги по усилению влияния в армии, особенно в частях, расположенных в северных районах страны», и попыталось обратиться к «пропаганде идей “революции” среди офицерского состава» [З. Д. 319. Л. 75]. Несмотря на общий характер информации, полученные военной разведкой данные в определенной степени отражали развивавшиеся внутри военно-политического режима процессы, связанные с активизацией в рядах вооруженных сил групп офицеров и генералов. Первая из них была представлена ветеранами «Революции 21 апреля», которые выступали против концентрации власти в руках ограниченной группы лиц, прежде всего лично Г. Пападопулоса, и сокращения влияния созданного после 21 апреля 1967 г. так называемого Революционного совета – коллективного органа, в состав которого входили офицеры–участники переворота. Таким образом, конфликт между главой режима и «революционерами 21 апреля», проявившийся осенью 1968 г. [1. С. 39], обострился в очередной раз весной 1969 г. Вторая группа «недовольных» состояла из сторонников находившегося в изгнании короля Константина и ставила целью восстановление прежней общественно-политической системы. Судя по всему, ГРУ получило информацию именно о второй группе военной оппозиции, так как вскоре оно сообщило, что «в связи с продолжающимися в Греции арестами бывших офицеров и генералов–сторонников короля внутриполитическая обстановка в стране продолжает оставаться напряженной» [З. Д. 319. Л. 170].

Одновременно ГРУ внимательно следило за связями Афин и Вашингтона, который в силу господствовавших в советском руководстве представлений рассматривался советской стороной как наиболее влиятельный партнер установленного в апреле 1967 г. режима и что в действительности не совсем отвечало реалиям того времени. Любое обострение двусторонних отношений отмечалось в материалах советской военной разведки, направлявшихся в партийные и государственные институты власти СССР. Особое значение придавалось в начале весны 1969 г. конфликту по поводу присутствия находившегося в изгнании греческого короля Константиноса на похоронах бывшего президента США Д. Эйзенхауэра, в связи с чем «правительство Греции заявило протест американскому правительству», так как греческая сторона не уполномочивала монарха выступать в роли главы государства на официальной церемонии, а по данным ГРУ Константинос «был принят президентом Никсоном в качестве главы греческого государства и имел с ним беседу» [З. Д. 318. Л. 32]. Такое развитие ситуации могло восприниматься в Москве как попытка американских официальных кругов зондировать почву для дальнейших действий, направленных на легитимацию позиций короля и оказание давления на руководство режима в Греции с целью восстановления прежней системы власти, которую признало бы международное сообщество и союзники Афин по НАТО, ранее жестко критиковавшие совершивших государственный переворот военных. Именно этот аспект «греческого вопроса» привлек в середине июня 1969 г. внимание советской военной разведки, которая, ссылаясь на «поступившие из Афин данные», достаточно точно информировала советские «инстанции» о состоявшихся в Вашингтоне переговорах президента США Р. Никсона с бывшим лидером партии Национального радикального союза (ЭРЭ) К. Караманлисом и руководителем партии Союза центра К. Мицотакисом о внутривнутриполитическом положении в Греции. В этой связи ГРУ отмечало, что американский президент, «учитывая мировое общественное мнение», обещал «активизировать деятельность американской дипломатии с целью замены хунты служебным правительством», но при этом сообщил, что «США будут делать это весьма осторожно» [З. Д. 320. Л. 125].

Трения, происходившие в американско-греческих связях, влияли на обеспечение оборонных возможностей греческих вооруженных сил, так как затрагивали проблему их оснащения и проведение реформы в условиях, когда в отношении Греции действовали серьезные ограничения на военно-техническую помощь США и военные закупки, наложенные союзниками Афин по Североатлантическому альянсу из-за обострения взаимоотношений с Турцией и требований восстановления демократии в стране. Поэтому ГРУ обращало внимание на оборонные мероприятия как Греции, так и Турции. Советская военная разведка отмечала в этой связи мнение руководства греческих вооруженных сил, которое полагало, что «безопасность страны не может быть обеспечена путем переброски в Грецию мобильных сил НАТО с их современной технологией, как это было на последнем учении “Олимпийский экспресс”», так как «для обороны страны необходимо иметь 20–25 греческих дивизий, полностью оснащенных современной техникой» [З. Д. 320. Л. 106]. ГРУ акцентировало внимание на том, что в связи с напряженными двусторонними отношениями «командование НАТО не может добиться участия турецких и греческих войск в совместной подготовке сил блока. До сих пор греческие офицеры не участвуют в работе штаба объединенных сухопутных войск в юго-восточной части Южно-Европейского ТВД (Измир, Турция). Греция и Турция стремятся скрыть друг от друга численное состояние своих вооруженных сил и военной экономики, ведут взаимную военно-политическую разведку [...] Каждая из стран, получая военную помощь от США, ревниво следит за тем, чтобы эта помощь не нарушала соотношение сил сторон» [З. Д. 320. Л. 130]. Полученные ГРУ данные свидетельствовали о том, что в экспертном сообществе США и Западной Европы считали проводившуюся существовавшим в Греции

режимом внутреннюю политику причиной «снижения боеготовности и боеспособности ее вооруженных сил» и ее отрицательном влиянии «на роль Греции в системе НАТО». Советская военная разведка отмечала проводившиеся чистки высшего командного состава, приведшие к сокращению количества старших офицеров и генералов, а также усиление позиций офицеров контрразведки, способствовавшее обострению противоречий между службой контрразведки и вооруженными силами. Из-за усиления оппозиционных настроений в самой Греции и развития соответствующего движения против режима за рубежом, США, Великобритания и ФРГ замедлили выполнение решений сессии Совета НАТО, принятых в ноябре 1968 г. относительно перевооружения греческих вооруженных сил. По сведениям ГРУ американская сторона пыталась найти способ либерализации существовавшего в Греции режима с целью создания благоприятных условий, необходимых «для укрепления режима и усиления ее роли в системе НАТО» [З. Д. 320. Л. 175].

Внимание советской военной разведки все больше привлекали действия греческих властей в оборонной области, так как, судя по всему, Москва рассчитывала на осложнение отношений Афин с их союзниками по Североатлантическому альянсу. В этой связи одним из направлений деятельности ГРУ стало отслеживание военно-технических контактов Афин с союзниками по НАТО, к числу которых относился, в частности, заказ греческими властями в ФРГ подводок. В соответствии с полученными данными, разведка информировала о том, что западногерманское правительство заняло «позицию пассивного сопротивления, то есть не давать разрешения на строительство подводных лодок и в то же время не препятствовать проведению подготовительных и основных работ по выполнению заказа для Греции». Объяснение такого подхода заключалось в заинтересованности правительства ФРГ выполнить этот заказ в рамках НАТО, «позволяющего наладить производство подводных лодок крупного тоннажа также для собственных ВМС» [З. Д. 321. Л. 61–62]. Противостояние Греции и Турции по кипрскому вопросу в данном контексте становилось важным объектом интереса советской военной разведки, так как для Москвы конфликт двух государств–членов НАТО являлся выгодным с точки зрения как ее стратегических планов по ослаблению Западного блока в целом, так и его потенциала на южном европейском направлении конкретно. В этой связи ГРУ обращало внимание на обеспокоенность турецкого правительства действиями Афин, которые, как отмечала советская военная разведка, подозревались Анкарой в стремлении «усилить свои вооруженные силы и изменить соотношение сил в свою пользу» [З. Д. 321. Л. 79].

В этой связи тема внутривнутриполитического положения в Греции, которое к началу августа 1969 г. характеризовалось советской военной разведкой как сложное, приобретала в ее глазах важное значение. Происходившие в стране процессы рассматривались ГРУ с точки зрения того, что «в целях усиления раскола и размежевания оппозиционных сил хунта планирует к 1970 г. разработать закон о партийных выборах с тем, чтобы в дальнейшем создать свою собственную партию и разрешить оппозиционные партии с антикоммунистической платформой» [З. Д. 322. Л. 49]. В то же время, в соответствии с представленным анализом, одна из групп в руководстве режима, во главе с генеральным секретарем министерства по делам Северной Греции полковником Н. Гандоносом, выступала, как отмечало ГРУ, «за возвращение короля, сотрудничество со старыми деятелями правых буржуазных партий и восстановление парламентских форм правления». Вторая группировка, как определяла ее советская военная разведка, «твердых», сформировалась вокруг генерального секретаря внутренних дел И. Ладаса и требовала «проведения более жесткого внутривнутриполитического курса, ликвидации монархии и осуществления более гибкой внешней политики, отвечающей национальным интересам страны». ГРУ было вынуждено признать, что «большинство членов хунты поддерживает Пападопулоса и проводимую им внутреннюю и внешнюю политику»

[З. Д. 322. Л. 50], включая и кипрское направление. Одним из серьезных препятствий для военно-политического решения кипрского вопроса греческой стороной могло стать усиление внутривосточной нестабильности режима «Революции 21 апреля», так как военный конфликт в условиях внутривосточного кризиса и усиление оппозиции в греческом обществе могло повлиять и на настроения большинства военнослужащих-призывников. Вероятно имея это в виду, ГРУ обратило внимание на то, что в стране «усиливается оппозиция режиму» и создаются подпольные организации, одной из которых стал Союз демократических государственных служащих, выступивший с предупреждением в адрес сотрудничавших с режимом служащих об их ответственности и призвал «правительства демократических стран, все международные и национальные организации выступить в поддержку сил, борющихся за свободу Греции» [З. Д. 322. Л. 96]. При этом ГРУ особо выделило роль иностранного, в частности американского, фактора. Одновременно ГРУ отметило, что «в связи с требованиями союзников по НАТО, и в первую очередь США, несколько демократизировать режим лидер хунты Пападопулос принял решение провести в конце октября 1970 г. выборы в греческий парламент. С целью показать мировой общественности, что в Греции имеются демократические свободы, руководство хунты предполагает разрешить создание накануне выборов в парламент двух партий: одной, состоящей из сторонников Пападопулоса, и другой, в которую войдут лица, якобы настроенные оппозиционно к нынешнему режиму» [З. Д. 322. Л. 169]. В конце августа 1969 г. ГРУ сообщило об обострении отношений «между Пападопулосом и одним из лидеров группировки “твердых” начальником военной полиции [Д.] Иоанндисом, требующим проведения более жесткого внутривосточного курса», который «в категорической форме потребовал от премьер-министра выполнять “программу революции” или в противном случае покинуть занимаемый пост “по болезни”» [З. Д. 322. Л. 175]. Расширение противоречий в высших эшелонах власти привлекало внимание ГРУ в силу того, что они могли серьезно повлиять на оборонную политику Афин и греческие позиции на южном фланге НАТО, не говоря о чисто внутривосточном аспекте этой проблемы. В начале сентября 1969 г. советская военная разведка получила данные о том, что обострились отношения уже между главой режима Пападопулосом и главнокомандующим вооруженными силами страны генералом Ангелисом. Особое значение, помимо информации о конкретных шагах, предпринимавшихся премьер-министром в целях осуществления своего персонального контроля над армией, были сведения о том, что «оппозиционные хунте силы внимательно следят за развитием отношений между Пападопулосом и Ангелисом и намерены использовать существующие между ними разногласия в своих целях» [З. Д. 323. Л. 40]. Однако в действительности Ангелис относился к числу наиболее лояльных Пападопулосу соратников, а его действия против любой формы оппозиции на протяжении 1967–1969 гг. свидетельствовали о том, что он был сторонником «жесткого» курса во внутренней и внешней политике. В контексте планировавшихся Пападопулосом конституционных изменений актуальность приобрел так называемый королевский вопрос, и ГРУ информировала советский МИД и ЦК КПСС, используя устоявшуюся в советской традиции терминологию, о том, что «наиболее реакционная часть руководителей хунты» требовала от премьер-министра решение этой проблемы: либо ликвидации как такового института монархии, либо провозглашение монархом малолетнего наследника короля Константиноса и создания регентского совета «из представителей хунты» [З. Д. 323. Л. 75]. В связи с происходившими во внутривосточной жизни Греции событиями и ситуацией, складывавшейся в правящих кругах страны, советская военная разведка обращала внимание на место и роль внешнего фактора в лице США в общественно-политическом развитии страны. Во второй половине сентября 1969 г. ГРУ сообщило, что «по оценке Центрального разведывательного управления США, в Греции в настоящее время

сложилась в целом благоприятная для американцев обстановка [...] На основе этой оценки ЦРУ рекомендует правительству США не проводить мероприятий, которые вызвали бы обострение внутривосточной обстановки в Греции, оказывать влияние на деятельность греческого правительства в нужном для США направлении. С этой целью необходимо поддерживать в хунте умеренную группу во главе с Пападопулосом, не допустить усиления антиамериканских настроений в хунте и поддерживать политику, направленную на укрепление связей Греции с блоком НАТО» [З. Д. 323. Л. 105]. Расчеты американской стороны на поддержку главы военно-политического режима, о чем сообщало ГРУ со ссылкой на анализ ЦРУ, могли оказаться под угрозой. Это стало ясно к началу ноября 1969 г., когда советская военная разведка сообщила советскому партийно-государственному руководству об очередном обострении противоречий «между различными группировками в хунте» и недовольстве сторонников «жесткой линии» попытками Пападопулоса наладить отношения с правыми политиками и провести частичную либерализацию. Их ультиматум, ставший известным ГРУ, главе правительства, выразившийся в требовании либо прекратить проводимый курс, либо уйти в отставку и угрозе прибегнуть в противном случае «к более решительным действиям» [З. Д. 325. Л. 51] давал основания советской стороне рассчитывать на ослабление американского влияния в смысле поддержки Пападопулоса и на развитие полномасштабного кризиса в стране с участием левых сил в лице местной компартии и ЭДА, за которыми стоял СССР. Однако к концу ноября 1969 г. противоречия внутри руководства Греции так и не привели к открытому, ожидаемому ГРУ, конфликту и советская военная разведка сообщила о том, что на «заседаниях совета министров Греции обсуждается вопрос о некотором обновлении нынешнего правительства за счет включения в его состав отдельных политических деятелей правой ориентации». Оценка происходящего давалась в этой связи в материалах ГРУ со ссылкой на «дипломатические круги Афин», которые, как отмечалось в направленной разведкой в адрес МИД СССР и ЦК КПСС информации, рассматривали «это как попытку руководства хунты придать видимость “демократизации” своего режима» [З. Д. 325. Л. 130]. Имея в виду сообщавшиеся ранее ГРУ данные о настоятельных рекомендациях Афинам со стороны США провести либерализацию, действия греческих властей можно было интерпретировать при определенных условиях как выполнение американских советов и, таким образом, мало отвечающий реалиям того времени вывод о «доминирующем влиянии США» на военно-политический режим.

Решение греческих властей активизировать взаимоотношения с Североатлантическим альянсом рассматривались советской стороной с беспокойством, о чем свидетельствовало сообщение военной разведки, отмечавшей передачу США греческим ВВС четырех самолетов «Альбатрос» для отслеживания действий советских ВМС в акватории Средиземного моря [З. Д. 323. Л. 119]. Более того, ГРУ обратило внимание на то, что «греческое командование продолжает реорганизацию органов управления и корабельных соединений военно-морских сил», которое было призвано объединить существовавшие региональные группировки ВМФ под единым оперативным командованием в Средиземноморье «в соответствии с задачами, предусмотренными планами НАТО и национальным командованием» [З. Д. 324. Л. 18]. Не меньшее беспокойство вызывали у советской стороны и действия греческого руководства, направленные на укрепление так называемой линии Метаксаса, проходившей по северной границе страны с Болгарией и одобрение этих мероприятий главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО [З. Д. 324. Л. 68]. Мероприятия по укреплению северной границы Греции, как стало известно несколько позже советской военной разведке, сопровождались серьезными изменениями в структуре сухопутных войск, выразившихся в сведении бронетанковых войск в отдельную дивизию, в которой было увеличено количество танковых и мотопехотных батальонов, оснащенных

334 средними танками с общим количеством военнослужащих в 12–13 тыс. человек и начало формирование новой бронетанковой бригады, «на вооружение которой поступят танки М-48 американского производства». Одновременно предпринимались меры по укреплению артиллерийских подразделений греческих вооруженных сил и их оснащению новым, поступавшим из США вооружением [З. Д. 325. Л. 200]. К началу декабря ГРУ уже отмечало серьезные подготовительные работы на северной границе Греции с Болгарией, явно рассчитанные на сдерживание возможного наступления сил ОВД на греческом участке юго-западного ТВД Варшавского пакта. Подробная информация о создании заградительных «очагов разрушений» с использованием масштабного по своему размаху минирования стратегически важных транспортных и коммуникационных линий сопровождалась пояснением советской военной разведки относительно того, что так называемые минные колодцы, которые создавались «вдоль осевой линии дорог или по обочинам» предназначались для закладки «как фугасов с обычными зарядами, так и ядерных фугасов» [З. Д. 326. Л. 23–24]. Имея в виду, что Греция не обладала собственным ядерным оружием, то его размещение и использование могло быть санкционировано только греческим союзником – США и, таким образом, ГРУ фактически намекало на участие в проводимых мероприятиях американских союзников, а сами подобные действия как реализацию оборонных планов не только собственно Греции, но и в целом планов НАТО.

Реорганизация родов и видов вооруженных сил Греции, а также создание фортификационных сооружений на границе с Болгарией – членом Варшавского пакта, свидетельствовали об активизации Афинами оборонной политики, проходившей на фоне попыток греческой дипломатии добиться смягчения в целом критического и негативного отношения к военно-политическому режиму на международном уровне. Тем более, что осенью 1969 г. все очевиднее становилась угроза исключения Греции из Совета Европы, подавляющее число стран которого являлось ее союзниками по НАТО. Это обстоятельство заставляло официальные Афины сконцентрировать внешнеполитическую деятельность на стратегически важном Средиземноморском регионе и таким образом укрепить свои позиции как в Североатлантическом альянсе, так и в более широком международном масштабе.

В контексте внутривосточного развития Греции и ее внешнеполитического курса и предпринимавшихся мер в оборонной сфере особый интерес для ГРУ все больше представляла кипрская политика Афин, так как происходившие внутри режима процессы были способны повлиять на этот чувствительный для Греции вопрос. По заключению советской военной разведки, целью греческих властей было «падение правительства Макариоса и создание такого правительства, которое согласилось бы на превращение острова в опорный пункт НАТО» в условиях, когда греческое руководство пыталось наладить отношения с Анкарой и официально отказалось «от требования о присоединении Кипра к Греции», а также от вело часть воинских соединений от границы с Турцией [З. Д. 323. Л. 60].

Тем временем, действия официальных Афин, которые были обвинены в нарушении гражданских прав и свобод даже их союзниками по НАТО, становились предметом работы специальной комиссии, созданной в Совете Европы. Для греческого руководства сам факт исключения из этой организации означал серьезный удар по его престижу и фактически вел к изоляции на международном уровне. Будучи не в состоянии повлиять в положительном для себя смысле на мнение и решение членов Европейского Совета, руководство режима решило предпринять упреждающий шаг и 12 декабря 1969 г. министр иностранных дел Греции П. Пипинелис заявил о выходе своей страны из состава этой организации, что, однако, не помешало исключить ее 30 января 1969 г. из Совета Европы в соответствии с проведенным голосованием. Советская военная разведка, имея в виду происходящее, отмечала в своей информации, направленной в МИД и ЦК КПСС, ссылаясь на дипломатические круги в Афинах, что, по их мнению,

«выход Греции из Европейского Совета может привести к дальнейшему обострению ее отношений с рядом западных стран и прежде всего с Англией, Норвегией и Данией. В этой связи подписание 13 декабря с. г. протокола с продлением на два года торгового соглашения между Грецией и Советским Союзом, а также снятие с советских товаров дискриминационных сборов рассматриваются как стремление греческого правительства к расширению экономических отношений с социалистическими странами» [3. Д. 326. Л. 117].

Для советской стороны конфликт Греции с европейскими государствами и ее союзниками по НАТО являлся важным фактом ослабления как политических, так и военно-стратегических позиций Западного в балканско-средиземноморском секторе Юго-Западного ТВД, что позволяло Москве надеяться на укрепление собственного влияния здесь. Подтверждением возможности этого становились сообщения ГРУ о том, что на Кипре усилились антибританские настроения, выразившиеся, помимо прочего, в нападении на военные и гражданские объекты Великобритании со стороны «правоэкстремистских элементов», под которыми подразумевались советской военной разведкой радикально настроенные представители греческой общины острова. Однако ГРУ фактически предупреждало советское партийно-государственное руководство, используя в очередной раз ссылки на мнение «дипломатических кругов Никосии» о том, что Англия, «как одна из стран-гарантов, может перебросить дополнительные контингенты войск на Кипр и ввести контроль за положением на острове» [3. Д. 326. Л. 139–140]. В этом случае для СССР складывалась бы нежелательная с военно-политической точки зрения ситуация, так как усиление Британии–члена НАТО в Восточном Средиземноморье потребовало бы расширения масштабов присутствия СССР, увеличение соответствующих затрат и усилило бы военно-стратегические риски для советской внешней политики на Ближнем Востоке. К концу декабря 1969 г. советская военная разведка отмечала в своей информации в адрес МИД СССР и ЦК КПСС, что, во-первых, военная помощь США Греции будет продолжаться и затронет как греческие ВВС, так и греческие военно-морские силы. Во-вторых, ГРУ сообщало, что, несмотря на критику действий администрации американского президента Р. Никсона в комитете по иностранным делам сената США, правительство пришло к мнению о том, что «сохранение эмбарго на поставку Греции военной техники в условиях критики режима хунты со стороны ряда западноевропейских стран может привести к дальнейшему обострению противоречий между Грецией и ее союзниками по НАТО, ухудшить греко-американские отношения и толкнуть хунту на сближение с социалистическими странами». В-третьих, выход Греции из Совета Европы под давлением обстоятельств, в соответствии с полученными ГРУ данными, привел к тому, что «среди греческого офицерского состава отмечается рост сомнений в прочности режима хунты» и власти оказались вынуждены предпринимать меры с целью не допустить этих настроений в армии [3. Д. 326. Л. 180]. Складывавшаяся ситуация свидетельствовала о серьезных противоречиях, возникших в НАТО по вопросу об отношении к военно-политическому режиму в Греции, а позиция ряда ведущих западноевропейских демократических государств была противоположной той, которую занимали США. По оценке ГРУ руководство военно-политического режима в условиях, когда в политических кругах ряда стран Западной Европы озвучивались требования введения полного эмбарго на поставки вооружений Греции и даже исключения ее из Североатлантического альянса, «идет на еще более тесное сотрудничество с США и Англией», в то время как в западноевропейских политических кругах возобновление в полном объеме военной помощи Греции со стороны США рассматривалось с учетом возможной «отрицательной реакции в европейских странах–участницах НАТО» [3. Д. 326. Л. 188]. Однако несмотря на крайне жесткую позицию многих европейских стран–членов Североатлантического альянса и их действия против официальных Афин в Совете Европы расчеты Москвы на ослабление Западного

блока, в котором Греция рассматривалась советской стороной как «слабое звено», не могли реализоваться из-за превалирования опасений среди большинства членов НАТО относительно планов Кремля как в Европе, так и во всей системе международных отношений. Информация о внутривластительной ситуации в Греции и ее внешнеполитическом курсе, направлявшаяся ГРУ в советские партийные и государственные «инстанции», свидетельствовала о нестабильном характере установленного режима и его стремлении использовать сложившуюся в 1969 г. международную ситуацию в собственных прагматических интересах как на внутривластительной, так и международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Улунян Ар.А.* Ошибка полковника Пападопулоса: Крах идеи «сильной руки» и крушение системы «управляемой демократии» в Греции (1967–1974 гг.). М., 2004.
2. The Council of Europe fights for democracy in Greece, 1967–1969. Historical Series № 1. Andreas Papandreou Foundation. Athens, 1998.
3. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61.
4. *Улунян Ар.А.* Коммунистическая партия в Греции. История–идеология–политика. 1956–1974 гг. М., 1995.

© 2016 г. Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА

ВОЕВАТЬ ИЛИ ДРУЖИТЬ:
ПО СЛЕДАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИСТИФИКАЦИИ.
ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Статья посвящена выяснению достоверности исторических источников, хранящихся в российских архивах, в частности – внешней политике Екатерины II в начальный период царствования, и критическому разбору работ авторов, представивших отдельные документы как подлинные без проведенного источниковедческого анализа.

The article deals with the verification of historical sources from the Russian archives, namely those related to the foreign policy of Catherine II in the early years of her reign. It presents a critical reconsideration of some scholarly works, where certain documents were, without any textual analysis, claimed to be trustworthy.

Ключевые слова: канун русско-турецкой войны, российские эмиссары в Греции, достоверность источника, историческая мистификация.

Keywords: the eve of the Russian-Turkish war, Russian emissaries in Greece, authenticity of a historical source, historical mystification.

25 сентября (6 октября) 1768 г. турецкий султан Мустафа III объявил России войну. В связи с началом боевых действий кабинет Екатерины II принял ряд важных политических и военно-стратегических решений, среди которых значились: направить эскадры Балтийского флота в османские владения, куда турки не ожидали и даже не предполагали прихода русских военно-морских сил – в Средиземное и Эгейское моря. Затем, с приходом флота, поднять восстание в Греции и среди христианского населения приморских областей Албании, сформировать из них боеспособное войско и начать совместную борьбу против турецкой тирании. Конечной целью являлось освобождение островов Греческого Архипелага от османского господства и обеспечение влияния России в Восточном Средиземноморье [1. Л. 24об.–25].

В соответствии с поставленными задачами, зимой 1769 г. в целях агитации и антитурецкой пропаганды в различные области и провинции выехали эмиссары Екатерины II. В Черную Гору отправился «гусарский полковник Яков Михайлов, сын Ездемирович, и поручик Ефим Белич». В Албанию, «к начальникам тамошнему Буковалу и Маинскому Мавромихайле» выехал «венецианский грек Иван Иванов, сын Петушнин». Об этом «венецианском греке» Иване Петушнине упомянуто, что «он избран в сию посылку по неоднократной его в той стороне бывалости, а особливо по тому, что привез ко Двору Нашему от сих начальников письма, в коих они представляли готовность свою к услугам Империи Нашей». В Валахию, Молдавию «и другие внутренние турецкие провинции» выехал подполковник на русской службе Назар Каразин, «родом болгар» [2. Л. 8–8об].

Гребенщикова Галина Александровна – д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Рассматривая такой значимый исторический этап, как подготовка Первой экспедиции русского флота в Эгейское море, необходимо подчеркнуть важное обстоятельство. До указанного времени, то есть до зимы 1769 г., никаких эмиссаров Екатерина II не отправляла – ни в Грецию, ни в Албанию, ни в какие другие места османских владений или на вассально зависимые от султана территории, что установлено при изучении документов российских архивов. Например, в журнале «Восточный Архив» была опубликована статья, в которой автор заявила об обнаруженных ею и ее коллегой новых документах, будто бы свидетельствующих о том, что еще в 1762 г. «инициатором отправки миссии» в Грецию и в Морею (на полуостров Пелопоннес) «была императрица». Доказательство этого исторического «открытия», со ссылкой на документ Архива внешней политики Российской империи, автор изложила так: «Спустя всего четыре месяца по вступлении на трон, 29 октября 1762 года, Екатерина II обратилась к Правительствующему Сенату с указом» подыскать «человека, состоявшего на российской службе, желательного грека, которому надлежало донести до населения Мореи и Балкан сведения о старании императрицы в их освобождении» [3]. Затем тот же самый сюжет переключался в книгу соответствующей направленности, причем ранее ее авторы военной историей XVIII в. не занимались [4].

Другими словами, авторы статьи и книги, по их утверждению, привели «доказательства» того, что уже осенью 1762 г., в первый год царствования, Екатерина II задумала освободить Грецию и Балканы, для чего целенаправленно начала подготовку к войне с Турцией и издала указ Правительствующему Сенату. Но в Полном собрании законов Российской империи названного указа Правительствующему Сенату от 29 октября 1762 г. нет и быть не может, потому что такового указа не существовало. В царствование Екатерины II ежегодно публиковали все санкционированные ею указы, манифесты, грамоты, обращения, воззвания и тому подобные документы, и среди них приводимого текста тоже нет. Документ, на который ссылаются авторы статьи и книги, отложился в текущем делопроизводстве Коллегии иностранных дел, в фонде «Внутренние коллежские дела» [5. Л. 106–116], поэтому логично задать вопрос: почему столь важный документ хранится во внутреннем, рабочем делопроизводстве Коллегии? Почему он не опубликован в известных дореволюционных изданиях «Русский архив», «Русская старина», «Сборник русского императорского исторического общества», печатавших материалы о подготовке экспедиции? Наконец, могла ли в 1762 г. Екатерина II принять столь поспешное и несвоевременное политическое решение, когда Россия только вышла из тяжелой и затяжной Семилетней войны?

Императрица хорошо понимала, что подобное намерение неизбежно повлечет за собой войну с Турцией. Поэтому, после основательного изучения названного делопроизводства, можно с уверенностью сказать, что хранящиеся там «новые документы» относятся к разряду подложных, и что в начальный период царствования планов освобождения Греции и Балкан у Екатерины II не возникало. Ее волновали другие, более важные вопросы, и в первую очередь – укрепиться на престоле и легитимировать власть по причине недавно совершившегося государственного переворота, так как еще был жив Иоанн Антонович. Кроме законного утверждения на российском престоле, Екатерина II считала необходимым разобраться во внешнеполитических перипетиях, определиться с выбором друзей и союзников и понять, какая держава недружественна, нейтральна или откровенно враждебна. Первые внешнеполитические шаги императрица предпринимала очень расчетливо и осторожно, руководствуясь целесообразностью, прагматичностью и обязательно советуясь с первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел Никитой Ивановичем Паниным.

В тот период отправлять эмиссаров в Грецию даже для зондажа «политических настроений православного населения Мореи», а тем более разжигать войну с Турцией не входило в намерения Екатерины II. Это подтверждают ее рескрип-

ты резиденту в Константинополе Алексею Михайловичу Обрескову, хранящиеся в архиве МИД РФ. Так, после вступления на престол 28 июня 1762 г., в июле последовали высочайшие рескрипты Обрескову с подтверждением Оттоманской Порте миролюбивой позиции России: «Мы непременное и твердое намерение имеем ненарушимо сохранять с нею соседственное доброе согласие и пограничное спокойствие» [6. Л. 1–2]. Затем Обресков от имени российского императорского двора подал турецкому руководству «Меморию» (Memoria) с заявлением, что «Ее Императорское Величество твердо намерена пребывающей между Империями вечно мирный трактат свято наблюдать и соседнюю искреннюю дружбу наиболее утвердить» [6. Л. 11]. Наконец, султану Мустафе III Обресков передал грамоту Екатерины II от 25 июля 1762 г.: «Понеже Мы склонное желание имеем пребывающую между Нашею Империею и Блистательною Портою добрую дружбу постоянно и ненарушимо содержать, то ради Мы повелели Нашему при дворе Вашего султана величества обретающемуся действительному статскому советнику и резиденту Алексею Обрескову верные обнадеживания повторять, что Мы склонны настоящие между обоими империями трактаты вечного мира и доброе соседственное согласие не токмо ненарушимо содержать, но и все то чинить».

Внизу текста этого документа имеется приписка, представляющая особенный интерес: «Писана та грамота на Александрийском большом листу с золотыми заставицами, называемом цесарском по российски. Титулы Ее Императорского Величества и Султанской писаны с титулярника все золотом по скобку, а потом писано дело чернилами, разделяя титулы и дело светлыми точками. Сложена прежнего имеющегося в коллегии образца, и запечатана Государственной большою старою печатью под кустодию бумажною фигурною. Обернута же та грамота серебряною парчою с золотыми травами, которой на то употреблено два аршина по 15 рублей аршин» [6. Л. 14–14об.].

Таким образом, пришедшая к власти Екатерина II намеревалась выстраивать отношения с турецким султаном на основе добрососедства, дружбы и уважения существующих территориальных границ, развивать двусторонние экономические связи, интенсифицировать торговлю по Черному морю и осваивать средиземноморские торговые пути. Она планировала юридически и финансово поддерживать отечественное купечество и привлекать к сотрудничеству подданных Венеции, имевших налаженную торговлю с Константинополем. Для выполнения этих целей Екатерина II начала с Венецией зондаж на предмет заключения коммерческого трактата, направив в сентябре 1762 г. рескрипт Обрескову с поручением провести переговоры с венецианским послом. Одним из пунктов в ходе переговоров значился провоз российских купцами товаров на венецианских торговых судах через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Однако венецианский посол отклонил предложения Петербурга из-за нежелания осложнять отношений с Турцией.

В 1763–1764 гг. Россия активно боролась за недопущение военно-политического блока Турции с Пруссией, и российская дипломатия в Берлине и в Константинополе проделала большую и плодотворную работу. Ее итогом стало согласие прусского короля Фридриха II подписать союзный договор с Екатериной II вместо заключения аналогичного договора с турецким султаном. В 1764 г., несмотря на начавшееся ухудшение отношений с Турцией, в Зимнем дворце не планировали упреждать султана путем совершения диверсионных акций в османских владениях, а наоборот – делали все возможное для предотвращения войны.

Теперь очень важно рассмотреть названный документ, хранящийся во внутреннем делопроизводстве Коллегии иностранных дел за 1776–1795 гг. Принципиально неверные выводы, сделанные авторами статьи и монографии со ссылкой на этот документ, дали повод не только для исторической мистификации, но и для обвинения России в подготовке антитурецкой кампании в Греции. Причем в то

время, когда Обресков официально уверял Порту в мирной позиции своего руководства и в намерении пребывать с его величеством султаном «в мире, спокойствии и тишине». Более того, в той политической аванюре, сам того не ведая и не по своей вине, оказался замешан один из членов кабинета императрицы – граф Григорий Григорьевич Орлов, занимавший должность начальника артиллерии (генерал-фельдцейхмейстера), поэтому необходимо снять обвинения и с него. Суть этой почти детективной истории заключалась в следующем.

К тогдашнему фактическому главе Коллегии иностранных дел России Н.И. Панину явился грек Иван Палатино и поведал о приключившемся с ним происшествии, которое Панин велел изложить письменно. Палатино изложил, но дату не указал, поэтому основываясь на том, что Панин скончался в 1783 г., а делопроизводство Коллегии начато в 1776 г., визит грека можно датировать между этим промежутком времени. Вот что он поведал. В 1763 г., будучи в Италии, Палатино встретился «с некоей духовной особой», и эта «особа» поведала ему о разговоре, состоявшемся с двумя греками. Один назвался офицером по фамилии Папазолу, состоявшим на русской службе в чине артиллерийского поручика, а второй – Мануилом Саро. Далее, по словам Палатино, эти двое просили «духовную особу, чтоб доставил им надежного человека, который был бы в состоянии спешествовать порученной им весьма важной комиссии». В доказательство Папазолу предъявил грамоту «на греческом языке, с печатью государственною, *какие на пашпортах бывают отъезжающих из Российского государства* (курсив мой. – Г.Г.), за подписанием двух рук, российскими литерерами, якобы первая Ее Императорского Величества собственная рука, а другая Адама Васильевича Олсуфьева» [5. Л. 106–106об., 107, 110, 116].

Для сведения: член кабинета Екатерины II, действительный тайный советник А.В. Олсуфьев никогда не подписывал документы особой государственной важности, такие как грамоты, воззвания, манифесты – это являлось исключительной прерогативой верховной власти, т.е. императрицы. На документах рангом ниже ставили подписи граф Н.И. Панин (а после него граф А.А. Безбородко), князь Александр Голицын и вице-канцлер России граф Иван Андреевич Остерман; все документы такого рода Екатерина II заверяла «Государственною Нашею печатью». Олсуфьев мог подписывать лишь те бумаги, в которых имелось данное ему высочайшее повеление о выдаче конкретным лицам денежных сумм или подарков в виде ценных вещей, мехов, дорогих сервизов, драгоценных украшений и т.д.

После разговора «с духовной особой», Палатино встретился с Папазолу, но потому, как он поведал Панину, корабль, на котором они плыли, захватили триполитанские корсары. У Палатино имелся паспорт на имя австрийского подданного, и Папазолу «слезно просил Палатино, чтоб он переменял имя свое и пашпорт, в котором он числился подданным австрийской державы, и тем в безопасности находился, уступил бы ему, Папазолу, обнадеживая не токмо скорым выкупом из плена, но и что он всевысочайшею за то монархини его милостию взыскан будет». Другими словами, Папазолу слезно уговорил Палатино отдать ему свой паспорт.

Палатино согласился, так как понимал, чем может закончиться аванюра, задуманная Папазолу: «Жалость и предстоящая погибель, в которую бы Папазол себя ввергнул, убедили исполнить плачевную его просьбу. Тем паче, что есть ли бы варвары дознались, что он российский офицер, и намерение поездки его открыли, произвело бы не токмо великое смятение, но и нанесло б неповинно многим из его, Палатино, одноземцов пагубу». Папазолу все письмо и бумага бросил в море, взял у Палатино паспорт, который тот ему отдал, а сам Палатино остался без документов. «Таким образом получил Папазол свободу, и с ним товарищ его Мануил Саро под именем его служителя». Палатино же, как беспаспортного, корсары взяли в плен и, по его словам, увезли в Триполи, заковали в железные оковы

и посадили в тюрьму, где «питаем был одним хлебом да водою, терпя иногда побои и ругательства около трех месяцев, пока некоторые из земляков его торгующих тамо, посредством австрийского консула выкупили из плена».

Получив свободу, Палатино вернулся в Венецию и разыскал Папазолу, «которой объявил, что отправил Мануила Саро в Манию, однако сомневался, чтоб сей пьяной человек в состоянии был что либо свершить, и сей труд взял он на себя». Палатино, понимая, «какие по сему делу от неосторожности Папазола и товарища его рассеялись в тамошних народах опасные слухи», решил сам отправиться на Майну. Под видом торговца он приехал на Майну, отыскал Мануила Саро, «и для избежания дальних замешательств и затруднений отправил Саро на корабль, сам же остался в Мании под видом покупки масла деревянного» и даже заключил с одним капитаном контракт. Далее, по словам Палатино, на Майне он встречался с начальниками, капитанами и старшинами, которые, если верить Палатино, обрадовались плану освобождения Греции, сообщенного им Мануилом Саро, и даже изъявили желание «послать от себя поверенного к Российскому Императорскому Двору для принесения всеподданнейшего повиновения и преданности».

Через какое-то время Палатино отплыл обратно в Венецию, разыскал Папазолу, и тот сказал, что «отправил Мануила Саро в Россию, чтоб донес, якобы уже действительно некоторые старшины из Майны находятся в готовности для отправления в Россию и для истребования на путевые расходы денежной суммы». Затем последовали очень важные слова Палатино, изложенные Панину: Папазолу предъявил уже «другую грамоту под именем Ее Величества, с такою же печатью и одинаково с прежнюю содержания, которую якобы получил он чрез аглинского резидента», и попросил Палатино «под именем маньятских старшин» выехать вместе с ним в Россию. Таким образом, истинная цель авантюры греков Папазолу и Саро стала ясна – получить деньги от российского кабинета. Для этого они подделали государственные документы и нарисовали на них то, что имелось под рукой – печать, какую ставили на паспортах российских чиновников, выезжавших за границу.

Далее в показании Палатино записано: «На пагубное внушение» Папазолу, Палатин ответил, что, по всей видимости, ему, Папазолу, недостаточно тех бедствий, которые он причинил Палатино, а теперь он хочет, чтоб его вдобавок еще и повесили в России. «На сие сказал он», Папазолу: «Не опасайся, в России не казнят и не вешают». В конце своего повествования Палатино прямо назвал письма, которые вручил ему Папазолу, адресованные Екатерине II, Григорию Орлову и наследнику престола Павлу Петровичу, подложными, а самого Папазолу – человеком «опасным и обманщиком». В тех письмах «будто бы старшины и все общество Мании предаст себя в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества, как верные рабы и подданные» [5. Л. 106–109об].

Среди подложных писем находилась «копия, писанная Папазолем с той грамоты, которую будто бы получил он в Венеции чрез аглинского резидента. Его же рук и три подложные письма». Прибыв в Россию, все эти бумаги Палатино передал Панину и Олсуфьеву и при этом «доносил, что чрез коварство Папазола сделался он, Палатино, несчастным» [5. Л. 110–111].

Вот эта подложная грамота Екатерины II ко всем православным, сочиненная греком Папазолу и переданная Иваном Палатино Панину:

«12 августа 1764 года.

Мы по присяге Нашей, как блаженной памяти дед Наш Петр и прочие предки Наши утвердили, имеем содержать, хранить и защищать православие, восточные Христовы Святыя церкви греческие. Почему со дня восшествия Нашего на священный престол Российского государства и принятие царского скипетра сего православного отечества, непременный Наш долг надлежит не токмо защищать сие Отечество Наше, но и все прочие народы единоверные того же православного вероисповедания, как Мы пример показали на законном супруге Нашем, царство-

вавшем несколько времени и желавшем переменить всю систему предков наших, и обратить наш православный народ ко другому закону разными предприятиями. Видя сие и не терпя горячности ради православия, восстали с согласия православного воинства и лишили его сего святого престола, дабы не нарушал святого православного греческого закона.

Сею к православию ревностию побуждаемы, ожидаем всякого случая ополчиться против врага веры православные и освободить народ греческий православный, находящийся в пленении Оттоманского.

По сей причине 1762 года месяца октября 29 дня определили и указали Мы Правительствующему Нашему Сенату сыскать из воинства Нашего человека для тех мест, и искусного в языке и делах, которого бы можно послать с объявлением всем тамошним православным ревности и милости Нашей, которую Мы охотно к ним имеем, и стараемся учинить им вспомошествование в получении их свободы. В следствие сего Правительствующий Сенат представил Нам сего Георгия Михайлова сына Папазолу, артиллерии Нашей поручика, и вверили ему в рассуждении верной его службы, и определили послать его к народу Спартанскому и Лакедемонскому, потом в Черную Гору, Химару и прочие таковые к произведению войны места, дабы объявил намерение Наше» [5. Л. 115–115об.].

В этой подложной грамоте налицо сразу несколько противоречий и явной лжи. Во-первых, став императором, Петр III не собирался совсем «обращать православный народ ко другому закону» и заставлять подданных менять веру. Да, он притеснял и ущемлял православие, но при всех совершенных ошибках осознавал, какими последствиями чревато подобное предприятие. Далее, совершенно невероятно, чтобы Правительствующий Сенат знал о существовании обычного артиллерийского поручика и даже представил его императрице. Наконец, будто бы Екатерина II указом Сенату «поручила сыскать» подходящего человека 29 октября 1762 г. Но в приведенных подложных документах имеется запись о том, что выполнять порученное задание Папазолу выехал из Москвы 26 мая 1762 г.

Повествование Ивана Палатино, равно как и подложная грамота Екатерины II остались во внутреннем делопроизводстве Коллегии иностранных дел и далее не пошли. На этом, однако, авантюрная история с греками Папазолу и Саро не закончилась и имела продолжение. С конца 1770-х годов кабинет Екатерины II открыто готовил второй Средиземноморский поход, не скрывая его под грифом секретности, как первый. Все аккредитованные в Петербурге иностранные дипломаты, в том числе английский и французский, знали о планах российской императрицы по захвату Константинополя, возрождению Византийской империи и возведении на престол своего второго внука Константина. И в тот период в Коллегию иностранных дел и на имя императрицы начали потоком поступать прошения греков, которые, по их словам, воевали в русско-турецкую войну 1768–1774 гг. и оказали важные услуги России во время пребывания флота у берегов Мореи.

Бумаги такого рода сгруппированы в делопроизводственной канцелярии графа А.А. Безбородко, вставшего у руля внешней политики России после смерти Никиты Панина в 1783 г. Среди прочих документов имеется и прошение второго участника авантюрного предприятия 1762–1764 гг. – грека Мануила Саро, датированное 1785 г. В этом прошении (на имя императрицы) Саро пишет, что в 1763 г. он «был позван к Его Светлости князю Григорию Григорьевичу Орлову». Во время беседы Орлов будто бы сделал Саро предложение: «Ехать тайно в Морею и иные греческие места для узнания, в каких расположениях тамошние жители относительно до здешнего двора находятся, и для приуготовления их заранее к будущей турецкой войне» [7. Л. 94–95]. Далее Саро изложил ту же историю, что и Иван Палатино, только добавил, что триполитанские корсары «заграбили все деньги и все имение» его.

По прочтении прошения возникает вопрос: почему Саро обратился с этим прошением только в 1785 г., спустя два года после смерти Орлова и двадцать два

года после якобы состоявшегося разговора с ним? Почему Саро не сделал это при жизни графа, когда можно было реально получить его подтверждение столь важного поручения? В заключение прошения приложена записка: «Копия свидетельства. Сим свидетельствую, что Мануил Саро был от меня послан с комиссией в турецкую область 1763 года и отправлял там порученное ему дело добросовестно. Князь Григорий Орлов» [7. Л. 96]. Эта записка без подписи и без даты, хотя на документах такого рода, если это были копии, наряду с конкретной датой всегда стояла примерно такая запись: «На подлинном рукою Его Светлости генерал-фельдцейхмейстера графа (князя) Григория Григорьевича Орлова написано: тако...». Говоря современным языком, «тайная миссия» в Грецию, будто бы порученная Григорием Орловым греку М. Саро, следовала только со слов этого грека, и документами не подтверждается.

На некоторые прошения греков, реально оказавших услуги России, есть ответы главнокомандующего морскими и сухопутными силами России в Средиземном и Эгейском морях в 1770–1774 г. графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. В частности, это его собственноручная записка от 4 февраля 1783 г., адресованная графу А.А. Безбородко: «Государь мой Александр Андреевич. Податель сего моего вам письма служивший при флоте офицером Григорей Пана, о котором вы получили повеление от всемилостивейшей нашей государыни, чтоб ему приказали получать пенсию. Того для препоручаю ево в вашу милость» [7. Л. 94–95].

История с авантюристом Папазолу завершилась так. Зимой 1787 г., когда начались боевые действия с Турцией и Балтийский флот под начальством адмирала С.К. Грейга готовился выйти в Средиземное море, Папазолу приехал в Кронштадт. Там он добился встречи с Грейгом и рассказал о событиях семнадцатилетней давности, в частности, о том, как в 1770 г. он воевал в Морее, а теперь остался без средств и просит Грейга помочь ему. Грейг не мог знать всех греков и кто из них воевал в Морее, но, тем не менее, взялся помочь Папазолу и написал А.А. Безбородко письмо с просьбой этого грека. А просил Папазолу пожаловать ему 4000 рублей – «на проезд его и заплату долгов, и определить консулом, куда Ее Императорское Величество заблагоразсудит в близости Морей с жалованием до 1500 рублей в год» [7. Л. 36–37. От 22 декабря 1787 г.]. Наверное, нет необходимости комментировать подобную просьбу. Добавлю лишь, что Папазолу обратился с прошением не на высочайшее имя, как другие его соотечественники, а на имя главного командира Балтийского флота С.К. Грейга – очевидно, в надежде, что по прошествии не одного десятка лет адмирал уже не вспомнит всех подробностей Морейской операции 1770 г. Причем в этом прошении Папазолу ни словом не упомянул о своей «деятельности» в Морее. Как и следовало ожидать, ответа на это прошение не последовало.

Таков финал авантюрной истории с несуществующим указом Екатерины II Правительствующему Сенату от 29 октября 1762 г. и подложным воззванием императрицы к грекам от 12 августа 1764 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1.
2. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 179. Оп. 1. Д. 148.
3. *Смилянская И.М.* «Приготовления» к русско-турецкой войне 1768–1774 годов: российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. 2009. № 2.
4. *Смилянская Е.Б., Смилянская И.М.* Средиземноморская политика Екатерины II. М., 2011.
5. Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5644.
6. Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ. Ф. 89. Оп. 89/8. Д. 321. От 21 июля 1762 года. Д. 323. От 27 июля 1762 года.
7. Российский государственный архив Древних Актов. Ф. 10. Оп. 1. Д. 645.

© 2016 г. О.В. СОКОЛОВСКАЯ

ГЕРОЙ НА ФОНЕ ЭПОХИ¹ (СУДЬБА М.С. РОЩАКОВСКОГО)

Статья посвящена неизвестным эпизодам из жизни русского морского офицера М.С. Рощаковского (1876–1938), связанным с Грецией и с греческой королевой Ольгой, которая покровительствовала русским морякам, особенно тем, кто попал в ее больницу в Пирее. Она помогла молодому мичману вылечиться от туберкулеза легких и затем следила за всеми перипетиями его яркой, но очень непростой жизни. Рощаковский, как и предполагала Ольга, стал героем русско-японской войны, инициативным участником Первой мировой войны, дипломатом. После смерти королевы вернулся в СССР, где спустя 10 лет умер в ГУЛАГе.

The article is devoted to unknown episodes in the life of the Russian naval officer Mikhail Roschakovsky (1876–1938), related to Greece and the Greek Queen Olga, who was the patroness of Russian sailors, especially those who were treated in her hospital in Piraeus. She helped the young midshipman to recover from lungs tuberculosis and then followed all twists and turns of his bright, but very difficult life. Roschakovskij, as Olga anticipated, became a hero of the Russo-Japanese war, proactive participant in World War One, and a diplomat. After the queen's death he returned to the USSR, and ten years later died in the GULAG.

Ключевые слова: Греческая королева Ольга, русский морской офицер, русско-японская война, ГУЛАГ.

Keywords: Greek Queen Olga, Russian naval officer, Russo-Japanese War, the GULAG.

Наш герой – Михаил Сергеевич Рощаковский, один из неординарных морских офицеров рубежа XIX–XX вв., человек, на долю которого выпало столько испытаний, таких неожиданных поворотов судьбы, что хватило бы на несколько непростых жизней. Родился 24 сентября 1876 г. в родовом отцовском поместье в с. Александровка Херсонской губернии – умер (даты нет) в 1938 г. в Карагандинском ИТЛ. Русский дворянин, морской офицер, один из самых известных героев русско-японской войны, обласканный царской семьей (особенно Николаем II и греческой королевой Ольгой), потом дипломат, эмигрант и капитан норвежского торгового судна, с 1926 г. советский госслужащий и, наконец, человек, признанный «социально опасным элементом» и узник ГУЛАГа.

Его имя встречалось ранее лишь в художественной литературе о русско-японской войне, например в романе Новикова-Прибоя, который сам Рощаковский считал примитивным, в книге воспоминаний советского писателя Л.Э. Разгона (1908–1999), который оказался в одной камере с Рощаковским в ГУЛАГе

Соколовская Ольга Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00145а.

[1. С. 129–166]. Воспоминания, написанные Л.Э. Разгоном в очень пожилом возрасте, грешат ошибками, домыслами о царской семье, но при этом о самом Рошаковском Разгон пишет с нескрываемым восхищением. В последнее время почти одновременно забытое имя привлекло морских историков: норвежский историк Бьорн Братбак посвятил ему монографию [2]², в которой впервые были использованы документы из семейных архивов потомков М.С. Рошаковского, проживающих в Норвегии, а в книге писателя-мариниста капитана 1-го ранга В.В. Шигина «Последние герои империи» [3], вышедшей в 2013 г., целая глава называется: «Это неугомонный Рошаковский», но повторяет многие сведения из книги Бьорна Братбака. Интересны сведения, которые Шигин приводит о советском периоде жизни нашего героя. Во всех перечисленных работах почти отсутствуют сведения о молодом Рошаковском: они скупы или ошибочны. При этом авторы приводят один и тот же параграф о том, что он обучался в Морском кадетском корпусе вместе с великим князем Кириллом Владимировичем и «поддерживал хорошие отношения с великой княгиней Ольгой, ставшей позднее королевой Греции». Известно, что великие князья обучались дома по программе Морского корпуса, а Ольга Константиновна была на 25 лет старше Рошаковского и в период его учебы в Морском корпусе в 1890-е годы уже 30 лет как была королевой эллинов. Они познакомились в Греции, и с тех пор М. Рошаковский стал любимцем королевы и последних Романовых.

Окончив Морской корпус с присуждением ему премии адмирала Нахимова, в 1896 г. Михаил Сергеевич был произведен в мичманы. С 3 января 1899 г. он получил назначение вахтенным начальником мореходной канонерской лодки «Грозный», которая находилась в греческих водах во время Критского кризиса и миротворческой операции европейских держав на о. Крите в конце XIX в. в составе Отдельного отряда судов Средиземного моря под командованием контр-адмиралов Н.И. Скрыдлова, а затем А.А. Бирилева. Летом 1899 г. 22-летний мичман М. Рошаковский, заболев туберкулезом легких (чахоткой), попал в греческий госпиталь «Занеон» в Пирее, где очень часто бывала греческая королева Ольга Константиновна и оказывала особое внимание заболевшим русским морякам. Она была удивлена, насколько старше он выглядел из-за болезни. «У бедного мальчика начало чахотки, – писала королева своему младшему брату великому князю Константину Константиновичу, – и ему безусловно вредно оставаться в госпитале: там слишком душно теперь, а выходя, он только дышит пылью». И сообщала, что уговорила госпитального доктора отпустить его в свою летнюю резиденцию Татой, где было прохладнее, а значит легче дышать, в качестве лечебной меры. Она написала письма контр-адмиралу Федору Карловичу Авелану, управляющему Морским министерством, которого прекрасно знала со времен его командования Средиземноморской эскадрой в 1893–1894 гг., и генерал-штаб-доктору всего российского императорского флота, ее старому знакомому Владимиру Сергеевичу Кудрину, прося их устроить, чтоб Рошаковскому был дан отпуск и пособие для лечения, как это делалось для многих офицеров, с тем, чтоб «он мог поехать лечиться систематично в санаторию [...] так как болезнь в самом начале (он не кашляет и его не лихорадит, то есть полная надежда на выздоровление)». «Надеюсь только, что моя просьба будет исполнена, и что молодая жизнь будет спасена» [4. Д. 229. № 38. Афины 9(21) августа 1899]³.

² Бьорн Братбак – норвежский писатель-историк. Родился в 1937 г. Получил военное образование, после службы в армии работал в государственных и коммерческих предприятиях Норвегии, связанных с нефтедобывающей индустрией. После ухода на пенсию целиком посвятил себя журналистике и историческим исследованиям.

³ Великий князь был постоянным адресатом королевы. Переписка между ними велась на протяжении почти 50-ти лет, прерываясь только во время частых визитов королевы эллинов в Россию или пребывания великого князя в Греции. Особенно много Ольга Константиновна писала брату о своих подопечных больных, называя это «лазаретной хроникой». Письма греческой королевы хранятся в ГАРФ (Ф. 660. Оп. 1).

В Татое Рошаковский почувствовал себя лучше и быстро освоился. Несмотря на огромную разницу в возрасте, они с Ольгой Константиновной стали друзьями. «Он какой-то особенный, умный, интересный – писала королева брату – он не по летам скептически ко всему относится, все критикует, все разбирает, но он добрый при этом и по-своему верующий». Во время многочасовых прогулок Рошаковский «был трогательно откровенен» с королевой, в отличие от ее собственных детей, и Ольга Константиновна искренне полюбила его. Ответ от морского начальства был получен, и вскоре ему предоставили отпуск и возможность вылечиться в Финляндии. Покидая Татой на прощанье он написал в день своего рождения (22 сентября, ему исполнилось 23 года) в памятную книжку королевы «Дума за думой»: «Нет, я не стану говорить, /Ведь все равно нельзя излить /Словами тягость расставанья; /Скажу «спасибо и прости», /А ты меня перекрести /В минуту нашего прощанья» [4. Д. 229. № 37. Татой 2(14) августа 1899].

«Милый Рошаковский [...] Я его очень, очень полюбила – он какой-то особенный – совсем для меня новый тип и в высшей степени интересный; мы говорили без умолку и я чувствовала, что ему было хорошо и что я согрела его бедную душеньку – ужасная мысль, что у него чахотка, но Бог даст, он б[ыть] м[ожет] вылечится совсем, я давно ни с кем не говорила так по душе, и он был трогательно откровенен со мной, дорожа моим мнением» [4. № 38. Афины 9(21) августа 1899].

Вернувшись меньше чем через год на флот и став вахтенным начальником миноносца «Скат», благодарный Рошаковский продолжил переписку с Ольгой Константиновной, присылая ей письма с каждой стоянки – из Киля и Шербурга и т. д. «Интересная у него душа в полном смысле слова! Я так молю Бога даровать ему твердую, непоколебимую веру, а это из просьб, в исполнении которых он сомневается [...] Мне очень и очень приятно с ним рассуждать, дискутировать, пот[ому что] это выдается из ряда обыкновенного – а наши татойские разговоры самые обыкновенные!» – писала королева брату Константину [4. № 36. Татой 26 июля(7 августа) 1899].

1 января 1901 г. Рошаковскому было присвоено звание лейтенанта. Послужной список его в эти годы включал службу вахтенным начальником на нескольких военных кораблях 2-го и 1-го рангов, что для молодого флотского офицера было весьма почетно. Однако с морским начальством отношения часто не ладились из-за слишком независимых суждений Рошаковского, которые он никогда не скрывал. Так было и на броненосце «Император Александр II», где командующий эскадрой, вице-адмирал А. А. Бирилев в кают-компании обмолвился, что «он, как боевой адмирал, считает...». Тут же раздалась просьба рассказать что-нибудь поучительное из боевой практики адмирала. Это был Рошаковский, прекрасно знавший, что Бирилев никогда ни в каких боях не участвовал, а имел репутацию «паркетного адмирала» [3. С. 106]. Можно было бы добавить, что смелости ему прибавляло и то, что королева Ольга сама терпеть не могла командующего Отдельным отрядом судов Средиземного моря контр-адмирала Алексея Алексеевича Бирилева и частенько открыто конфликтовала с ним. Ратовавший за очень строгую дисциплину на вверенных ему судах, контр-адмирал считал, что материнское отношение Ольги к морякам портит их. Он был недоволен тем, что королева постоянно вмешивалась в жизнь русской эскадры, «а по своей сердечной доброте особенно баловала матросов», которые приглашались на чай во дворец, формально к камер-фрау Марии Николаевне Баулиной, а в действительности к ней самой. Как вспоминал дипломат Ю. Я. Соловьев, служивший в те годы вторым секретарем российской миссии в Афинах, адмирал Бирилев утверждал, что «так подрывается дисциплина и матросы выходят из его повиновения» [5. С. 117–118]. В феврале 1901 г. произошел весьма показательный для взаимоотношений королевы и командующего случай: королева, узнав, что ее подопечный лейтенант Рошаковский находится в греческих водах на о. Сипрос, просила командующего прислать его к ней, чем вызвала, естественно, не-

довольство. Сама королева описывала этот случай так: «Я просила, т.е. сказала Бибишке (так презрительно называла Ольга командующего.— *О.С.*), что я же-лаю видеть Рошаковского, он замялся и стал говорить, что его нельзя отпустить, пот[ому что] это дурной пример другим, и всякую чепуху». Королева настаивала и сказала: «Я не принимаю отказа и будьте так добры его прислать»; Бирилев ответил: «Слушаюсь» и сообщил, что «вышлет Р. в четверг, если будет пароход», но т.к. была буря, то два дня пароходы не приходили», а «в пятницу в 3 ч. миноносцы ушли дальше» [4. Д. 231. № 6. Афины. 7(20) февраля 1901]. В это время, действительно, по распоряжению Главного морского штаба многие военные суда в срочном порядке, в связи с международной обстановкой, отправлялись на Дальний Восток. В общем нашла коса на камень! «Я так желала видеть Р.— он мне написал такое грустное письмо с самого Кронштадта, желая попасть в Пирей и не сомневаясь, что это будет. И правда: в разговорах и письмах я стараюсь ему внушать возвышенные взгляды и принципы, т.е. не внушать, пот[ому что] они в нем есть, но подбодрять и укреплять» [4. Д. 231. № 6. Афины. 7(20) февраля 1901].

Особо яркой страницей в жизни Михаила Рошаковского стала русско-японская война, где он проявил неподдельный героизм, став мировой знаменитостью. Греческая королева, хорошо знавшая его характер, была уверена, что «он будет находиться в самых опасных местах» и искать смерти, тем более, что его невеста накануне войны вышла замуж за другого [4. Д. 245. № 7. Афины. 16(29) февраля 1904]. Так и было! В трагический для русского флота день — 31 марта 1904 г. — когда на выходе из Порт-Артура взорвался эскадренный броненосец «Петропавловск», погибла большая часть команды и командующий флотом вице-адмирал С.О. Макаров (который незадолго до этого отметил храбрость и ум молодого офицера), Рошаковский, командуя гребным катером, вытащил из воды и спас 18 моряков, в том числе великого князя Кирилла Владимировича, когда тот уже захлебывался. Именно Рошаковский нашел и поднял шинель Макарова. Но свой главный подвиг он совершил, командуя миноносцем «Решительный» Порт-Артурской эскадры (за свою юркость миноносцы называли «ласточками войны»). По указанию контр-адмирала В.К. Витгефта он должен был прорвать японскую блокаду, прибыть в китайский порт Чифу, доставить секретную депешу русскому консулу, а затем разоружиться. Все было проделано по плану. Но японцы, поправ все морские законы, ночью атаковали в нейтральном порту разоруженное китайцами судно. Поняв обман, Рошаковский отдал приказ команде вступить в рукопашный бой и взорвать миноносец. Силы были не равны, и вскоре все оказались в воде и еле доплыли до берега. Раненый Рошаковский пытался спастись на китайской джонке, но китайцы били его бамбуковыми палками. Все-таки из 57 человек команды не досчитались лишь двоих. Никто из них не знал, что к этому моменту корабли нашей эскадры так и не прорвались во Владивосток, а посылавший Рошаковского в Чифу контр-адмирал Витгефт погиб. Европейцы, проживавшие в Чифу, восхищались храбростью русского командира корабля и его команды и сделали его всемирно известным героем, который повернул общественное мнение Европы в сторону России. Едва залечив рану, Рошаковский через Америку вернулся в Россию, где его весьма холодно встретил вице-адмирал Бирилев, ставший к этому времени пятнадцатым морским министром. Он придрался к тому, что Рошаковский нарушил международное право, по которому, будучи интернированным на территории нейтрального государства, он должен был оставаться там до конца войны. Но после захвата «Решительного» свое обязательство не воевать с японцами Рошаковский посчитал недействительным, и еще с дороги подал рапорт морскому министру о зачислении в 3-ю Тихоокеанскую эскадру, которая готовилась к отправке на Дальний Восток, вдогонку эскадры З.П. Рожественского [3. С. 129].

В январе 1905 г. Ольга, которая отслеживала все события и судьбы своих знакомых моряков, писала брату: «Теперь он опять идет на войну (к немалому моему огорчению, хотя я его понимаю), и уже находится на бр[оненосце] “Ад. Сенявин” в Либаве» [4. Д. 234. № 3. Афины. 18(31) января 1905]. По дороге в Тихий океан во время стоянки на Крите Рошаковский вновь увиделся с королевой Ольгой, которая специально прибыла на Крит, чтобы проводить русские суда на войну и встретиться с героями порт-артурцами [4. Д. 234. № 10. Крит. Халеп. 5(18) марта 1905]. Она сообщала брату: «Сегодня еду в Суду прощаться с тремя броненосцами – адмиралами и завтра с остальными; на эскадре, кроме Рошаковского, кот[орому] я телеграфировала, никто не знал, что я приеду и что я нахожусь на входящем в гавань пароходе. Мы ушли из Пирея в час ночи, а в Суде были в 4 1/2 дня. Суда грузят уголь повсюду, где он может поместиться, чуть-ли даже не в карманы, т[ак] что я пока у них не была». И далее: «Я там держала себя исправно и не ревела, на каждое судно привезла по образцу – довольно большому, с Афона, с греческими надписями (других у меня не было). Команду собирали, я их благословляла и говорила несколько слов, приблизительно так, но очень нескладно: “Счастливого пути, ребята, храни вас Господь, вернитесь здоровыми, невредимыми и победоносными”. Храни их Бог, милых, родных! Как они кричали “Ура!” и махали шапками. Сейчас приедет Рошаковский – он здоров, и я так рада его видеть». Ольга сокрушалась, что сын Джорджи, который в это время исполнял обязанности верховного комиссара четырех держав-покровительниц на Крите, также «приезжал к ним напутствовать их, но так, что потом офицеры, а потом и даже матросы говорили: “И к чему он приезжал!” – так он был холоден и безучастен» [4. Д.234. № 10. Крит. Халеп. 5(18) марта 1905].

На борту «Адмирала Сенявина» М.С. Рошаковскому довелось принять участие в Цусимском бое, где он снова отличился, стоя на башне с биноклем в руках и командуя огнем, что было практически самоубийством. С войны приходили страшные новости. «Я уверена – писала Ольга Константиновна – что мой бедный Рошаковский погиб [...] а если он попал в плен, то и это ужасно; он мне несколько раз говорил: “Только бы не попасть в руки японцам – они меня повесят из-за происшествия на мин. “Решительный”. Так страшно и больно. Сколько у меня там милых, хороших приятелей! Где они родные? М[ожет]б[ыть] Господь уже воздал им за их самопожертвование и верность долгу и им теперь очень хорошо?» [4. № 21. Татой 22 мая(5 июня) 1905]. Вскоре Ольге ответили из Морского министерства, что Рошаковский и некоторые другие ее знакомые офицеры живы, но некоторые, в том числе Рошаковский, в плену» [4. Татой 27 мая(19 июня) 1905].

Он и правда вторично попал в плен, а в конце войны вместе с другими военнопленными был освобожден и вернулся в Санкт-Петербург. Заслуги Рошаковского в войне были отмечены орденами, но королева сокрушалась, что недостаточно. Более того, героя войны вскоре отправили в отставку – царский дядя, стоявший во главе флота, великий князь Алексей Александрович был оскорблен запиской, составленной Рошаковским в плену, где он делал собственные выводы о причинах поражения России в войне с Японией, о необходимости коренной реорганизации флота и о бездарности его руководителей и лично великого князя [1. С. 145]. Николай II, желая выручить Рошаковского, предложил ему в 1907 г. перейти в Министерство иностранных дел и стать дипломатом по особым поручениям. За год до этого, осенью 1906 г., Рошаковский женился на Марии Сергеевне Мезенцевой, фрейлине императрицы Александры Федоровны, которая была старше своего мужа на семь лет. Невеста была богата, так как унаследовала с братом имение своего деда по материнской линии С.И. Уварова. Венчание состоялось в дворцовой часовне Павловского дворца и королева Ольга была посаженной матерью на свадьбе. По просьбе греческой королевы М.С. Рошаковского направили

на работу в афинскую миссию, где он пробыл до начала Балканских войн, а после убийства греческого короля Георга I и прихода короля Константина, весной 1913 г. он был переведен в посольство в Константинополе, а затем на должность 1-го секретаря российской миссии в Дармштадте, где его в должности поверенного в делах застала Первая мировая война. О дипломатической деятельности М.С. Рошаковского практически ничего не известно, но исследователи с нетерпением ждут открытия АВПРИ, намеченное на осень 2016 г.

Вернувшись в Россию, Рошаковский осуществил свою мечту служить на флоте. В начале войны он в качестве начальника отряда тральщиков занимался минированием Балтийского моря, затем был командиром «Легкого», получил старшего лейтенанта, а в 1915 г. прикомандирован к Морскому генеральному штабу. Здесь ему было опять уготовано новое дело: обустроить морской Север России – незамерзающие порты, следить за прокладкой железной дороги из Петербурга в Мурманск, потом стать начальником службы связи Белого моря, т.е. создать ее с нуля (он построил три полярных радиостанции), и наблюдательных пунктов создаваемой флотилии Северного Ледовитого океана. После Февральской революции Керенский, став военным министром, предложил Рошаковскому взять на себя руководство Кольским районом и начальником отряда судов обороны Кольского залива, Мурманским районом и следить за военными поставками союзников. В эти дни ему было присвоено Временным правительством звание капитана I ранга. Однако, как писал в автобиографии сам М.С. Рошаковский, он был не согласен с действиями Временного правительства и трижды подавал в отставку. 16 сентября 1917 г. его уволили с морской службы и перевели в Министерство иностранных дел, где он оставался вплоть до Октябрьского переворота, после чего вернулся к семье в Архангельск [6. Д. 4847. Л. 5]. Все годы Первой мировой войны он поддерживал, по мере возможности, отношения с Ольгой Константиновной, которая жила в Павловске, занимаясь своим лазаретом. Именно М.С. Рошаковский, всегда точно предугадывавший события, что отмечали все его современники, умолил в 1918 г. вдовствующую королеву Ольгу поскорее покинуть Россию [7. С. 198].

Советская власть в Мурманске продержалась до лета 1918 г. На смену ей пришла Русская Временное правительство Северной области. В воздухе запахло братоубийственной войной, в которой Рошаковский участвовать не желал и в начале марта 1918 г. с помощью Ольги Константиновны, находившейся в то время в Лондоне, поселился в Норвегии. Имея деньги, он пытался заняться рыбным и зверобойным бизнесом и торговать с Советской Россией рыбой и рыбьим жиром. На арендованном совместно с норвежцами пароходе четыре раза возил в Мурманск и Архангельск сельдь, рыбий жир и т.д. Но разве герой мог торговать! Однажды советские корабли – крейсер «Аврора» и учебное судно «Комсомолец» – совершали плавание, следуя вдоль норвежского побережья из Кронштадта в Архангельск. Говорят, увидев их, Рошаковский плакал.

Живя в Норвегии, он по-прежнему считал, что победа белогвардейцев означала бы, что Россия станет на десятки, если не на сотни лет фактической колонией иностранцев! Рошаковский все чаще задумывался о возвращении обратно в Россию, точнее в СССР, ставший по его мнению преемником Российской империи, в которой проходило возрождение оборонной мощи. В РГАВМФ находятся ценнейшие документы, связанные с биографией Рошаковского за 1921–1926 г. Из них видно, что 10 декабря 1925 г., проживая в г. Гаугезунд (Норвегия), М.С. Рошаковский обратился в Центральный исполнительный комитет СССР с заявлением о принятии его в подданство Союза с приложением трех анкет, трех фотографий и автобиографии. В этом заявлении он искренне объяснил, что не сразу пришел к такому решению. «Когда было издано постановление от 15 декабря 1921 г., я, воспитанный и служивший в духе монархизма, не мог еще искренне заявить

о своем желании быть советским подданным, ибо до начала революции новых социальных учений просто не знал и вытекающие из них мероприятия Советской власти меня соответственно коробили. Однако я достаточно любил свой народ и понимал историю, чтобы воздерживаться от всякого участия в белом движении. Мне ничего не оставалось как выехать, с разрешения советских властей, за границу и прожить там последние 8 лет в труде, уединении, чтении и размышлении. По крайней мере, я не мешал политически и не обременял отечество трудной в революционное время необходимостью меня кормить и вообще со мной, как бы то ни было, возиться». Он писал, что, не прибегая к иностранной благотворительности, своими силами создал себе «положение в Норвегии, где могу натурализоваться, буде пожелаю, и прожить без острой нужды». «В скромных условиях частного человека я всячески старался примириться самому, а затем примирить и всех тех русских и иностранцев, с кем имею общение, с наступлением лучшей более совершенной эры». И, наконец, он искренне писал, что «сегодня я сознательно могу заявить, что советской власти сочувствую, ибо федеративную основу по национальностям, полному отделению церкви от государства, советскую систему управления, упразднение частного землевладения, прекращение капиталистического строя, диктатуру пролетариата, ограничение свободы печати, новое направление суда с искоренением адвокатского сословия, перестройку образования с буржуазного на утилитарное, и многое другое – считаю необходимым». Он подчеркивал, что настроение его «доброжелательное, а не ожесточенное или обиженное» [б. л. 4]. Рошачковский просил «пока что только советского подданства» и собирался проживать на Западе «до полного успокоения в Советском Союзе» [б. л. 4об.].

В его заявлении была важная приписка. Что «суду и смерти не предавал, команды свои при должной строгости любил и пользовался уважением, потому что старался служить исправно, себя не жалея и на руку был чист. Имел случай испросить освобождение 50-ти заключенным и помилование 5-рым, приговоренным к повешению. Старая служба моя не раз вызывала одобрение, иногда даже всеобщее». Михаил Сергеевич из скромности не указывал намеренно своих подвигов на флоте, а зря, поскольку в царских архивах рыться никто не собирался. В своей краткой автобиографии (слишком краткой) он подчеркивал, что ему было всего десять лет, «когда отец мой разорился и стал служить. Таким образом, сам я ни землевладельцем, ни капиталистом не был» [б. л. 4об.].

В автобиографии Рошачковский старался подчеркнуть, что он всегда рассчитывал только на свои силы, и постепенно «составил прочные связи и источник дохода». Он с гордостью заканчивал биографию словами: «Счастлив заявить, что никакими казенными суммами или кредитами, никакой благотворительностью с какой бы то ни было стороны на пользовался». Ах, какая это была ошибка с его стороны писать нищим и голодным, что ни в чем не нуждается!

Его просьбу от 12 декабря 1925 г. поддержало Полпредство СССР в Осло, видимо, сама А.М. Коллонтай, соглашаясь, что он может быть полезен флоту. 24 мая 1926 г. капитан 1-го ранга М.С. Рошачковский обратился также к военно-морскому атташе при Полпредстве СССР в Англии Е.А. Беренсу⁴ с просьбой помочь ему вернуться в Советскую Россию на службу в Морское ведомство. Он мечтал теперь стать наставником кадет, матросов, офицеров, внедрить новейший педагогический метод образования по системе Монтессори (т.е. сначала полюбить предмет, а потом, отдав все силы, приступить к его изучению). Предлагал обучать морской практике, которую особенно любил и знал. «Плавал много и разнообразно, и учителей-наставников имел замечательных, а уж военный опыт имел, действительно, всесторонний» [б. л. 3, 3об.].

⁴ Беренс Евгений Андреевич (1870–1928) – советский военный деятель. Родился в Тбилиси в дворянской семье. В 1895 г. окончил морской корпус, до 1910 г. – на командных должностях в императорском флоте. С 1924 г. – военно-морской атташе при Полпредстве СССР в Англии.

29 мая 1926 г. Беренс направил все бумаги Рошаковского начальнику штаба РККА для принятия решения по его ходатайству. От себя Е.А. Беренс прибавил следующее: «Рошаковского знаю с самого начала его службы. Он всегда был своеобразен и выделялся не только формальным, но и искренним отношением ко всякому делу, ему поручаемому. Вполне верю его свидетельству, что он до сих пор не поднимал вопроса о возобновлении гражданства и возвращении в СССР, так как лишь постепенно становился на Советскую платформу. Зная его характер и психику, это так, он никогда в своей жизни не кривил душой и не шел против своих убеждений, какие бы последствия для него это не имело. Полагаю, что у нас в Союзе найдутся еще старые моряки, которые его хорошо знают и помнят, и дадут его характеристику». Но в конце Беренс не удержался и прибавил: «Правда, благодаря цельности своей натуры, служба с Рошаковским была не всегда легкой для других, но там, где требуется неукротимая энергия и умение действовать с обстановкой и проявляя большую инициативу, – он незаменим» [6. Л. 2]. Советское правительство вскоре дало Рошаковскому советское гражданство и право вернуться в СССР. В мае 1927 г. его 19-летняя дочь Мария вышла замуж, жена не разделяла его взглядов, и его больше в Норвегии ничто не держало. Дочь Мария Михайловна написала позже: «Его возвращение на родину было искренним» [2].

О жизни Рошаковского в Советском Союзе исследователи судят в основном по его переписке⁵ с бывшим революционером, поэтом и ученым Н.А. Морозовым⁶, написавшим фундаментальный семитомный труд «Христос», который впоследствии стал фундаментом так называемой Новой хронологии академика А.Т. Фоменко. Прочитав первый же том «Христа», Рошаковский был от него в полном восторге. С этого момента началась долгая переписка этих необычных людей. Хотя письма в основном посвящены научным вопросам хронологии и организации службы времени, есть в них и личное. Последнее – от 24 октября 1937 г. «Дорогой Николай Александрович! Все мое время уходит на изыскания себе пропитания. Политическое лицо мое совершенно безупречно: имею московский паспорт, пенсионер, член инженерно-технической секции, пользуюсь избирательными правами. На службе был аккуратен и деятелен, составил лучший наш англо-русский технический словарь, изданный под редакцией нечестного человека Чернухина. За 10 лет был дважды арестован по лживым доносам, и оба раза меня освободили без наложения взысканий, т.к. ни в чем не был виноват. Итак, прошу посильной работы, которую обещаюсь скоро и исправно выполнить. С юных лет приучил себя к правдивости, что так важно в научной работе. С самым сердечным приветом, М. Рошаковский» [3. С. 174]. Рошаковский был признан «социально опасным элементом» и осужден на пять лет исправительных работ.

Дожидааясь отправки в трудовой лагерь, Рошаковский оказался в московской Бутырской тюрьме в одной камере с тридцатилетним Львом Разгоном, который позже вспоминал: «Рошаковский был мне бесконечно интересен. Настолько, что я почти все время проводил в разговорах с ним [...] Это было просто удивительно! Он был убежденный монархист, националист и антисемит. Я был коммунистом, интернационалистом и евреем. Мы спорили почти все время. И выяснилось, что можно спорить с полностью инаковерующим не раздражаясь, не впадая в ожесточение, с уважением друг к другу [...] Для меня это было подлинным открытием...» [1. С. 141].

⁵ Переписка хранится в Архиве Российской академии наук.

⁶ Морозов Николай Александрович (1854–1946) – русский революционер-народник. Член кружка «чайковцев», «Земли и воли», исполкома «Народной воли». Был участником покушений на Александра II. В 1882 г. был приговорен к вечной каторге, до 1905 г. находился в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Масон. Почетный член Академии наук СССР. С 1918 г. – директор Естественно-научного института им. П.Ф. Лесгафта. Оставил большое количество трудов в различных областях естественных и общественных наук. Также известен как писатель, поэт и автор литературы на исторические темы.

Льву Разгону предстояло провести 17 лет в сталинских лагерях. Рошаковско-го отправили в трудовой лагерь в Казахстане, где он умер (думаю, от чахотки) в 1938 г. В то время ему было 62 года. Благодаря настойчивости его родной сестры Софьи в 1964 г. Михаил Сергеевич Рошаковский был реабилитирован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Разгон Л.Э.* Плен в своем отечестве. Сборник. М., 1994.
2. *Братбак Б.* «Герой Порт-Артура и узник ГУЛАГа: капитан I ранга Михаил Сергеевич Рошаковский». Пер. с норвежского Е. Гончаровой // <http://flot.com/history/personalities/roschakovsky>, <http://forum.worldofwarships.ru>. (Без пагинации).
3. *Шигин В.В.* Последние герои империи. М., 2013.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 660. Оп. 2.
5. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959.
6. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р- 2192. Оп. 2. Д. 4847.
7. *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга // «Под молотом судьбы». СПб., 2011.

© 2016 г. А. ИЧЙЕР

СЕРБИЯ И ТУРЦИЯ В ГОДЫ МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В начале XX в. Сербия и Османская империя внимательно наблюдали друг за другом. На основе внешнеполитических интересов наметились некоторые шаги к их сближению, в частности обсуждались проекты договоров, которые могли бы вступить в силу.

In the early twentieth century, Serbia and the Ottoman Empire were keeping an eye on each other. Their foreign-political interests were the common ground for their cautious rapprochement. For instance, both states were discussing the projects of treaties, which might be signed in the forthcoming years.

Ключевые слова: Сербия, младотурки, Османская империя.

Keywords: Serbia, Young Turks, Ottoman Empire

Ориентация османского общества на европейские образцы, изменения в государственной системе, реформы Танзимата создали новую общность образованных на европейский манер людей, включавшую не только интеллектуальную элиту, но и офицерство, которые вошли в историю под названием младотурки. Сербский историк С. Драшкич считает, что младотурки появились благодаря влиянию французской революции и идей французского философа О. Конта [1]. К концу XIX в. они создали свою партию, учредили печатные органы, но не могли распространить свои идеи среди широких масс. Их центром стал город Монастир в Македонии, где тайно готовились антиправительственные акции, подпольно издавались газеты. В Западной Европе центром младотурок был Париж, где образовалось младотурецкое общество и также издавались пропагандистские газеты [2]. В июле 1908 г. вспыхнуло восстание в Македонии. Султан Абдул Гамид не смог его подавить и ему пришлось пойти на уступки: восстановить конституцию и созвать парламент, впервые с 1876 г. А через год после революционных событий Абдул Гамид вообще лишился власти.

В Османской империи вступил в силу хуриет («свобода»), т.е. равенство в правах граждан всех национальностей и вероисповеданий. Сербские, греческие, болгарские и албанские четы были распущены, конфликтующим сторонам было предложено защищать свои интересы парламентским путем [3. С. 78]. Пятидесятилетнее имперское правление превращалось в конституционное, зашедшее в тупик неопытных революционеров.

В первую очередь деятели младотурецкой революции стремились к полной самостоятельности страны во внешней политике. В меморандуме младотурок, направленном всем иностранным державам, кроме России, Османская империя

была объявлена унитарным государством, так как все народы империи (арабы, болгары, турки, курды, сербы, греки) одинаково страдают от абсолютизма [4. С. 23–25], поэтому для решения проблем каждого достаточно общих преобразований.

Можно сказать, что июльская революция имела следующие внешнеполитические результаты: национальную независимость Болгарии, неустойчивое стремление Сербии к национальному объединению, австро-венгерские претензии на Боснию и Герцеговину [4. С. 24–25].

Сербия же, основываясь на мечте о «Великой Сербии», стремилась объединить всех сербов, в том числе и населяющих территории Австро-Венгрии и Османской империи, в единое государство. Данную проблему предполагалось решить посредством планомерной работы по пропаганде сербской национальной идеи и подготовке вооруженных выступлений на турецких территориях Балканского полуострова, в том числе и Македонии.

Пропагандистскую работу там Сербского правительства можно разделить на три этапа. На первом этапе (1878–1904) она состояла в оказании помощи религиозным, образовательным и экономическим организациям сербов. На втором этапе (1904–1908) имели место вооруженные акции и организация подрывной деятельности. Третий этап (1908–1912) начался во время Балканского кризиса, связанного с началом младотурецкой революции и продолжался до начала Балканских войн [5].

После младотурецкой революции мнение Сербского правительства об Османской империи изменилось. Сербский посол в Константинополе обращал внимание своего правительства на роль Англии в отношениях с ней. Турция, заинтересованная в получении помощи от Великобритании, стремилась к расширению связей с ней [6. Къ. IV. Св. I/II. № 343]. Сербия поддерживала дружественные отношения с Англией [7], что могло способствовать через ее посредничество сближению Сербии и Османской империи.

Этот процесс усилился после событий, связанных с пожаром в 1908 г., который уничтожил около 3000 домов и столько же лавок в одном из районов Константинополя. Пострадала в основном беднота. Младотурецкий комитет сделал все что мог для этих людей. Сербия со своей стороны также направила им помощь [6. Къ. IV. Св. I/I. С. 875].

По примеру Болгарии и Греции Сербия избрала более гибкую политику в отношении конституционных властей Турции. В ответ на амнистию сербам, входившим в боевые отряды, но не забывая свои собственные интересы, она установила дружественные отношения с представителями младотурок, рассчитывая на закрепление за православно-славянским населением наименования «сербь», право на обучение на родном языке, а также на управление городом Велес (Debre-Köprülü).

В августе 1908 г. в Скопье сербы заявили о ликвидации «сербских банд» [8. Р. 55] и создали на собрании 10–13 августа 1908 г. «Сербское демократическое объединение». 11 августа был опубликован меморандум, в котором они отказались от защиты своих интересов с помощью вооруженных отрядов четников и провозгласили намерение продолжать политическую деятельность конституционным путем. Македонские сербы выступали за равноправие, справедливость, братство и свободу всего населения Османской империи и целостность страны. Политическая цель организации состояла в объединении всех сербов, проживавших в Македонии, осознающих свою национальную принадлежность, а первым шагом к этому стало участие в выборах в парламент в 1908 г. В итоге среди 74 депутатов Совета оказались 27 турок, 15 албанцев, 22 араба, три серба и три болгарина [9].

По мнению сербского правительства так называемое конституционное правление могло способствовать решению Македонского вопроса. По сути дела, цель

сербов состояла в том, чтобы в рамках улучшения отношений с младотурками заявить о своих интересах и привлечь их на свою сторону в противостоянии с болгарской и греческой пропагандой в Македонии. Сербское правительство через своего консула в Скопье Живоина Балугджича призвало сербов в Турции к сотрудничеству с младотурками. Местная сербская элита и сама ощущала потребность в создании политической организации османских сербов, которая бы, как партия, представляла их интересы в парламенте в Константинополе [3. С. 78].

Лидеры младотурок понимали, что в случае обострения отношений между Османской империей и любым из балканских государств последние возобновят политику по дестабилизации ее внутреннего положения. В этом случае они надеялись на то, что территориальные претензии Австро-Венгрии в регионе при политической поддержке Германии отвлекут Сербию, Черногорию или Грецию, что позволит, по словам русского военного агента в Османской империи Хольмсена, турецкому правительству в случае войны обратить большее внимание на оборону Адрианополя, а главное, на кавказский фронт [10].

При первых успехах младотурецкой революции Министерство иностранных дел Сербии рекомендовало посланникам в Константинополе сохранять благосклонный нейтралитет, а после австро-венгерской аннексии Боснии и Герцеговины сербская политика в отношении Османской империи изменилась в положительную сторону. В демонстрациях, организованных в Константинополе у Сербского посольства, участвовали тысячи боснийцев с турецкими и сербскими флагами под лозунгом «Да здравствует Сербия, долой Австрию» [11. 1 X], одобряя сербско-турецкое сближение [11. 28 IX].

Политические изменения в Турции в некоторой степени ослабили межэтнические конфликты, а следовательно, стремление подвластных славянских народов к созданию Балканской федерации. Возможно, поэтому председатель младотурецкого комитета Ахмет Рыза-бей в Лондоне заявил, что младотурки не против Балканского союза как политического и экономического образования, в который бы могли войти Турция, Сербия, Черногория, Болгария и Греция [11. 22 X]. В Англии позитивно восприняли это заявление Ахмета Рыза. Кроме того, он выразил резко негативное отношение к Австро-Венгрии [11. 6 XI].

Османская империя подготовила для международной конференции свою программу, с которой согласились Франция, Россия и Англия. В проекте резолюции указывалось, что отказ Сербии от претензий на Боснию и Герцеговину не означает автоматической передачи ей территории Македонии, хотя и отмечалось, что сербский вопрос там все же требует решения [11. 7 XI].

Сербское правительство после аннексии Боснии и Герцеговины отправило со специальной миссией в Константинополь Ст. Новаковича для ведения, по словам, переговоров о наступательном и оборонительном союзе с Портой [11. 7 XI]. Согласно официальному заявлению сербского МИДа, Сербия отказывалась от претензий к Османской империи в отношении Новопазарского Санджака, а на г. Новаковича налагала обязанности налаживания отношений между двумя странами [12. № 1. С. 80–92].

Истинные мотивы сербского предложения Турции можно понять из одного из младотурецких меморандумов, опубликованного позднее. В нем говорилось, что Сербия просит Турцию помочь в решении проблемы Боснии и Герцеговины, выдвигалась идея о возможности союза между Россией, Турцией и Сербией с целью нейтрализации Австро-Венгрии на Балканах [11. 24 X]. Особый акцент делался на том, что Сербия больше не поддерживает четников в Македонии, следовательно, ничто не мешает налаживанию отношений между двумя государствами. Реакция австрийской прессы была предсказуемой: журналисты писали, что миссия Новаковича не увенчалась успехом, Турция отказала Сербии в помощи в решении боснийского вопроса, так как ни при каких условиях не может, как и Австрия, быть союзником Сербии [11. 10 XI]. Сербия не обращала внимание на

эти провокационные заявления. Она считала, что сближение с Турцией поможет защитить турецких сербов.

Насколько такой союз мог бы способствовать установлению мира на Балканах? Турция была готова обсуждать проблемы и с Болгарией, и с Сербией [6. Кн. IV. Св. I/II. С. 1077]. Успех переговоров во многом зависел от деятельности дипломатически ведомств, в том числе от личности посла Турции в Сербии. По сообщению сербского посла в Константинополе, сначала на эту должность рассматривалась кандидатура заместителя главы младотурецкого комитета в Скопье Иззет-бея [6. Кн. IV. Св. I/II. С. 833]. Но в начале 1909 г. в Белград приехал новый посол – Азарян-эфенди, армянин по происхождению. Ненадович писал об этом османском политическом деятеле, что Азарян-эфенди образованный, умный человек, опытный политик [6. Кн. III. Св. I/II. С. 879]. Видимо, это назначение еще больше укрепило сербско-турецкие связи. По словам сербского посла в Константинополе, визирь говорил о том, что Османская империя продолжает рассчитывать на Румынию, обезокоена греческим правительством и уверена в дружеских отношениях с Сербией.

Министерство иностранных дел Королевства Сербии разослало всем сербским послам на территории Османской империи информацию о ситуации в Европейской Турции и необходимости выдвижения следующих единых требований к Османской империи: полное равноправие государственно-правового статуса турецких сербов и других христианских народов; признание наличия сербского народа на территории Турции; предоставление работы сербам в государственных учреждениях; создание сербского представительства в парламенте; обращение к младотуркам по поводу налаживания отношений с Константинопольской патриархией по признанию митрополий в тех епархиях, где проживают сербы; полное равноправие между сербами и арнаутами (албанцами), особенно в Косовском вилаете, предполагающее либо разоружение арнаутов, либо предоставление сербам права на вооружение; помощь младотуркам в строительстве Дунайско-Адриатической железной дороги.

Министерство иностранных дел Сербии запросило у своих посольств список авторитетных и влиятельных сербов в Турции, которых можно было бы рекомендовать на турецкую государственную службу или в качестве кандидатов в депутаты турецкого парламента [6. Кн. III. Св. I/II. С. 631]. На выборах они должны проявить себя пока как сторонники младотурок, а в перспективе смогут возглавить легитимное движение османских сербов. Сербское министерство иностранных дел надеялось, что в этом случае младотурки, действуя на основе конституции, пойдут навстречу сербским стремлениям улучшить положение в стране соплеменников, особенно христиан.

В начале 1909 г. надежда Сербии на лояльную политику младотурок еще сохранялась. В России писали об их дружбе: «Сербы для турок, как и турки для сербов, являются естественными союзниками, этим объясняется и дружеское отношение младотурок к сербам, которое пока сводится к милым мечтам и обманчивым обещаниям. Но эти обещания, судя по ходу дипломатических переговоров между Белградом и Константинополем могут осуществиться» [12. № 32].

Сербская печать отражала общественное мнение: Сербия и сербский народ вступили в новую фазу в борьбе за освобождение. Первая, начавшаяся в 1804 г., продолжалась в течение всего XIX в. Тогда все силы Сербии были направлены против Турции, «угнетавшей сербское племя» [11. 16 X]. В начале младотурецкой революции сербо-турецкие отношения оставались такими же натянутыми, какими были раньше, хотя появилась надежда на мирный путь решения вопроса османских сербов. Сербия, ознакомившись с меморандумами младотурок, пришла к выводу, что они в состоянии помочь осуществить ее цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драшкич С. Албанци и Младо-Турски покрет 1902–1911 године. Белград, 1996.
2. Mardin Ş. Jön Türklerin Siyasi Fikirleri, 1895–1908. İstanbul, 2011.
3. Тимофеев А.Ю. Старая Сербия в Политике Белграда (1878–1912). Канд. дисс. М., 2002.
4. Милоков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910.
5. Kahramanyol M., Emgili F. Sırbistan'ın Osman İmparatorluğundaki İstihbaratve Teşkilatlanma çalışmaları (1898–1912). Ankara, 2012.
6. Документи Сполној Политици Краљевине Србије (1903–1914). Beograd, 1908.
7. Растовић А. Велика Британија и Србија 1903–1914. Београд, 2005.
8. Özbozdağlı Ö. İttihat ve Terakki' nin Balkan Siyaseti (1908–1914). Hatay, 2005.
9. <https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/MECMUEV/mmbd01ic01c001/mmbd01ic01c001ink001.pdf> ТВММ Kütüphanesi (Библиотека Великог Националног Собрания Турци).
10. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1011. Л. 196. Хольмсен – в ГУГШ. Константинополь. 20 июня 1908 г.
11. Политика. 1908.
12. Славянские Известия. 1909.

А.А. КОТЛЯРЕВСКИЙ – ЗАПАДНИК В РУССКОМ СЛАВЯНОВЕДЕНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье освещается жизненный и творческий путь знаменитого русского слависта А.А. Котляревского, известного своим западническим направлением в исследовании исторических и филологических сюжетов славян. Ученый является одним из первых представителей позитивизма в русском славяноведении.

The article highlights the life and work of the famous Russian Slavist Aleksandr Kotlyarevsky, who was famous for his Westerniser approach to the research of historical and philological topics. He also was one of the first Positivists in the Russian Slavic studies.

Ключевые слова: Дерптский университет, Киевский университет, русское славяноведение XIX в.

Keywords: Dorpat (Tartu) University, Kiew University, Russian Slavic Studies of the nineteenth century.

Определение «западник» по отношению к личности и творчеству А.А. Котляревского, употребленное в названии настоящей статьи, не случайно. Хорошо известно, что в XIX в. в общественной жизни России существовало в основном два противоположных идеологических течения, условно называемых западниками и славянофилами. Оба они были порождением соответствующих условий развития общественной мысли России в XIX в. и, имея единый философский фундамент, по-разному, до полной противоположности, рассматривали прошлое, современное и будущее славян. О сущности этой полемики написано много специальных исследований, так что в настоящей статье излишне об этом говорить (см., например, [1]). Можно только констатировать, что основная масса исследователей и публицистов, изучавших славянские сюжеты, придерживались славянофильских позиций вплоть до 70–80-х годов XIX в. Эти позиции как у славянофилов, так и у западников подвергались существенным изменениям. Кроме того, представители западников, достигшие европейской известности трудами по всеобщей истории, мало интересовались историей и вообще жизнью зарубежных славян, и лишь к 80-м годам XIX в. появляются исследования, содержащие серьезную научную критику славянофильской концепции. Среди таких исключений был Александр Александрович Котляревский, одареннейший филолог, историк, знаток древней культуры и мифологии славян, а также средневековой романской

и германской письменности, подвижник сравнительного метода исследования прошлого славян. За недолгую жизнь он создал сочинения, значительно продвинувшие вперед науку о славянах, был хорошо известен в ученом мире своего времени. В связи со сказанным понятно, что жизнь и творческий путь ученого достаточно подробно отражены в литературе. О нем писали его современники – коллеги, ученики и т.д. После его смерти было издано собрание его сочинений в четырех томах [2]. Наиболее подробная биография Котляревского написана А.Н. Пыпиным на основе личных воспоминаний и документов разного характера [2. № 4] (см. библиографию в [3]). Но, как и все славяноведение после революции 1917 года в России, ученый был забыт, и лишь в 70-е годы XX в. появилась первая статья о нем в справочном издании. Таким образом, жизненный путь, научная и педагогическая деятельность А.А. Котляревского в общем хорошо известны, но источниковый материал может предоставить важные дополнительные сведения. Этот материал хранится в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Праги, Киева и других городов. Особенно много интересных сведений содержится в неопубликованных письмах А.А. Котляревского разным лицам. Все эти источники, неизвестные или неучтенные прежними исследователями, дают возможность дополнить характеристику творчества А.А. Котляревского и исправить допущенные ранее ошибки. Кроме того, после смерти А.А. Котляревского прошло около 140 лет, в славяноведении много изменилось, в том числе и концепция славянского мира. Поэтому представляется нелишним оценить вклад А.А. Котляревского в славяноведение с позиции XXI в.

А.А. Котляревский родился в 1837 г. в предместье города Кременчуга Полтавской губернии. Отец его был чиновником, дворянином средней руки. Будущий ученый окончил Полтавскую гимназию и в 1853 г. поступил в Московский университет, избрав своей специальностью историю русского языка и литературы. Славистическую подготовку проходил у профессора О.М. Бодянского, но особенно увлекался лекциями профессора Ф.И. Буслаева, развивавшего новый тогда в России сравнительно-исторический метод в изучении русского языка, народной поэзии и вообще языкознания. В период обучения А.А. Котляревского в интеллектуальной жизни Московского университета господствовали западники. Популярными среди студентов были лекции профессора Т.Н. Грановского. После Крымской войны активизировалась деятельность научных обществ, увеличилось количество журналов и газет. А.А. Котляревский участвовал в этом процессе и уже в студенческие годы публиковал в газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник» статьи и рецензии о русской народной поэзии и литературе.

Обстановка в Московском университете была далеко не простой, наряду с западниками существовала большая группа консервативных профессоров, не разделявших новых взглядов в науке и отвергавших нововведения. Представителей консервативного направления в университете называли «славянофилами», хотя никто из них не входил в круг классических славянофилов-теоретиков этого направления и с последними нередко расходились в оценке исторического прошлого России и ее современности.

Однако и среди тех деятелей, которых именовали «славянофилами», единства не было. Кроме «ортодоксальных», т.е. приверженцев философии С.А. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, нередко «славянофилами» называли просто лиц, интересующихся славянами, так называемых славянофилов и славянофильствующих. К такого типа лицам относились непосредственный учитель А.А. Котляревского О.М. Бодянский, профессор М.П. Погодин и многие другие.

Между «западниками» и «славянофилами» велась постоянная полемика по научным и политическим вопросам, но в то же время, например, в Славянский благотворительный комитет, созданный в Москве в 1858 г., входили университетские профессора обеих ориентаций, что свидетельствует об определенном непостоян-

стве во взглядах на дискуссионные в печати вопросы. А.А. Котляревский проявил склонность к западничеству, а О.М. Бодянский – к славянофильству.

А. Котляревский закончил университет в 1857 г. лишь со званием «действительного студента» [4. Л. 34–40], хотя за выпускную работу под названием «В котором году было крещение болгар?» получил золотую медаль [5. Ф. 2223. Оп. 1. Д. 1. Л. 8]. С 1858 г. он работал учителем русского языка в Москве в Сиротском кадетском корпусе [4. Л. 15]. Его педагогическая деятельность проходила успешно, но в 1862 г. молодой ученый был арестован по так называемому Кельсиевскому делу. В.И. Кельсиев (1836–1878), преследовавшийся властями за антиправительственную деятельность, в 1858 г. эмигрировал из России, но в 1862 г. нелегально, по чужому паспорту приехал на родину. Котляревский встретился с ним, получил от него несколько книг и изданный Кельсиевым за границей материал по истории раскола, а сам передал Кельсиеву одну редкую книгу с собственной подписью. Вскоре Кельсиев упомянул о Котляревском в одном из писем, оказавшемся в руках полиции. В результате ученый был отправлен в Петербург и посажен в одиночную камеру Петропавловской крепости, где его продержали шесть месяцев и отпустили на свободу, не найдя в его действиях ничего противозаконного. Однако пребывание в сыром каземате привело к заболеванию туберкулезом, который позднее и свел Котляревского в расцвете лет в могилу, а также отразилось на его карьере. Отпущенный из тюрьмы молодой ученый не только был уволен из кадетского корпуса, но получил запрет поступать на службу по учебному ведомству «ввиду предосудительных воззрений», которые могут «принести юношеству вред» [6]. За Котляревским был установлен полицейский надзор. В 1863 г. ему было разрешено снова «определиться на службу, но отнюдь не по учебному ведомству» [7. № 270]. Котляревский занялся литературным трудом. В 1862–1863 гг. он писал преимущественно исследования о сравнительно-историческом языкознании для воронежских «Филологических записок».

В 1864 г. ученый начал работать в Московском археологическом обществе (МАО), основанном при Московском университете археологом графом А.С. Уваровым, заместителем секретаря, библиотекарем и хранителем музея. Под его редакцией вышли шесть книжек «Археологического вестника» (1865–1867), он также редактировал первый том главного печатного органа МАО («Древностей»), где поместил и свои исследования, например, «О находках каменных орудий в Южной России», «Новооткрытые черноморские древности», «Кубанская каменная баба», «Археологические разыскания в Феодосии», «Новый способ определения древности могил» и ряд других. Наряду с этим ученый часто выступал с научными докладами на заседаниях МАО.

В архивных материалах сохранился текст его доклада, прочитанного на заседании МАО в начале 1860-х годов [7. № 265] (частично опубликован в [8]). Его содержание показывает, что в работах о языке Котляревский был сторонником новых идей, выдвинутых немецкими учеными, и полностью отвергал славянофильские и иные теории по этому вопросу. В докладе ученый отводил особое место творчеству Якоба Гримма (1785–1863). Сообщение было посвящено выходу в свет первого тома «мелких сочинений» «творца науки бытовой археологии», как выражался докладчик. Но прежде Котляревский дал характеристику крупных трудов немецкого ученого, показав их значение: «При всех своих недостатках романтическая школа ученых привила любовь к исследованию прошедшего, к изучению его во всех подробностях». Все это выросло в стройную историко-филологическую науку XIX в. Главная роль в этом отношении остается за Гриммом, который в Марбургском университете учился у Савиньи, развившего у него исторические взгляды на предметы. Поэтому в среду романтиков Гримм вступил с трезвыми взглядами на «историческое прошедшее». Он любил старину, но не забывал, что это уже прошлое, и не увлекался фантазиями о воскрешении его. Он изучал язык, мифологию, право, литературу, быт и историю немецкого наро-

да. За 60 лет деятельности Я. Grimm не только создал частную науку о немецких древностях, но и заложил прочные основы общеевропейской науки «о старине и народности». Ученая деятельность Grimma, продолжал докладчик, открылась специальными произведениями по языку и поэзии. В языке тогда господствовали средневековые представления о формах и отношениях звуков, об образовании слов, о перенесении естественного рода на грамматические части речи, о строе предложения. Grimm же увидел в этом не сухие логические категории, а произведения человеческого духа и мысли. Строгим историческим исследованиям форм немецкой речи Grimm оказал «великую услугу» современной науке сравнительного языкознания. Он собрал и издал немецкие народные сказания и сказки для детей, указал на важность народных преданий для науки древностей. В 1816–1818 гг. вместе с братом Вильгельмом Я. Grimm записал и издал два тома немецких сказаний, дав начало изучению этой отрасли народного творчества, выросшее постепенно в целую сравнительную науку о древностях. Для Grimma эти произведения не только имели значение в смысле поэтическом, но содержали сведения нравственной и материальной жизни. Его идеи, выраженные в статье «Мысли об отношении народных сказаний к поэзии и истории», не устарели до сих пор – блестяще подтвердились в последующем развитии историко-филологической науки, констатировал докладчик. Grimm первым сблизил юридическую науку с «бытовой археологией» и ввел понятие о науке юридических древностей. По примеру Grimma Ф.И. Буслаев в сочинении о преподавании отечественного языка (см. [9]) представил немалое количество фактов по юридическим древностям из русских источников. Затем докладчик оценил значение книги Grimma «Немецкие юридические древности» в общей науке о немецкой древности и остановился на структуре и содержании сочинения, утверждая, что одной из главных задач русской «археологической литературы» является усвоение результатов и методов исследования Grimma и применение их к «народному материалу». Тогда только славянская и русская наука о старине встанет на ноги и получит основы настоящей науки. Затем докладчик сообщил, что в 1835 г. появилась «Немецкая мифология» Grimma, в которой каждое мифологическое название и явление Grimm подверг строгому лингвистическому разбору, рассмотрел мифологию в связи с народным бытом, обычаями и обрядами, в их эволюции. Котляревский констатировал, что современная ему наука не только оправдала догадки Grimma, но и утвердила за его подходом место единственно правильного метода в исследовании бытовой языческой старины. Grimm фактически стал основателем новой науки – сравнительной мифологии, резюмировал докладчик.

Далее А.А. Котляревский проанализировал «Историю немецкого языка» Grimma, который, используя сравнительный метод, отважился на опыт лингвистической палеонтологии: разобрал лексику разных эпох.

Подводя итог сообщению, А.А. Котляревский отметил, что «изучение сочинений Grimma могло бы принести великую пользу нашей науке археологии. Оно указало бы путь к освещению целого доселе лишь по слуху известного доисторического периода русской жизни. Такой опыт уже имеется в исследовании Ф.И. Буслаева, но только на основании русских пословиц».

Содержание изложенного доклада А.А. Котляревского дает основание заключить, что ученый блестяще освоил немецкую ученую литературу по всем областям гуманитарных знаний. В то же время в рецензиях на сочинения, написанные на соответствующую тему в России, он сравнивал методы исследования того или иного отечественного автора с теориями немецких классиков в области филологии. Котляревский подчеркнул особое значение сочинений Grimma для научной разработки славянских древностей, в первую очередь для России. В исследовательской деятельности А.А. Котляревский был продолжателем Grimma, но в отличие от немецкого ученого русский славист почти не занимался вопросами чисто лингвистического плана.

Работа Котляревского в МАО дала ему возможность общаться с множеством историков и археологов, главным образом с западниками. Славянофильство он не признавал и в рецензиях критиковал взгляды представителей этого направления иногда слишком эмоционально.

Весьма скептически Котляревский отнесся к приезду славян на этнографическую выставку в Россию в 1867 г. В письме к А.Н. Пыпину он писал: «Я равнодушен [...] к приезду “дорогих гостей”, как здесь говорят, т.е. славян. Кстати о них: жаль мне их от души: неужели проявления российской дури они примут за что-нибудь серьезное и возложат на них свои надежды? Что это такое в самом деле? Откуда эта вакханалия славянским пивом не по разуму, откуда вдруг явилось такое количество славянолюбцев, откуда это повальное преобразование в Ламанских? Все это конечно делается искренно, но уж через чур глупо, а для славян опасно: подуй иной ветер и мы их в толчки. В Москве им готовятся такие же кутежи с такими же глупыми овациями, как и у Вас, или еще хуже, потому что Москва имеет то высокое преимущество перед Петербургом, что в ней дураков менее, чем в Петербурге, зато все они отличного сорта, каких у Вас нет, на выбор одним словом, и гораздо более, чем Ваши экземпляры, страдают хроническим умопомешательством, а они-то коноводы славянской суматохи. Извините за брань – зло берет» [10]. Следует, впрочем, заметить, что скептицизм и желчность Котляревского, вообще свойственная его натуре, как подчеркивали и современники, в данном случае преувеличены, и высказанные им мысли сугубо индивидуальны. При всей «российской дури» Этнографическая выставка 1867 г. и приезд славян имели немалое значение для развития славяноведения в России. Экспонаты выставки стали основой для создания Первого этнографического музея в России, усилив источниковую базу для изучения славянской этнографии.

Что же касается пребывания в России славянских ученых, то оно способствовало установлению научных контактов с ними и самого А.А. Котляревского, в частности с чешскими [11].

В мае 1867 г. Котляревскому было разрешено служить по учебному ведомству, поскольку он, как написано в официальных бумагах, «с 1862 года не обнаруживал вредных стремлений». Но работать он мог только в Дерптском учебном округе, где имелась «надобность в хороших преподавателях русской словесности и где вообще распространение предосудительных идей (если бы это обнаружилось)», по мнению жандармских властей, не представляло опасности «ввиду направления тамошнего общества» [12].

31 мая 1868 г. ст.ст. в Петербургском университете состоялся диспут по магистерской диссертации Котляревского на тему «О погребальных обычаях языческих славян». Он был утвержден в степени магистра славянской филологии, и в августе 1868 г. ученый вступил в должность экстраординарного профессора Дерптского университета. Преподавание здесь происходило на немецком языке, профессора и студенты в основном были представлены немцами. Специальной кафедры славянских наречий не существовало, из славянских языков преподавался только русский язык как обязательный – государственный. Славяноведение в Дерптском университете не изучалось, славянских книг не было, славянами никто не интересовался. Котляревский писал чешскому ученому А. Патере: «Скучно здесь: город весь немецкий, по-русски говорит редко кто, а славянством никто не интересуется, кроме меня и двух моих слушаний; души не с кем отвести» [13].

Но Котляревский, великолепно знавший немецкий язык, немецкую литературу и пр., быстро приспособился к обстоятельствам. За четыре года преподавания профессор прочитал ряд интересных курсов, среди которых были «Энциклопедия славяноведения», «Теория древнеславянского языка», «Славянские древности», «История славянских наречий», «История и грамматика древнеславянского языка», «История русского языка». Вместе с этим он интенсивно работал в научном плане и за дерптский период опубликовал более десятка исследований,

среди которых «Славяне и Русь в трудах арабских писателей», «К вопросу об образовании славянской мифологии» и др. Здесь же у Котляревского зародился план докторской диссертации. Для ее завершения он получил командировку за границу с ученой целью на один год. В 1874 г. Котляревский опубликовал докторскую диссертацию «Древности юридического быта балтийских славян» [14] и статью об успехах русского славяноведения [15]. В том же году он защитил в Петербургском университете диссертацию и получил степень доктора славянской словесности. На диспуте выступил против концепции представленной работы В.И. Ламанский.

Вскоре в связи с обострением болезни профессор подал прошение об увольнении из Дерптского университета по состоянию здоровья. Просьба была удовлетворена. В конце ноября 1874 г. он был избран ординарным профессором по кафедре славянской филологии в Университете св. Владимира в Киеве. Здесь профессор преподавал с 1875 г. до конца жизни.

Киевский университет также имел свою специфику. Созданный на базе закрытого Кременецкого лицея, он долгое время имел в своем составе много лиц польской национальности и католического вероисповедания и функционировал на основе особого устава. Ко времени прибытия в Киев А.А. Котляревского польский элемент как среди профессоров, так и студентов существенно уменьшился. В университете не сложилось традиции широкого изучения славяноведения, хотя кафедра славянских наречий существовала, славистика не пользовалась большим успехом среди студентов. Блестящий публицист и критик, новый профессор во вступительной лекции разъяснил значение славяноведения, затем активно участвовал в учебном процессе. Он прочитал в Киевском университете следующие курсы: «Историко-филологическое обозрение славянских племен» (т.е. «Введение в славяноведение»), «Историю славянских литератур, славянских древностей», «Историю изучения древнерусской письменности», «Энциклопедию славяноведения». Кроме университета Котляревский работал на Высших женских курсах в Киеве, где читал историю немецкой и французской литературы. Профессор уделял большое внимание обучению критике источников и сравнительно-историческим методам их изучения.

Он был очень требователен к студентам, а в рецензиях на многочисленные книги русских и зарубежных авторов крайне критичным и скептическим, ничего не принимавшим на веру. Остается психологической загадкой его вера в подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей (РКЗ), когда в чешской литературе древность этих произведений была поставлена под большое сомнение. На мой взгляд, вера Котляревского в подлинность подделок объясняется влиянием Гримма, объявившего упомянутые «памятники» чешской письменности подлинными древними произведениями. Об оценке Гримма свидетельствует его письмо к П.И. Шафарыку 14 октября 1840 г. Получив книгу чешского ученого с факсимильным снимком Зеленогорской рукописи, Гримм сообщил: «Все сомнения отпали. Нечто подобное должно быть подлинником, не может быть подделкой» [16. S. 264]. Так, перед «гениальностью» Гримма скептицизм и критицизм русского профессора оказался бессильным. Не прислушивался Котляревский и к критике в русской научной литературе. Ведь эта критика исходила прежде всего от В.И. Ламанского, т.е. из славянофильского, враждебного Котляревскому лагеря.

Но в целом это был преподаватель нового типа, еще довольно редкого тогда в университетах России. Активно действовал Котляревский и на почве распространения знаний о славянах в качестве члена и одно время председателя Исторического общества Нестора Летописца, где практически на каждом заседании выступал с докладами и сообщениями по вопросам археологии, о новых книгах, о деятельности отдельных ученых.

Профессор Котляревский являлся также членом Церковно-археологического общества, действительным членом Киевского юридического общества, членом

и председателем Киевского славянского благотворительного общества. Много статей и рецензий он поместил в «Киевских университетских известиях», «Славянском ежегоднике». Среди них особенно следует отметить статью «Обзор успехов славяноведения в последние три года 1873–1875» [17]. Котляревский писал статьи также и в газеты «Киевские губернские ведомости», «Киевлянин» и др. Научная деятельность профессора была известна за пределами России. Его труды по славянским древностям рецензировались немецкими учеными, Королевское чешское общество наук в 1875 г. избрало его членом-корреспондентом. Являлся он и членом-корреспондентом Российской академии наук. Однако деятельность этого незаурядного ученого и профессора продолжалась недолго. В 1881 г. его болезнь обострилась, он выехал за границу и 29 сентября 1881 г. умер в городе Пиза. Его прах был доставлен в Россию и погребен в московском Покровском монастыре.

Разностороннее творчество А.А. Котляревского условно может быть разделено на несколько направлений. Прежде всего, это его фундаментальные исследования – две диссертации о древних поморских славянах начиная с языческого периода и до XIII в. Как работа «О погребальных обычаях славян», так и «Древности юридического быта балтийских славян» навеяны «Немецкими юридическими древностями» Я. Гримма.

Труд А. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян» был высоко оценен современниками и награжден премией графа Уварова. В этой работе автор использовал все известные к тому времени данные по теме: исторические предания, сохранившиеся в летописях различных народов; современные сведения о древних обычаях; археологические памятники, остатки древних погребений и т.д. Сравнением и историческим, всесторонним исследованием этих источников, а также изучением всей литературы предмета Котляревский выяснил, какие черты можно отнести к специфически славянским и что принадлежит в равной мере также и другим народам. Такой подход к исследованию проблемы и достигнутые на его основе выводы представляли совершенно новое явление в науке того времени. Чешский ученый И. Гануш писал в рецензии на книгу Котляревского: «Это сочинение превосходно, и я не знаю, можно ли указать в любой литературе другое сочинение, которое могло бы быть поставлено на ряду с сочинением г. Котляревского. Знакомство со всею литературою, касающейся того же предмета, проявляется на каждой странице книги, так что русские могут ею гордиться и стать во главе этой отрасли науки» [18. С. 240]. С этой характеристикой книги нельзя не согласиться. Метод обработки источников, объективные оценки и беспристрастные суждения о трудах предшественников – все это было ново для русского славяноведения той эпохи. Следует также подчеркнуть, что Котляревский не являлся некритическим подражателем Гримма. Он указывал на его ошибки, на то, что многие положения, высказанные немецким ученым, устарели, другие недостаточно аргументированы.

Книга «Древности юридического быта балтийских славян» посвящена сравнительному изучению славянского права. На основании данных языка и археологического материала ученый подверг анализу важнейшие средневековые хроники и документы, сравнил однородные явления юридической жизни других славян, чтобы объяснить темные места и противоречия в источниках по истории балтийских славян, а затем вывел общие заключения об историческом и культурном значении рассмотренных им явлений, придя к выводу, что право есть такой же исторический памятник, как язык, поэзия, литература, религия, нравы и обычаи. Освещая юридические отношения, ученый объективно оценил их положительные стороны, говоря, например, о зависимом положении женщины, о праве отца убивать детей женского пола, об обычае предавать смерти дряхлых стариков. В предшествующей литературе такие стороны быта славян не затрагивались, славяне рисовались демократичными, равноправными, добрыми и миролюбивыми.

Методы исследования, выводы и объективные оценки – все это было новым для русского славяноведения той эпохи. И славянофилы дали бой А.А. Котляревскому. Во время защиты докторской диссертации на тему о древностях и праве балтийских славян, на диспуте выступил профессор Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанский с разгромной речью, которую потом опубликовал в качестве рецензии [19]. Он отказывал в каких-либо достоинствах и самому Котляревскому, и его книге, считая автора не более чем библиографом и антикваром. По мнению Ламанского, все предшествующие работы автора не показывают особенной глубины и силы критического таланта, широты воззрения и образования, которые обнаруживаются в самых мелких статьях и исследованиях таких славистов, как Добровский, Востоков, Копитар, Шафарик и некоторых их ближайших русских преемников. Далее в рецензии говорится, что предмет исследования давно изучен, источники изданы и Котляревский мог сделать лишь ряд любопытных замечаний и добавить мельчайшие подробности. И вообще, благодаря изданию источников «Изучение древности балтийских славян» стало делом очень легким, Котляревский без надобности преувеличил трудности избранной им задачи [19. С. 210], так как многие его предшественники, начиная с Мацеевского, все уже исследовали. Ламанский не согласился с критикой Котляревским Шафарика и утверждал, что в книге диссертанта едва ли удастся найти много верных, оригинальных замечаний. Обширные извлечения из разных мест книги, которые сделал Ламанский, показывают, что, по его мнению, особенной глубиной мысли и силой диалектики Котляревский не обладает. «Эти выписки вообще обличают в нашем авторе слабую историко-филологическую подготовку – считает Ламанский. – При известной внешней бойкости он не умеет критически относиться к прочитанным им книгам и исследованиям и выводами своими обличает незрелость критических приемов в обращении в источниками». Высказав еще ряд обвинений в невежестве и других грехах Котляревского, рецензент замечает, что книга А. Гильфердинга о балтийских славянах, изданная в 1855 г., «должна быть поставлена значительно выше разбираемого сочинения Котляревского» [19. С. 240].

Враждебность и предвзятость рецензии Ламанского очевидна, впрочем, он ее не закончил. Явная необъективность рецензии объясняется идейными расхождениями между славянофилом В.И. Ламанским и западником А.А. Котляревским. Упоминание Ламанским сочинения Гильфердинга о балтийских славянах не случайно. Именно в этом произведении была заложена основа славянофильской концепции истории западных славян, которую усердно в своих трудах разрабатывал Ламанский.

Сам факт «схватки» представителей двух противоположных подходов к изучению славян свидетельствовал об остроте дискуссии на этом поприще. Следует, впрочем, упомянуть и о том, что А.А. Котляревский также не щадил славянофильски ориентированных авторов. В рецензиях их трудов киевский профессор не жалел сарказма и других выразительных средств, не всегда академических по форме, и с публицистической страстью критиковал фантастические концепции и ненаучные методы исследования славянофильских сочинений. Время расставило все по своим местам. Постепенно в русском славяноведении преимущество оказалось на стороне ученых типа А.А. Котляревского. В.И. Ламанский не понимал или не хотел понимать, что в середине 70-х годов XIX в. романтическое отношение к славянам и их прошлому становится анахронизмом, и подходил ко всяким новшествам в науке с устаревших позиций. Тем не менее книги Котляревского открывали в науке новые пути и создавали фундамент для дальнейших исследований.

Второй группой работ ученого являются труды по археологии, этнографии и мифологии. К ним относятся статьи, очерки и очень квалифицированные рецензии на сочинения других ученых. В качестве примера можно упомянуть ре-

цензию на трехтомный труд А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865–1869). Это произведение рецензент считал первой систематической попыткой применения при изучении славянских легенд и поверий сравнительного метода. И хотя Котляревский нашел в нем много недостатков, оценил труд Афанасьева как значительный шаг в науке от случайных и отрывочных исследований в области народных преданий к систематическому рассмотрению всего запаса фактов мифологического и религиозного быта славян, к «положительному сравнению их с преданиями родственных племен с целью объяснения затерянного их древнейшего значения и смысла». Из недостатков книги Афанасьева рецензент выделил слабую разработку мифологических древностей в лингвистическом отношении, дополнения и замечания, сделанные А.А. Котляревским, были столь компетентны, что не утратили своего значения и почти век спустя, о чем свидетельствуют ссылки на них в сочинениях XX в. (см., например, [20. С. 152–153]).

К следующей группе трудов А.А. Котляревского можно отнести его работы по истории развития славяноведения как науки. Так, в 1874 г. он опубликовал две статьи в журнале «Музея Чешского королевства». В первой он осветил историографию изучения памятников старославянской письменности, описал тексты источников, историю приобретения русскими учеными сербских и болгарских рукописей, их публикации. Во второй статье ученый рассмотрел русскую литературу о славянских древностях, исторической этнографии, истории, истории права и церкви. Главную заслугу в разработке древностей сравнительным методом автор отвел профессору Ф.И. Буслаеву. А.А. Котляревский оценил труд А.Ф. Гильфердинга «Древнейший период истории славян» [21] как первую попытку объяснения истории славян с помощью результатов сравнительного языкознания, раскритиковал его этимологические рассуждения, а также работы В.В. Макушева, Ф.И. Леонтовича, Ф.Ф. Зигеля и в заключение статьи пришел к выводу, что в России происходит многостороннее и глубокое изучение славянского мира. К истории славяноведения относятся также работы ученого, посвященные отдельным славистам. На заседаниях Славянского комитета и Общества Нестора Летописца он читал рефераты в память о И.И. Срезневском, В.И. Григоровиче, О.М. Бодянском и др. И вообще, он очень тепло отзывался о творчестве основоположников славяноведения в России. Так, вспоминая об О.М. Бодянском как общеуниверситетском профессоре и секретаре ОИДР, пришел к выводу, что после ухода О.М. Бодянского уровень славянской науки упал «в Московском университете низко, очень низко». С этим категорическим утверждением согласиться никак нельзя. В 1870-е годы как раз начинается постепенный переход в преподавании и научном исследовании на новый этап, более соответствующий современной науке о славянах. Утрачивается монополия ненавистного Котляревскому славянофильства в освещении славянской истории, доказательством чему является и творчество самого А.А. Котляревского. Именно тогда создается фундамент для бурного развития славяноведения в России, которое мы наблюдаем в конце XIX и дореволюционные годы XX ст.

О состоянии современной ему филологии А.А. Котляревский знал не только из литературы. Ученый прожил два года в Праге – центре славянских исследований и установил контакты почти со всеми славянскими деятелями. Осведомленность его в вопросах развития славяноведения у зарубежных славян была колоссальной, что видно, в частности, из одного из архивных документов, представлявшего собой набросок программы занятий за границей для неназванного профессорского стипендиата Киевской духовной академии, записанного со слов А.А. Котляревского в 1876 г. [7. Д. 264]. Командируемому рекомендовалось посетить архивы и библиотеки наиболее крупных центров славянской культуры. Здесь также дается характеристика отдельных славянских деятелей, впрочем, достаточно субъективная, продиктованная идейными противоречиями.

Между прочим, упомянутый документ не только свидетельствует об огромной эрудиции А. Котляревского, но и является иллюстрацией того факта, что ученые зарубежных славянских народов почти исключительно трудились над изучением национального языка, национальной культуры, штудировали прошлое своего народа, т. е. имели национальное направление, тогда как русское славяноведение развивалось вширь и охватывало все стороны жизни всех славянских народов. Об эрудиции профессора в вопросах истории славяноведения свидетельствует также сохранившийся курс его лекций, читанный в 1878/1879 и 1880/1881 учебных годах. Впрочем, главный биограф киевского ученого и его друг А.Н. Пыпин упоминал, что Котляревский не составлял текстов лекций для студентов. Во всяком случае, подобные тексты не обнаружены, а А.Н. Пыпин ознакомился с содержанием лекций по записям ученика Котляревского А.В. Стороженко (см. [2. Т. IV. С. CXLVIII]).

Но в ЦГИАУ хранится еще одна запись лекций, выполненная учителем 1-й киевской гимназии М.Л. Лятошинским [5. Л. 8]. Она представляет собой рукописную книгу в 241 лист, из которой видно, что курс лекций Котляревского по славяноведению делился на три части: вспомогательные исторические дисциплины, история славянской филологии и собственно славяноведение. К славянской филологии Котляревский относил весь цикл наук о славянах, т. е. все вспомогательные исторические дисциплины, языкознание, историю литературы – всего 11 предметов. В записанном курсе излагается история славяноведения, которая начинается со сведений К.Г. Антоне и его книге «Первые линии опыта об обычаях, верованиях и знаниях древних славян», названной лектором «зерном лингвистической филологии» (об Антоне см. [22]). Далее лектор изложил историю литературного движения в Чехии, затем подробно остановился на деятельности Й. Добровского, которого считал основателем славянской филологии. А.Х. Востокова профессор назвал основателем сравнительно-исторического и палеографического метода исследования в славянской филологии. Из польских славистов А. Котляревский придал значение трудам Яна Полоцкого. Лаврентия Суворецкого лектор считал предшественником Шафарика в исследовании славянских древностей, а главным трудом Б. Линде назвал шеститомный словарь польского языка. Далее в лекциях с большей или меньшей подробностью характеризуется творчество практически всех деятелей чешского возрождения. Раздел о развитии славянской филологии в Чехии занимает большую часть всего курса лекций. Определенное внимание уделяется лужицким сербам, приводятся сведения об их языке и литературе. Что касается польской литературы, то Котляревский отметил, что полякам чужд сравнительный метод исследования: у них нет литературы о славянах, как, впрочем, отсутствует она и у других славянских народов, кроме России. Следует отметить, что относительно польской литературы киевский профессор ошибался. Позднейшее развитие славяноведения показало, что польская славистическая продукция в области славянских древностей и другая литература оказывала серьезное влияние на чешское национальное возрождение, что убедительно доказал варшавский профессор В.А. Францев в фундаментальной монографии «Польское славяноведение» [23]. Не было недостатка в исследователях и в области славянского языкознания. В целом в лекциях А.А. Котляревский освещал процесс развития славяноведения у зарубежных славян начиная с ее истоков и до 80-х годов XIX в. Разумеется, описанному здесь источнику нельзя полностью доверять. Конспект лекции содержит ошибки, искажения фактов, пропуски в характеристиках, что вполне естественно при фиксации со слуха и ряду других причин. Однако по этому конспекту можно судить о структуре изложения материала, его объеме и содержании, а также научном направлении курса, свидетельствующем о новаторском отношении лектора к процессу развития современного ему славяноведения.

Таким образом, по вопросам, относящимся к славяноведению, А.А. Котляревский демонстрировал совершенно иное понимание науки, нежели это было ха-

рактерно для славянофилов. Ученый не делал из немцев пугало, любил и ценил немецкую науку, глубоко изучил ее достижения и считал, что русским необходимо заимствовать у Запада все, что полезно для развития России, и отторгать то, что ей не подходит. В работах, указывая на отсталость славян от немцев в науке, А.А. Котляревский защищал интересы России, всегда подчеркивал ее действительные достижения.

Тот путь в науке, который с огромными трудностями пробивал своими сочинениями А.А. Котляревский, оказался наиболее перспективным и способствовал тому, что русское славяноведение как наука обо всех сторонах духовной и материальной жизни зарубежных славян в конце XIX – начале XX в. превратило Россию в важнейший центр славистических исследований.

Что же касается личности самого А.А. Котляревского, то этот талантливый преподаватель и выдающийся ученый не создал школы своих последователей и вообще не успел реализовать большое дарование, данное ему природой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
2. Котляревский А.А. Сочинения. СПб., 1889–1895. Т. 1–4.
3. Лантвева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
4. Городской архив Киева (ГАК). Ф. 16. Оп. 313. Д. 183.
5. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 2223. Оп. 1. Д. 69. Л. 8.
6. Центральный государственный архив Москвы. Ф. 109. Д. 290. Ч. 73. С. 61–62.
7. Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. 250. Оп. 1.
8. Древности. Труды ИМАО. 1865. Т. 1.
9. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1844. Ч. I, II.
10. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки. Ф. 621 (А.Н. Пыпин). Ед. 441. Без даты.
11. Лантвева Л.П. Русский славист А.А. Котляревский и его связи с чешскими учеными // Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 120. Д. 414.
13. Literální archiv Pancatníků národního písemnosti. Pozůstalost A. Patery. Korespondence. Письмо А. Котляревского А. Патере 11 октября 1867 г.
14. Котляревский А.А. Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древностей. Прага, 1874; Котляревский А.А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага, 1874.
15. Kottljarevský A. Uspěchy slavistiky na Rusi v poslední době // Časopis Musea Království Českého (СМКК). 1874. Sv. 1–3.
16. Korespondence P.J. Šafaříka / Vydal V. Francev. Praha, 1928. Т. 1. Č. II.
17. Киевские университетские известия. 1876. № 7.
18. Отчет о присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1870.
19. Ламанский В.И. [Рец. на кн.] Котляревский А. Книга о древностях и истории поморских славян в XII в. Прага, 1874; Котляревский А. Древности права балтийских славян. Ч. 1. Прага, 1874 // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1875. № 1. Разд. «Критика и библиография».
20. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX в. М., 1997.
21. Вестник Европы. 1868. Кн. 7, 9.
22. Lapteva L.P. Karl Gottlob von Anton und sein «Versuch über die alten Slaven» in Rußland // Lětopis. Reihe B. N29/1. 1982.
23. Францев В.А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.

Hrvatsko glagoljaštvo u europskom okružju. Zbornik radova Međunarodnog znanstvenog skupa povodom 110. obljetnice Staroslavenske akademije i 60. obljetnice Staroslavenskoga instituta / Ured. Vesna Badurina Stipčević, Franjo Velčić, Sandra Sudec. Zagreb, 2015. 677 s.

Хорватская глаголическая культура в европейском контексте. Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 110-летию Старославянской академии и 60-летию Старославянского института

Сборник «Хорватская глаголическая культура в европейском контексте» составлен по материалам масштабной международной конференции, которая была организована в 2012 г. в связи с двумя важными для истории славистики датами – 110-летием основания Старославянской академии и 60-летним юбилеем преемника Академии, Старославянского института, авторитетного центра в исследовании церковнославянского языка и книжности и несомненного лидера в изучении хорватско-глаголических текстов. Хорватская глаголическая культура, следовавшая традициям католической церкви и одновременно сохранявшая и развивавшая кирилло-мефодиевские традиции, занимает особое место не только в славянском мире, но и в отношениях между христианским Западом и христианским Востоком и является, таким образом, связующим культурным феноменом. Исследование ее в качестве такого феномена, акцент на общеевропейском ее контексте актуализируют сами изыскания глаголической письменности, книжности и культуры. Важность настоящего сборника состоит в том, что его материалы позволяют оценить комплексные усилия в этом направлении ведущих специалистов Хорватии и других стран.

Разделы сборника – «История глаголизма», «Памятники», «Палеография»,

«Книжность и текстология», «Язык и письменность» – соответствуют в целом основным направлениям, в рамках которых рассматривается здесь история и функционирование глаголицы. Вместе с тем из формальности такого разделения проистекает и неизбежная в ряде случаев неочевидность в распределении статей.

Раздел «История глаголизма» объединяет материалы, касающиеся истории изучения глаголических памятников и современным лексикографическим проектам. Сюда же включены работы об использовании глаголицы и церковнославянского языка в источниках, относящихся к деловой сфере. В данном разделе выделяется серия статей, посвященная видным исследователям глаголицы, которые сыграли решающую роль в становлении и развитии Старославянской академии и Старославянского института. Статья Й. Братулича (Загреб) с выразительным названием «Йосип Вайс – ученик и учитель хорватских глаголяшей» посвящена основным этапам деятельности и научного творчества одного из основателей и активных членов Старославянской академии, известного чешского слависта, исследователя глаголических памятников и славянской литургии. В статье затрагивается широкий круг вопросов – от борьбы крского епископа Антуна Махничича за славянское богослужение в контексте церковных, политических, социальных отно-

шений в Европе конца XIX в. до научной и издательской деятельности И. Вайса с особым вниманием к его исследованию роли хорватско-глаголической традиции в сохранении древнейших славянских библейских переводов, вклада в поддержку славянской литургии и (что мало изучено) в обновление церковного песнопения. В приведенной библиографии работ о Вайсе, пожалуй, недостает полезных статей его соавтора по исследованиям глаголической палеографии Йосипа Курца (Й. Курцем, в частности, была составлена обширная библиография работ И. Вайса. Деятельность епископа Махничя и верхнебоснийско-сараявского архиепископа Йосипа Стадлера, отстаивавших право населения Истрии и Далмации на церковные службы на старославянском языке, рассматривается также в статье *Ф. Велчица* (Крк), который по материалам прессы рубежа XIX–XX вв. восстанавливает картину итальянско-хорватского противостояния в этом вопросе.

Тема европейского контекста глаголической культуры была ярко отражена в научном творчестве Марии Пантелич, одной из тех, кто составил славу Старославянского института. Закономерно поэтому включение в сборник посвященной ей статьи Л. Мокрович (Загреб), показывающей достижения исследовательницы в определении текстологической связи хорватских глаголических миссалов и бревиариев с источниками христианского Востока и Запада. Методологический принцип М. Пантелич заключался во всестороннем исследовании (историческом, текстологическом, палеографическом, лингвистическом, иконографическом и пр.) глаголических источников на основе сопоставительного анализа старославянских, латинских, греческих (прежде всего византийских гимнографических) текстов. Собранные воедино достижения М. Пантелич демонстрируют значение ее работ не только для текстологии и датировки хорватско-глаголических источников, но и для развития современного источниковедения в целом. Примером плодотворной работы в изучении глаголических текстов и персоналий глаголической культуры в Старославянской академии является и научная деятельность Николы Жича, рассматриваемая в статье И. Этерович (Загреб), которая сопровождается составленной автором библиографией его трудов.

Для славистики представляет большой интерес опыт Старославянского института по дигитализации глаголических памятников, существенно расширяющий возможности использования и изучения

глаголического материала. Поэтому важна представленная в статье А. Магдича (Загреб) информация о деятельности Института по компьютерной обработке старославянских источников – текстовых и изобразительных, факсимиле которых опубликованы на сайте Института. Здесь изложена оригинальная технология описания глаголических букв, позволяющая отождествлять буквенные начертания и сравнивать почерки писцов, что вносит точные методы в изучение палеографических особенностей ранних хорватских глаголических надписей и рукописей. Первым опытом такого изучения стал анализ Киевских листов – древнейшей из известных глаголических рукописей, относящейся к X в., для которой была создана сравнительная таблица символов, позволяющая определять устойчивость начертаний букв. Другим направлением компьютерной палеографии является параметрическое описание миниатюр в глаголических рукописях. В статье также рассказывается о работе сотрудников Института по сканированию картотеки для Словаря церковнославянского языка, о дигитальных изданиях глаголических рукописей, об электронных изданиях Института и др.

Интересный аспект изучения деятельности хорватских францисканцев терциариев-глаголяшей предложен в статье Кр. Кухара (Загреб). Проблема преподавания францисканцами глаголического письма и старославянского языка на протяжении XV–XIX вв. рассматривается здесь на фоне и в контексте функционирования европейских монастырей этого времени как центров школьного образования. Особо следует отметить приведенные автором данные о францисканских монахах, отметившихся на учительском поприще.

Специального внимания заслуживает серия статей, посвященных поиску и анализу хорватско-глаголических текстов делового содержания, существенно расширяющих наши знания об использовании глаголицы в каждодневной жизни. Такой материал содержится в статье А. Божанича (Омишаль), посвященной метрическим книгам конца XVI – XVII в. с территории Кварнерских островов Цреса и Лошица с записями о рождении, венчании и смерти. Особо здесь следует выделить работу И. Ботицы и Т. Галовича (Загреб), посвященную малоисследованной проблеме развития хорватско-глаголического нотариата XV–XIX вв. на островах Кварнерского залива, в Истрии и Хорватском Приморье, которая рассматривается в контексте европейской правовой практики. Широкий взгляд на пробле-

му определил круг затрагиваемых в статье вопросов – от становления и функционирования нотариата латинского типа как результата длительной эволюции правовых идей в странах романо-германской правовой системы до развития в рамках этой системы нескольких видов хорватского нотариата, различающихся по языку и письму, в том числе и хорватско-глаголического. Рассматривая содержание деятельности нотариусов, особенности (в том числе и лексические) документов, связанных главным образом с защитой прав собственности, обобщая сведения о работе отдельных нотариусов, авторы закладывают методологическую и фактическую основу дальнейшего исследования, обработки и издания этого массового источника.

Принципиальные сведения для уточнения датировки важного глаголического переводного памятника – «Правил» св. Бенедикта – из монастыря св. Козьмы и Дамиана на о. Пашман содержит статья Т. Галовича, посвященная идентификации аббата Петра Роговского, который упоминается в мартирологе, дополняющем текст «Правил». Показывая, что упомянутый аббат является Петром III Прасквичем, чье служение определяется 1421–1426 гг., автор соответственно датирует и глаголический текст «Правил». Перевод «Правил» св. Бенедикта привлек внимание и К. Спурны (Прага), посчитавшей этот текст показательным с точки зрения перевода пассивных латинских конструкций в хорватско-глаголических текстах.

Раздел «Памятники» открывается статьей А. Назор (Загреб) «Еще один экземпляр Бревиария Блажа Баронича 1493 г.». Ценность данной работы состоит в следующем. До сих пор было известно пять экземпляров печатного бревиария 1493 г., вышедших из сенской типографии каноника Блажа Баронича. Шестой экземпляр, известный специалистам как «Нюрнбергский», еще в XIX в. считался утраченным. А. Назор приводит убедительные аргументы в пользу того, что появившийся недавно на антикварном аукционе экземпляр бревиария, представленный мюнхенской фирмой «Slavica Verlag Dr. Anton Kovač & Südosteuropabuchhandel», и является той самой утраченной «нюрнбергской» инкунабулой.

Работа по поиску рукописных и старопечатных хорватско-глаголических памятников в библиотеках Италии и Ватикана нашла отражение в статье К. Станчева (Рим). Из 82 найденных в последние десятилетия славянских рукописей 23 являются глаголическими. Большинство из имеющегося

фонда рукописей изучены и изданы полностью или частично. Однако, по убеждению автора, дальнейшее кодикологическое исследование как известных ранее, так и вновь найденных текстов может привести к существенным уточнениям их текстологии и датировки, что и продемонстрировано на конкретных примерах. Так, два глаголических фрагмента из Bibliotheca Marciana в Венеции (Cod. lat. XIV, 232) автор полагает частями двух разных кодексов, имеющих различную датировку – соответственно вторая половина или конец XIII в. и начало или первая половина XIV в. Второй пример – хорватско-глаголическая рукопись из городской библиотеки Сиены (X. VI. 13), которая долго время считалась сборником богослужебных правил. В 1978 г. А. Назор определила, что одна его часть является древнейшим хорватским переводом с итальянского известного средневекового текста «Lacidiarius». А теперь автор в составе второй части выделяет шесть текстов различного, в том числе византийского, происхождения и полагает, что они могли попасть к хорватским книжникам через болгарское или сербское посредство. Особо следует отметить приложения к статье, в которых содержится описание и издание исследуемых рукописей, а также приведены актуализированные автором сведения о местоположении всех 215 известных славянских рукописях на глаголице, кириллице и латинице в хранилищах Италии и Ватикана.

В статье С. Ковачича (Сплит) обобщены собранные автором сведения о поминальных и вотивных крестах рубежа XIX и XX вв. с территории Сплитско-Макарской архиепископии, несущих на себе старославянские надписи на глаголице, латинице и параллельные латино-глаголические. Приведенный материал расширяет временные рамки активного использования глаголицы и старославянского языка в среде клира и светского населения Средней Далмации. Надписи на крестах рассматриваются в контексте взаимоотношений Сплитско-Макарской церкви с Римом и борьбы за право использования в церквях старославянского и хорватского языков.

Небольшой палеографический раздел открывается сделанным М. Чунчич (Загреб) кратким обзором основных направлений исследования палеографических особенностей глаголических рукописей, которые вели ученые европейских стран на протяжении XIX–XX вв.

Один из наиболее значительных современных международных проектов, касающихся глаголицы, связан с изданием и исследованием фонда глаголических

рукописей XI в. из монастыря св. Екатерины на Синае. В 2012 г. в рамках проекта было осуществлено факсимильное издание обнаруженной в 1975 г. на Синае Псалтыри Димитрия Синайского (Cod. Sin. Slav. 3/N) вместе с приобретенными к этой рукописи так называемыми синайскими глаголическими медицинскими листками (Psalterium Demetrii Sinaitici (monasterii sanctae Catharinae codex slav. 3/N), adiectis foliis medicinalibus). Некоторые результаты всестороннего исследования этих текстов, проясняющие их происхождение, нашли отражение в статье исследователей из Венского университета Х. Микласа и Д. Хюрнер. По мнению авторов, кодикологические, палеографические, графические и языковые (прежде всего, наличие северночаковских элементов) особенности названных манускриптов характерны для глаголических рукописей западных Балкан.

Внимание в сборнике было обращено и на значение глаголической старославянской литургической традиции при формировании хорватского литературного языка. Хорошо известна деятельность епископа Модруше и Сеня Шимуна Кожичича Беньи, организатора глаголической типографии в Риеке, по «хорватизации» языка старославянских литургических книг, писанных глаголицей. В статье Б. Церкович, И. Этеровича и М. Жагара (Загреб) проведен анализ графем изданных в типографии Кожичича глаголических книг, показавший, что попытки стандартизации хорватского языка сопровождались графическим упорядочиванием письменной речи. Т. Куштович (Загреб) исследовала перевод латинских личных имен и названий в изданном Кожичичем в 1531 г. хорватском миссале («Misal hruacki»), основанном на тексте Римского миссала 1474 г. (Missale romanum Mediolana) и показала, как Кожичич адаптировал их, приближая к современному ему хорватскому языку.

В состав сборника вошли статьи, содержащие значимые текстологические наблюдения и зачастую сопровождающиеся публикациями исследуемых текстов. Й. Райнхарт (Вена) обратился к хорватско-глаголическому тексту «Чтение о злых женах» (Čtenie ot zlih žen), являющемуся переработкой сюжета старославянской версии из «Изборника» 1073 г., в свою очередь восходящей к переводу с греческого из «Вопросов и ответов» игумена Синайского монастыря св. Екатерины Анастасия Синаита (VII в.), выполненному в Болгарии в X в. Хорватско-глаголический текст встречается в двух сборниках XV в. – Винодольском и сборнике (№ 5) из собрания Берчича. Ав-

тор показывает, что имеется общая для них первая хорватская редакция, которую он считает возможным датировать XII в.

Болгарская исследовательница М. Димитрова внесла свой вклад в изучение рукописей и переводческой традиции славянских (кириллических и глаголических) текстов «Песни песней». Согласно ее наблюдениям, фрагмент «Песни» (Cant2: 8–14) из трех хорватских миссалов XIV–XV вв. является переводом с латинского текста и отличается от версий кириллических рукописей, представляющих переводы с греческого. В литературе уже высказывались предположения о глаголических версиях некоторых средневековых романов как об основе их хорватских вариантов на латинице. Еще одно подтверждение этому обнаруживает Весна Бадуриня Стипчевич (Загреб), обратившаяся к исследованию популярного в славянских средневековых литературах переводного памятника – «Повести об Акире Премудром», восходящей к ассирийскому сюжету V–VII вв. до н.э. Проведенное в статье текстологические исследование продемонстрировало, что старейшая хорватская версия «Повести» из глаголического Петрисова сборника 1468 г. послужила источником для ее варианта на латинице из Деречава сборника 1621–1622 гт.

Проблема (достаточно сложная и неоднозначная) выявления элементов устной речи и устной традиции в средневековых памятниках письменности была затронута в двух статьях на примере хорватско-глаголических текстов повествовательного содержания (Мария-Ана Дюрригл, Загреб) и в проповедях XV–XVI вв. (А. Радошевич, Загреб).

К не имеющему пока однозначного решения вопросу о путях возникновения хорватско-глаголических breviариев обратилась П. Станковска (Словения). Сопоставив тексты гомилий из 17 глаголических breviариев и из латинских breviариев бенедиктинской традиции XI–XIV вв., автор пришла к выводу о полной зависимости первых от соответствующих латинских примеров.

Примером всестороннего описания языка хорватско-глаголической рукописи является статья М. Михалевича (Загреб), посвященная комплексному анализу Второго Врбницкого breviария (Drugi Vrbnički brevijar) XIV в., представляющего кркско-истрийский фонд глаголических кодексов, – от исследования графических особенностей письма до фонологических, морфологических, синтаксических и лексических его особенностей. Отмечается наличие в нем большего количества

гречицизм, чем в других хорватско-глаголических бревиариях, обнаруживается сохранение в нем фрагментов, воспроизводящих старые македонско-болгарские образцы, и как следствие – наличие многочисленных преславицизм, присутствие архаизмов, характерных для «канонических» церковнославянских текстов; одновременно автор выделяет в рукописи новые чаковские элементы.

Стремление к архаизации, с одной стороны, и введение в глаголические церковнославянские тексты хорватизмов – с другой, отмечается и в других статьях на примере самых разных источников. В статье И. Христовой-Шомовой (София) «Некоторые христианские понятия в хорватско-глаголической и православной традиции» рассматривается использование ряда базовых терминов (хлеб насущный, благодать, вера и пр.) в хорватско-глаголических миссалах XIV–XV вв. и в православных (староболгарских глаголических и кириллических и южно- и восточнославянских кириллических) евангелиях и апостолах X–XV вв. Автор отмечает стремление к лексической архаизации христианских понятий в хорватских источниках при их вариативности в кириллических. Использование церковнославянской лексемы *hlěbъ* и лексического хорватизма *knih* в различных контекстах рассматривается А. Ковачевич (Загреб). Исследуя лексику цифровых обозначений в хорватско-глаголических памятниках, Я. Винце (Загреб) фиксирует частое отступление от канонических церковнославянских именовании и использование слов из народных, прежде всего чаковских, говоров. В статье С. Пожар (Загреб) анализируется практика использования прилагательных при переводе адноминального генетива греческих и латинских текстов в хорватской редакции церковнославянского языка, что характерно в целом для церковнославянских переводов.

Одной из проблем, давно привлекающих внимание исследователей лексического фонда хорватско-глаголических текстов в их сопоставлении с южнославянскими кириллическими вариантами, является сравнительное исследование лексики хорватских псалтирей XIV–XV в. (прежде всего,

псалтири Фрашчича 1463 г., представляющей собой единственный известный список Толковой псалтири) и псалтирей болгаро-македонского происхождения XIII в. (так называемой Болонской и Погодинской) и их соотнесение с Синайской глаголической псалтирью XI в. Этой проблеме посвящено две статьи сборника. В свое время известная хорватская палеославистка Бисерка Грабар установила, что псалтирь Фрашчича восходит к кириллическому болгаро-македонскому оригиналу, представляющему более древний перевод текста, чем Синайская псалтирь. По сути эта исследовательская линия была продолжена в статье Э. Црвенковской (Скопье), которая приводит дополнительные данные (фонологические, морфологические, лексические) в пользу сходства псалтири Фрашчича с Болонской и Погодинской псалтирями и предполагает наличие у них общей основы, восходящей к раннесредневековому времени. Иная точка зрения представлена в статье М. Шимич (Загреб) и Л. Макарийоски (Скопье), где хотя и отмечаются схождения псалтири Фрашчича с македонскими псалтирями, с одной стороны, и с Синайской – с другой, но утверждается, что эти схождения не носят всеохватного характера, и псалтирь Фрашчича должна иметь иной источник.

В целом содержащиеся в сборнике статьи международного коллектива авторов в основном являются оригинальными научными исследованиями, в совокупности существенно продвигающими наши знания и в историографии, и в истории глаголической культуры, и в источниковедении хорватско-глаголических памятников. Сопоставительный (культурный, лингвистический, палеографический и пр.) анализ хорватско-глаголических источников и соответствующих текстов западно- и восточно-христианской традиции вносит вклад как в хорватское, так и в европейское источниковедение. Авторы ряда статей вводят в научный оборот и публикуют новые источники, предлагают новые данные для уточнения датировок некоторых известных глаголических памятников и определения их состава.

© 2016 г. *О.А. Акимова*

L.J. FRARY. Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844. Oxford, 2015. 296 p.

Л.Дж. ФРЕРИ. Россия и становление современной греческой идентичности, 1821–1844

Книга Люсьена Фрери, специалиста по истории русско-греческих отношений первой половины XIX в. и русской дипломатии на Балканах, явилась итогом его многолетних занятий в этой области. Автор и ранее был известен статьями, которые, как правило, основаны на серьезном изучении архивных источников.

До недавнего времени мы располагали сравнительно небольшим числом публикаций, посвященных русско-греческим отношениям первой половины XIX в. Из отечественных здесь видное место занимают книги и статьи Г.Л. Арша и О.Е. Петруниной, из зарубежных – Б. Йелавич. О.Е. Петрунина впервые обратилась к идеологическим истокам становления греческого национального сознания и той роли, которую играла в этом Россия. Книга Л. Фрери в какой-то степени продолжает ее исследования – автор не стремится излагать последовательность исторических событий, а пытается «взглянуть на историю изнутри», показать роль России в формировании политического и национального сознания греков XIX в. и, исходя из этого, дать новое толкование хорошо известным фактам.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения. Во введении (р. 1–17) Фрери формулирует основные вопросы, которые он намерен осветить в своей работе. Борьба традиционной модели и модернизаторских течений – вот что составило фундамент греческой политической и общественной жизни; автор проводит параллель с борьбой течений западников и славянофилов в России. Недостаточно, на взгляд Л. Фрери, обращалось в научной литературе внимание на то влияние, которое оказали реформы в Османской империи – Танзимата на жизнь Греческого королевства. Особо подчеркивает автор также соотношение двух основных факторов в истории Греции – религии и нации.

Первая глава «Россия и движение за независимость Греции» (р. 18–53) посвя-

щена начальному периоду формирования независимого Греческого государства. Вкратце представив предысторию тесных связей греческого народа с Россией на первых страницах очерка, автор несколько подробнее останавливается на греко-русских контактах второй половины XVIII в., справедливо называя Екатерину II «основательницей русского филэллинизма» (р. 23). Ключок-Кайнарджийский договор, безусловно имевший огромное значение для влияния России на Балканах, интерпретируется Фрери согласно принятой в западной историографии и, к сожалению, мало известной в русской исторической литературе, трактовке. Текст договора изначально имел отношение только к покровительству «русско-греческой» церкви в Константинополе и лишь впоследствии был распространен на все православное население Османской империи. История отношений русского правительства к греческой революции, уже известная по многочисленным исследованиям предыдущих лет, заново излагается автором на основании архивных документов и публикаций в периодической печати. Специальное внимание уделяется времени первого президента Греции Иоанна Каподистрии (1828–1831). Фрери считает, что споры в исторической литературе вокруг деятельности Каподистрии не учитывают главного – он не считал нужным предпринимать резких действий по восстановлению порядка в разоренной войной стране. Каподистрия, человек высоко образованный и просвещенный, пытался устроить государство по европейскому образцу очень осторожно и постепенно.

После признания Греческого государства (согласно Лондонскому протоколу 1832 г.) и прибытия молодого короля Оттона в Навплион в январе 1833 г. Россия не замедлила учредить там дипломатическую миссию, состоявшую в основном из греков на русской службе, которые хорошо владели языками и имели большой опыт

работы среди соотечественников. Греки же возглавляли консульства на островах и Пелопоннесе. Как показывает Фрери во второй главе исследования («От анархии к абсолютизму», р. 54–92), на первых порах русская миссия одобрительно отзывалась о политике регентства. Но уже через несколько месяцев, к маю 1833 г., восторги сменились более сдержанными оценками. Провозглашая абсолютный нейтралитет и невмешательство, русская миссия во главе с Г. Катакази пыталась воздействовать на правительство регентства. Автор не оставляет без внимания такой центральный элемент греческой политической жизни, как русскую партию, подчеркивая ее консервативный характер (р. 84–87). Несмотря на свое русофильское направление, члены напистской, или русской партии, согласно документам, не пользовались покровительством миссии. Вместе с тем, надеясь на материальную поддержку со стороны России, Оттон в период с 1837 по 1840 г. предоставил большую часть государственных должностей именно членам русской партии. Переходя к изложению событий восточного кризиса 1832–1833 гг., Фрери закономерно останавливается на подписании Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., который традиционно считается высшей точкой русского влияния на Ближнем Востоке в XIX в. Специальный параграф договора закрывал проливы для военных судов всех стран и гарантировал русскую военную помощь Турции в случае вооруженного конфликта. Автор избегает обсуждения разногласий по поводу оценки договора, которые возникли в русской прессе в последние десятилетия. В Греции же это событие не имело большого резонанса.

Главным камнем преткновения в политической жизни Греции при Оттоне была церковная политика, чему посвящена третья глава монографии «Автокефалия и аспекты Православия» (р. 93–122). Король-католик, женатый на королеве-протестантке, регенты, стремящиеся преобразовать государство по образцу протестантских стран Западной Европы, с превращением церкви в государственное учреждение, – все это входило в радикальное противоречие с традициями греческого народа, для которого церковь была стержнем национального самосознания на протяжении всего османского владычества. Чтобы нейтрализовать влияние как России, так и Турции, которые могли иметь место через посредство Константинопольской патриархии, греческое пра-

вительство настояло на провозглашении автокефалии Элладской церкви, не признаваемой Константинополем до 1850 г. Крайне непопулярные в народе и, разумеется, не находившие поддержки в России, реформы церкви в Греции, как это ни парадоксально, во многом проводились по образцу аналогичных реформ в России в XVIII в., что отмечается автором монографии.

Важнейшим элементом русской политики на Ближнем Востоке была политика церковная, проводившаяся на разных уровнях. Это было и непосредственное вмешательство русского правительства с целью защиты восточных христиан, и оказание им разнообразной материальной помощи в виде выкупа пленных, посылки денег на строительство и ремонт церквей и монастырей, отправка утвари, облачений, икон, обучение за государственный счет юношей в русских духовных академиях. В условиях церковного раскола, в котором находилась Элладская церковь на протяжении 17 лет, об официальных контактах пришлось почти забыть. Зато Россия – с переменным успехом – прикладывала все усилия для укрепления традиционных позиций церкви в греческом государстве. Несмотря на то, что царское правительство не одобряло отделение Элладской церкви, оно стремилось сохранить единство церкви: именно благодаря вмешательству России патриарх Константин I не стал поднимать вопрос о формальном разрыве с церковью королевства. Конечно, в Петербурге не смотрели благоприятно на католическое вероисповедание короля; однако примиряющим аргументом служило то, что Оттон, руководствуясь принципами абсолютизма, мог способствовать церковному объединению и противостоять модернизации.

Самым деятельным звеном, соединяющим Русскую церковь с Элладской в этот период, была русская посольская церковь. Следующая глава монографии «Русская церковная миссия и защита православия» посвящена ее деятельности (р. 123–166). Фрери не случайно уделяет именно этому сюжету столь большое внимание. Русская духовная миссия, как ее называет автор, являлась связующим звеном между греческими русофилами и Россией. Официально члены посольской церкви не имели права заниматься никакой деятельностью среди населения, тем более деятельностью политической: согласно всем инструкциям, в их задачи входило лишь «миссионерство» – что несколько странно звучало для

ших осложнений Катакази был отозван, что было в равной мере неодобительно воспринято как русофилами, так и их противниками. При обсуждении новой ситуации, сложившейся в Греции, Николай I считал наиболее благоприятным развитие событий в мирном русле – король принимает конституцию и сохраняет свою власть. Излагая основные положения конституции, автор монографии отчасти делает это устами поверенного в делах Ф.Э. Персиани (преемника Катакази), показывая, таким образом, отношение русской стороны к новой расстановке сил в государстве. Не в последнюю очередь вследствие отзывов Персиани, особенно по вопросам церкви, в Петербурге сохранилось в целом благожелательное отношение к Оттону и его правительству. В итоге автор приходит к выводу, что русское правительство в изучаемый период не считало Грецию приоритетным направлением своей политики на Балканах. Линия правительства не была идентична линии русской партии. Этим отчасти объясняется то, что в Петербурге приняли факт революции 1843 г. сравнительно легко. Интересные наблюдения делает Л. Фрери относительно реакции консервативного правительства николаевского времени на введение конституционного начала в разных странах: ведь сербская конституция 1838 г. или Органический регламент 1831–1832 гг. также получили одобрение, исходя из принципа, что каждый народ должен управляться согласно системе, которая наиболее для него благоприятна, подобно тому как отец обращается со своими детьми.

В «Заключении» (р. 241–250) подводят итоги исследования. Л. Фрери приходит к выводу, что именно в 1830–1840-е годы русская политика на Балканах наиболее последовательно руководствовалась идеологией. Консервативные идеи Венского конгресса, которых придерживался Николай I, были направлены на сохранение Османской империи, которая, в свою очередь, именно в это время наиболее соответствовала желаниям русской политики (вследствие Адрианопольского и Ункяр-

Искелесийского договоров). Основные начала николаевской идеологии – православие, самодержавие и народность как нельзя более соответствовали настроениям большинства населения Греции, что имело следствием чрезвычайную популярность России в 1830–1840-е годы. Политику России в отношении Турции и Греции во второй четверти XIX в. Л. Фрери считает успешной. Автор проводит некоторые параллели с историей русско-греческих отношений второй половины XIX в. Такой «камень преткновения», как православие королевской четы было успешно преодолено следующим королем, Георгом, который еще до вступления на престол принял православие, а его супруга, Ольга Константиновна, была из русского царствующего дома. Однако политическая обстановка после Крымской войны была принципиально иной, и анализ этого периода уже выходит за хронологические рамки исследования.

В целом книга Л. Фрери производит очень благоприятное впечатление. Автору удалось заполнить существенную лауну в истории русско-греческих отношений первой половины XIX в. Вместе с тем он наметил перспективы для дальнейших разысканий, в первую очередь путем привлечения максимально полного объема источников из архивов разных стран. Нескольким искусственным является, на мой взгляд, сравнение борьбы политических партий в Греции с борьбой западников и славянофилов в России: при кажущемся внешнем сходстве процессов, они происходили в разных исторических условиях, и потому были по сути различны. Сложнейшая задача транслитерации и перевода греческих и славянских слов выполнена автором на очень высоком уровне; мне удалось выявить всего одну–две неточности перевода. Остается пожелать коллеге Л. Фрери дальнейших столь же успешных исследований в области политической идеологии Балкан и Восточного Средиземноморья XIX в. и русской политики в этом регионе.

© 2016 г. *Л.А. Герд*

М.В. ТОРТИКА (ЛОБАНОВА). Между молотом европейской модернизации и наковальней евразийских империй: мифажи центризма в социал-демократической практике Болгарии и России (конец XIX – начало XX ст.). Харьков, 2015, 793 с.

Признаюсь, что пишу довольно часто, но нерегулярно, рецензии на разные книги отечественных и зарубежных исследователей. Главное, чтобы было интересно читать авторский текст, а не «сборник цитат». Именно поэтому и «возникла» настоящая рецензия.

Сначала по объему: это «кирпич» почти в восемьсот страниц. Такая толщина у меня всегда рождает уважение к автору, причем автору перфекционисту, когда написанное «заставляет» думать. Здесь, именно тот случай.

Теперь о самом исследовании.

Текст интересен по многим причинам. Здесь и «необычность» темы с ее обращением в «проклятое» прошлое с его «социалистами», «центристами» и прочими представителями политической мысли, казалось бы, канувшими в Лету. Но «жив урилка»: и сейчас можно при желании увидеть «минувшее» в современной жизни. Уже это придает определенную ценность авторскому исследованию. Естественно, и насыщение текста именами тех, кто долгое время замолчан, впрочем, и сейчас имена лидеров социал-демократов тогдашнего времени «не в чести». Гораздо легче не писать или исказить, что, впрочем, не ново в исторической действительности. Ведь человек, как заметил Аристотель, суть «историческое животное». Меня всегда приводит в восторг фраза Гегеля – «все разумное действительно, все действительное разумно». Это может служить девизом для истории и ее интерпретаторов. Хотя тут же добавлю, что историческое знание должно обогащаться новой информацией, новыми поворотами в исследуемой теме, даже, если хотите, личностью автора.

Если говорить о «трех китах» любого исследования – актуальность, новизна, оригинальность, то все они присутствуют в книге, появившейся на свет в результате долголетних научных изысканий.

Впечатляет и избранное автором время исследования, в котором жили, творили,

спорили те, кто хотел изменить мир, переосмыслить его в европейском ли масштабе или в отдельно взятой стране. Все это читается уже в самом названии книги, где есть и «европейская модернизация» и «евразийские империи», причем применительно к социал-демократической практике двух таких разных стран, как Болгария и Россия, но связанных – политической мыслью, идеей, практикой. Впечатляет и панорама политических деятелей, «живущих» в книге, благодаря таланту автора. Здесь есть известные большинству имена К. Маркс, В.И. Ленин, Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Д. Благоев, Г. Бакалов, Г. Димитров, Мустафа Кемаль (Ататюрк), так и малознакомые историкам «общего профиля», например, Карл Реннер, Рудольф Гильфердинг, Илекс Беллер, Владир Медем.

И, конечно, нельзя не сказать о той основательности, с которой «отработана» на основании многочисленных источников и литературы каждая глава этой примечательной книги. Достаточно упомянуть, что в списке литературы имеются названия 1329 трудов на русском и иностранных языках. Привлечены документы из российских и зарубежных архивохранилищ, материалы которых позволили обогатить историческое знание по заявленной проблематике, связанной с извечным вопросом всех «переустроителей мира» – «Что делать?»

Итак, по своей структуре текст связан шестью объемными главами: «Цивилизационные истоки теории и практики центризма в социал-демократических движениях Болгарии и России», «Центризм в социал-демократическом движении Болгарии: генезис и проблема внутривнутриполитической идентичности», «Внешнеполитический вектор в программах левоцентристских социал-демократических групп Болгарии», «Национальный вопрос и проект Балканской конфедерации как часть внешнеполитической платформы левоцентристской фракции БРСДП (о),

«Младотурки и младотурецкая революция в интерпретации носителей идеологии левого центризма в Болгарии», «Элементы левоцентристской стратегии в теории и практике российской социал-демократии конца XIX – начала XX ст.»

Своеобразным украшением текста являются уникальные фотографии исследуемого времени: лиц, документов, рисунков. Здесь и Ленин, и смеющийся молодой Джугашвили, и массивный Гельфанд Парвус, и в глубине души мечтающая о тихой семейной жизни с ребенком Р. Люксембург, С.Н. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.Д. Гачев. Тут и «ученический» рисунок Ю. Мартова, вынесенный на обложку книги, и автограф Л.Б. Каменева, и фото «болгарской глубинки». Всего не перечислишь. Главное, они органично ложатся на текст самого исследования, «украшенного» культурой мысли. Прежде всего, это относится к первой главе, где освещаются вопросы по цивилизационному пространству, традиционной культурной матрице, восточноправославной ауре Балкан, их модернизации.

Разумеется, в книге автор, где освещая, где исследуя, центральное место отводит «теории и практике центризма», куда вводит и ряд новых, главное, разнообразных материалов, способствующих расширению исторического знания по этой интереснейшей тематике, связанной с балканским регионом. Причем, не менее интересны сюжеты, в которых освещается балканская политика, сплетающая в себе и младотурецкую идеологию, и македонский вопрос, и социал-демократическую мысль с ее внешнеполитическими раздумьями... В общем, Балканы того времени представляли собою своеобразный гордиев узел, который трудно поддавался «развязке».

При всем этом в тексте нет верхоглядства, все или почти все очерчено, исследу-

довано, освещено на хорошем уровне. Разумеется, встречаются и общеизвестные истины и факты, но куда без них: все не может быть новым.

Довольно успешно в книге представлен и сам исторический фон, обрисованный в той степени, которая необходима для понимания времени и мысли в нем.

Лично для меня один из самых интересных сюжетов связан с еврейской составляющей социал-демократической мысли. Обычно эту «скользкую тему» оставляют за скобками, дескать, мысль не нуждается в национальном обрамлении. Здесь Мария Валерьевна пошла «другим путем». На страницах ее книги очерчена достаточно хорошо деятельность БУНДа и бундовцев, мысли М.И. Либера, М.Г. Рафеса, В.Д. Медема.

Если затронуть тему критики, то здесь очень трудно что-либо сказать – настолько всесторонне выполнено исследование. Но, как известно, «всесторонность» недостижима, и ведет к определенным «пропускам». Например, мне не совсем понятно употребление термина Константина Леонтьева – «цветущая сложность» сопоставляемая с «феноменом социал-демократического “посредничества” в поликультурном пространстве России (конец XIX – начало XX ст.)». И, очень жаль, что книга издана без именного указателя, облегчающего поиск читателем нужного персонажа.

Завершить свои впечатления от труда Марии Валерьевны Тортика (Лобановой) хотел бы строфами Федора Тютчева: «Из края в край, из града в град / Могучий вихрь людей мятет, / И рад ты или не рад, / Не спросит он... Вперед, вперед!»

© 2016 г. В.И. Косик

Г. ДАСКАЛОВ. Гърция и македонският въпрос (1950–2000): българо-македонисткият синдром на гръцкия национализъм. София, 2014. 514 с.

Г. ДАСКАЛОВ. Гречия и македонският въпрос (1950–2000): българо-македонисткият синдром греческого национализма

Георги Даскалов (1942–2014) – известный болгарский историк, автор книг и множества статей по проблемам международных отношений на Балканах и о судьбе болгар в Эгейской Македонии в XX в. (см., например *Даскалов Г. Българите в Егейска Македония – мит или реалност. София, 1996; Даскалов Г. Участта на българите в Егейска Македония 1936–1946. София, 1999; Даскалов Г. България и Гърция. От разлив към помирение 1944–1964. София, 2004; Даскалов Г. Между реваншизма на Атина, македонизма на Белград и нигилизма на София. София, 2007*). «Гречия и македонският въпрос (1950–2000)» – последняя книга Г. Даскалова, обобщающая его исследования о положении болгарского населения в Греции в послевоенный период.

Восточный вопрос, вопрос о судьбе европейских провинций распавшейся Османской империи, для балканских народов в итоге оказался составленным из ряда частных вопросов: албанского, фракийского, македонского и др. Суть их сводилась к урегулированию взаимных территориальных претензий в районах со смешанным населением. Борьба за решение этих вопросов велась не только за столом переговоров, но и другими путями: экономической блокады, партизанской войны, открытых военных конфликтов. В результате в первой четверти XX в. на Балканах были установлены в целом стабильные границы, однако смешанный характер населения многих областей полуострова привел к образованию этнических меньшинств. Они стали заложниками как внутренней политики того государства, в котором оказались, так и международных отношений в регионе.

Именно в таком положении оказалось к середине XX в. болгарское население в Эгейской Македонии. Как справедливо отмечает Г. Даскалов, Греция хотела бы считать македонский вопрос решенным, ведь ей досталась наибольшая часть тер-

ритории османской Македонии. Однако проблема проживавшего там славянского населения перевела македонский вопрос в новое качество, в котором он продолжал присутствовать в общественно-политической жизни Греции и ее взаимоотношениях с Югославией (затем Македонией) и Болгарией всю вторую половину XX в. В этой ситуации греческие политики предприняли попытку вовсе отрицать существование в их стране этнических меньшинств. Начиная с конца 1920-х годов и по сей день официальная политическая линия Греции строится на том, что в стране нет этнических меньшинств, а имеются только конфессиональные и языковые. В рамках этой политической линии македонские славяне были названы болгароязычными, а затем славяноязычными греками. Так греческие правительства пытались предотвратить потенциальную «угрозу с севера».

Усилия Афин по размыванию национального самосознания славянского населения Эгейской Македонии, хотя были во многом успешными, не привели к его полной эллинизации. Их побочным продуктом стала представляющая для Греции не меньшую угрозу доктрина македонизма. Как и большинство болгарских историков, Г. Даскалов считал появление македонской нации, языка, а затем и государственности результатом не естественных процессов, а сознательного этнополитического конструирования. Превращение части живших на территории Греции, Югославии, а к концу столетия и Болгарии болгар в македонцев было поначалу выгодно Греции, поскольку снижало риск «болгарской угрозы». Однако тогда «угроза с севера» стала ассоциироваться у греков не только с Болгарией, но и с Югославией, причем Югославия активно пользовалась сложившейся ситуацией.

Анализируя положение славянского меньшинства, которое из болгарского постепенно превращалось в македонское, Г. Даскалов вполне обоснованно рассма-

тривалого как проекцию взаимоотношений в треугольнике Афины – Белград – София. Выводы, к которым пришел болгарский исследователь, неутешительны не только для греческой, но и для болгарской политической элиты. В 1950-е – начале 1960-х годов Греции удалось отразить попытки Югославии поставить вопрос о наличии македонского меньшинства в Греции, однако уже с начала 1980-х годов иницируемая из Белграда пропаганда македонизма велась в Греции все более активно. В это время Болгария согласилась не поднимать вопрос о болгарском меньшинстве в Греции ради сохранения добрососедских отношений с последней. В новую фазу развития македонский вопрос перешел с распадом Югославии и образованием независимой Республики Македония: 1990-е годы характеризуются противостоянием стремительно возросших македонского и греческого национализмов, расширени-

ем пропаганды македонской идеи среди славян Греции. В этих условиях Болгария не проявила достаточной активности по сохранению их болгарской идентичности. По мнению Г. Даскалова, это произошло потому, что в конце XX в. болгарская политическая элита не имела не только определенной программы противостояния дальнейшему распространению македонизма, но и национальной идеи вообще.

Особую ценность книге придает то, что она написана на большом количестве источников, среди которых доминируют архивные материалы из болгарских хранилищ: Центрального государственного архива Болгарии, Архива Министерства иностранных дел, Научного архива Болгарской академии наук. Они удачно дополнены материалами прессы, официальными документами, мемуарами.

© 2016 г. О.Е. Петрунина

Славяноведение, № 5

C. WEBER. Krieg der Täter. Der Massenerschiessungen von Katyn. Hamburg, 2015. 471 s.

К. ВЕБЕР. Война преступников. Массовые расстрелы под Катыню

Катынская трагедия продолжает привлекать к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей, которые пытаются найти и рассмотреть новые, малоизученные аспекты истории массовых расстрелов польских военнопленных под Смоленском. В этом плане рецензируемая книга германской исследовательницы Клаудии Вебер представляет значительный научный и общественный интерес.

Уже в самом начале повествования автор четко определяет общественно-политический фон своего исследования: «С нападением Советского Союза и Третьего рейха на Польшу в сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война» (s. 13). Показательно, что СССР поставлен Вебер на первое место так, как будто именно наша страна и является инициатором войны. Насколько объективным может быть автор

таких слов? Этот вопрос неизбежно встает перед любым читателем этой книги.

Исследование стало результатом многолетней работы германского историка в архивах России (АФВП, ГАРФ, РГАС-ПИ), Германии, США, Украины, Польши. Ею использованы основные источники и научная литература по теме, что подтверждает солидный список библиографии (s. 446–463). Справедливости ради, следует отметить, что Вебер достаточно избирательно подходит к выбору основных источников, делая акцент в сторону мемуаров и воспоминаний современников событий в Катыни. Их источниковедческая критика при этом носит достаточно вольный характер, что не могло не отразиться на самом содержании рецензируемого издания.

Во Введении автор подчеркивает, что новое обращение к истории Катыни яв-

ляется оправданным, так как «настоящее меняет историю» (s. 25). Налицо, таким образом, попытка рассмотреть эту трагедию с учетом современной общественно-политической обстановки.

Первая глава «Договоры и преступления» начинается с трогательной истории польки Марии Чапской, в начале 1940 г. ждавшей на вокзале Варшавы поезд, который должен был вернуть из советского плена ее брата графа Юзефа Чапского (1896–1993), известного польского художника и писателя, двоюродного брата Г.В. Чичерина (s. 26–27). История этой семьи красной нитью проходит через всю книгу, а мемуары Чапского, которому посчастливилось пережить все ужасы Второй мировой войны, стали одним из основных источников, которые использовала Вебер.

Чапский оставил подробное описание лагеря для интернированных польских офицеров в Осташкове, в котором он содержался, акцентируя внимание как на переполненности лагеря (16000 заключенных вместо 10000 по плану), так и на бесчеловечном отношении к полякам со стороны сотрудников НКВД, везде видевших шпионов и предателей (s. 34–46). Впоследствии он был переведен в Старобельский лагерь.

Нужно отметить, что именно такие активисты, как Ю. Чапский, В. Андерс и другие определили последующую политическую линию эмиграционного руководства, не желавшего сотрудничать с властями СССР из-за Катынской трагедии.

Чапский, происходивший из польско-немецкой семьи, фигурировал в качестве кандидата на обмен военнопленными между Советским Союзом и Германией, который начался в конце 1939 г.: в СССР отправлялись бывшие военнослужащие польской армии – украинцы и белорусы – в обмен на военнопленных из числа поляков и немцев (s. 78–79). Сестра Чапского Мария продала его на границе с середины января по середину апреля 1940 г., но тщетно. Нацистская Германия, внедрявшая политику фолькслистов, не желала увеличивать число поляков на территории генерал-губернаторства. При этом продолжалось переселение этнических немцев, в том числе и с бывших польских территорий (Галиции и Волыни).

Таким образом, автор возлагает косвенную вину за массовые расстрелы польских военнопленных на власти нацистской Германии, отказавшейся от их обмена. Что касается Советского Союза, то решение о ликвидации «убежденных врагов совет-

ской власти» было принято, по мнению Вебер, задолго до нападения гитлеровской Германии на СССР, еще в начале марта 1940 г. Ответственность за это она склонна возлагать на Л.П. Берия, который убедил Политбюро ЦК ВКП (б) (s. 86–87).

Вторая глава книги «Катынь. Пропагандистская война за военное преступление» раскрывает попытки нацистского руководства Германии и сталинского СССР «списать» данное преступление друг на друга. Автор справедливо указывает, что официальное сообщение нацистских властей от 13 апреля 1943 г. о якобы обнаруженных массовых захоронениях польских офицеров, было инсценировкой (s. 131). Идея привлечь широкое общественное внимание к Катыни была вызвана неудачами вермахта под Сталинградом и стремлением подорвать растущий международный престиж и авторитет Советского Союза и его победоносной Красной армии. В целом, эта акция нацистов к успеху не привела, но им удалось обострить и без того непростые взаимоотношения польского эмиграционного руководства и СССР.

Аналогичным же образом автор оценивает и попытки советской стороны обвинить в катынском расстреле нацистов. Это нашло отражение в работе так называемой комиссии Н.Н. Бурденко, результаты расследования которой были положены в основу советских обвинений на Нюрнбергском трибунале.

Этому посвящена третья глава «Катынь перед судом. Нюрнбергский трибунал и политика Сталина», в которой Вебер однозначно приходит к выводу о том, что «вождь народов» потерпел в Нюрнберге сокрушительное поражение (s. 345).

Заключительная глава рецензируемого издания «Разделенная история – Катынь в годы холодной войны» вновь возвращает нас к истории семьи Чапских. Юзеф имел счастье избежать расстрела. После начала Великой Отечественной войны, по соглашению Сикорского – Майского, все интернированные поляки подлежали освобождению. Сам Чапский с 3 сентября оказался в Тоще, где он возглавил Комитет поиска и помощи интернированным полякам. Автор приводит данные о том, что Чапский практически с самого начала получал информацию о массовых расстрелах соотечественников, в которую он и многие поляки просто отказывались верить.

Объяснение этому Вебер находит в том, что массовые убийства не были типичны для сталинского СССР. Она пишет: «Массовые расстрелы являются одной из ти-

пичных репрессивных форм, характерных для «большого террора» 1930-х годов. Но при этом, в отличие от систематической практики массовых уничтожений в нацистских концентрационных лагерях, они были не характерны для сталинской лагерной системы, в которой заключенные умирали от истощения, голода, болезней, но отнюдь не были жертвами массовых уничтожений» (s. 121).

Известие о массовых расстрелах под Смоленском вызвало у поляков разочарование в Советском Союзе, привело к их отказу сражаться на Восточном фронте и переправке армии Андерса (в нее вступил и Чапский) через Иран в Северную Африку. Некоторое время Чапский находился в Средней Азии, где у него был короткий роман с Анной Ахматовой. Позднее они так же встречались уже в Париже, где Чапский стал одним из лидеров польской антикоммунистической эмиграции, издававшей журнал «Kultura».

В период «холодной войны» польские эмигранты, как и Чапский, участвовали в деятельности различных организаций, призванных изучить и дать оценку событиям в Катыни (Комитет расследования Катыни, Катыньский комитет), которые создавались на Западе, в том числе – в США. Катынь превратилась в инструмент пропагандистской борьбы между Востоком и Западом.

В заключение автор подчеркивает, что ее книга посвящена истории «войны пре-

ступников», прежде всего, союзу сталинского СССР и гитлеровской Германии, который и привел к катынской трагедии (s. 437).

Сравнивая современное восприятие Великой Отечественной войны и Катынской трагедии, Вебер указывает на их противоположность. С одной стороны, миф Великой Отечественной войны, вокруг которого строится идеология современной России. С другой – миф о катынской жертве, который перестал принадлежать исключительно польской историографии, а распространился на Белоруссию, Украину и даже Румынию (s. 439). Правда, аргументы в пользу данной точки зрения Вебер не приводит.

Вполне очевидный вывод автора о том, что Катынь стоит в одном ряду с Холокостом, сделан в самом общем виде. При этом массовые уничтожения гитлеровцами советских граждан в расчет не берутся.

Книга К. Вебер представляет собой достаточно профессиональное историческое сочинение, которое, тем не менее, не может быть признано полностью объективным. Автор зачастую отходит от главной темы – Катыни, углубляясь в сравнительный анализ гитлеровского и сталинского режимов, пытаясь дать ответ на вопрос, какой из них был наиболее античеловечным и преступным.

© 2016 г. С.В. Кретинин

Славяноведение, № 5

J. SZUMSKI. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016. 429 s.

Я. ШУМСКИЙ. Политика и история. СССР и историческая наука в Польше в 1945–1964 годах

В свое время ПНР была одним из важных зарубежных центров изучения истории России/СССР. Исследования велись как в ПАН, так и в ведущих университетах. Назову такие имена ведущих историков-русистов, как профессора Л. Базылев, В. Боргновский, А. Кияс, Я. Собчак, Е. Охманьский, А. Поппе, М. Танты, В. Серчик, Л. Яськевич и др. Они оставили после себя сотни учеников и серьез-

ные научные труды, многие из которых не устарели и сегодня.

В условиях системной трансформации, начавшейся в Польше в конце 1980-х годов, исторической русистике пришлось нелегко. Но она все же выжила, хотя и утратила прежнюю общественную позицию. Часть русистов сохраняет верность академизму своих учителей, другие пере-квалифицировались в политологов-росси-

еведов, к сожалению, не всегда должного уровня.

Взяв в руки вышедшую в 2016 г. монографию Яна Шумского «Политика и история. СССР и историческая наука в Польше в 1945–1964 годах», я первым делом задался вопросом, кем является ее автор, историком или политологом? Позволю себе ответить на него в конце рецензии, чтобы мое мнение не выглядело предвзятым.

Сама по себе тема воздействия советской стороны на политику ППР/ПОРП в различных областях жизни в послевоенной Польше в мировой историографии не нова, особенно после открытия для исследователей фондов РГАСПИ и частично РГАНИ. Поэтому нет нужды убеждать читателей в том, что такое воздействие действительно было, сегодня это аксиома. Нов только выбранный Шумским предмет монографического исследования – польская историческая наука. Об этом столь подробно до него еще не писали.

Работа большая, вместе с указателями принятых сокращений, имен, источников и исследований на русском, польском и английском языках, русским и английским резюме в ней 429 страниц, текста собственно исследования на 45 страниц меньше. Монография разделена на 11 глав и 61 параграф, если считать таковыми и семь непоименованных подразделов. Такая дробность структуры свидетельствует о многочисленности рассматриваемых в ней сюжетов.

Не очень удачен выбранный Я. Шумским принцип изложения материала. Он смешанный, проблемность сочетается с нечетко выраженными признаками хронологичности. В результате автор сам себя лишил возможности вести анализ в привязке к менявшемуся политическому фону, который за 1945–1964 гг. трижды поменялся в Польше и дважды в СССР. И каждый из этих этапов имел свои, только ему присущие особенности, прямо влиявшие на содержание и характер советско-польского взаимодействия в сфере исторической науки. В результате работа изобилует повторами, даже дословными, и авторскими ремарками, что о том или ином сюжете будет сказано позже. Это затрудняет чтение и путает самого автора. Именно этим можно объяснить, например, путаницу с таким принципиальным для исследования вопросом, как дата отказа советской стороны от так называемого «ручного управления» польской исторической наукой. В одном случае говорится о начале

1954 г. (s. 230), в другом – о 1956-м (s. 38). Для 20-летнего периода разброс в два года имеет значение. Есть и другие примеры неаккуратного обращения с хронологией.

Издательские рецензенты монографии М. Корнат и З. Ромек в качестве ее наиболее сильной стороны отметили широкую источниковую базу. Действительно, автор использовал не только большинство опубликованных источников (правда, не упомянут один из первых сборников документов из фондов РЦХИДНИ/РГАСПИ, показывающих советскую политику в отношении Польши в 1944–1949 гг., изданный в Москве и Варшаве в 1995 г. «СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов / Сост. Г.А. Бордюгов, А. Косеский, А. Коханьский, Г.Ф. Матвеев, А. Пачковский. М., 1995; Polska – ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty KC WKP(B) / Opr. Bordiugow G.A., Kočański A., Koseski A., Matwiejew G.F., Paczkowski A. Warszawa, 1995), но и практически все доступные на сегодняшний день материалы по теме из фондов РГАСПИ, РГАНИ, ГАРФ, Архива РАН. Но вот глубина анализа этих источников не всегда достаточная, в ряде случаев их разбор подменяется пересказом, в результате чего монография местами напоминает аннотированный перечень документов. Кроме того, слабо представлены материалы из варшавского Архива новых актов (только фонд Ж. Корман), полностью проигнорирован Архив ПАН, доступ к материалам которого, конечно же, не столь сложен, как к фондам АВП РФ, на что жалуется Я. Шумский. В результате этого действия советской стороны представлены полнее, чем польская реакция на них, к тому же его суждения о них нередко базируются только на документах из российских архивов.

Полностью обойдены вниманием взаимоотношения советских и польских историков по линии высшей школы. А это важно хотя бы потому, что до создания исторических институтов ПАН именно в университетах концентрировались основные силы польских историков. Кстати, первая широкодоступная марксистская концепция истории Польши до 1945 г. была изложена в университетском учебнике по истории южных и западных славян, подготовленном кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. Ломоносова с участием сотрудников АН СССР («История южных и западных славян». М., 1957). Ничего не сказано о том, что в университетах СССР в 1950-е годы учились

такие польские историки, как Е. Борейша, Э. Дурачинский, Я. Собчак, Ф. Тых, и др., упомянуто лишь малозначащее так называемое дело Турского (s. 327).

Что же касается трехтомной «Истории Польши», подготовленной Институтом славяноведения АН СССР, то она никак не могла быть учебником, как это многократно утверждает Шумский. Это был обыкновенный обобщающий труд, к тому же такой объемный, что ни один преподаватель не посоветовал бы его студентам для подготовки к экзамену.

В первой главе Шумский описывает структуру подразделений ЦК КПСС, в обязанности которых в разное время входило отслеживание ситуации в польской исторической науке (в терминологии Я. Шумского «надзор»), а также определяет роль, которую советские посольство и консульства в Польше, ВОКС, Совинформбюро, а также Академия наук СССР играли в реализации принимаемых в Кремле решений. Отдельный параграф посвящен функционированию механизма принятия решений на уровне ЦК ВКП(б)/КПСС. В итоге, у читателя создается относительно полное, хотя и несколько хаотичное представление (потому что хронология постоянно нарушается) о том, как выглядел советский центр принятия касавшихся Польши решений и какими инструментами их доведения до Варшавы он пользовался.

Вместе с тем уже в этой главе дают о себе знать общие для всей монографии изъяны, например, терминологическая небрежность. Трудно считать корректным обозначение советских союзников в Европе на протяжении рассматриваемого периода как «социалистического содружества». Этот термин применим к периоду, начавшемуся во второй половине 1950-х годов, когда во взаимоотношениях СССР со своими сателлитами произошли заметные изменения. Вряд ли правомерно говорить о существовании в 1946 г. немецкого коммунистического государства (s. 117).

В последнюю четверть века вдруг возник вопрос, как переводить на польский язык слово «советский». До войны термин «sowiecki» иногда встречался в публицистике, научные издания пользовались словом «radziecki» (см. например, M. Arcta. Nowoczesna encyklopedia ilustrowana. Warszawa, 1938. Ł. 1786). В ПНР эту традицию сохранили. Но сейчас часть польских историков, включая и Шумского, пишет «sowiecki», «Związek Sowiecki», но

при этом почему-то «КПСС» переводит как «KPZR».

Не столь однозначен, как представляется Шумский, вопрос о так называемой хрущевской оттепели. Достаточно напомнить хотя бы о деле Л.Н. Краснопевцева в 1957 г., когда на скамье подсудимых оказались отнюдь не антисоветчики. Сегодня странно читать, что летом 1957 г. борьба за власть завершилась «поражением так называемой антипартийной группы, состоявшей из сталинских преторианцев, и победой Никиты Хрущева» (s. 213). Хорошо известно, что до марта 1953 г. Хрущев и сам был одним из них, а в конце правления усиленно формировал свой «культ личности».

Трудно поверить, что состав редколлегии польской трехтомной «Истории Польши» утверждался в ЦК КПСС (s. 41). Думаю, что имелась в виду советская «История Польши», но как об этом узнает непосвященный в тему читатель? Автор, начиная с первой главы, несколько раз обращается к вопросу об антисемитизме в СССР и Польше в период борьбы с «космополитизмом» и «буржуазным объективизмом». Не со всеми его утверждениями можно согласиться. Например, с намеком, что причиной запрета исполнения в Польше в 1948 г. произведений советских композиторов Д. Шостаковича, И. Белзы, Г. Попова, М. Вайнберга и Ю. Левитина было польское или еврейское происхождение большинства из них (s. 48). Если бы дело было только в этом, то Шостакович не получил бы Сталинскую премию в 1950 и 1952 гг., а Левитин в 1952 г. Упрощенно трактуются причины отказа в заграничные командировки четырем сотрудникам Института мирового хозяйства и мировой политики – их еврейское происхождение (s. 74) (на самом деле был еще и пятый кандидат, не еврей). О других важных причинах отказа см.: <http://zlobnigv-2.livejournal.com/237758.html> (дата посещения 28. 02. 2016). И совсем странно звучит утверждение автора, что во время борьбы с «космополитизмом» и «буржуазным объективизмом» место евреев, увольняемых из АОН при ЦК КПСС и других ведущих исторических учреждений, занимали «советизированные (!) русские и представители других народов СССР» (s. 191). У читателя может создаться впечатление, что уволенные не были «советизированы», к тому же это противоречит пафосу рецензируемого труда.

Уже при чтении первой главы сложилось впечатление, что в Шумском борются

историк и политолог. Он понимает важность источника, но иногда, обобщая некоторые принципиальные вещи, подменяет факты мнением. Например, рассказывая о практике инструктирования выезжавших в Польшу советских ученых, приводит конкретный факт (правда, не раскрывая содержания инструктажа), а затем делает огульный вывод, что «абсурдный характер инструкций [...] беспокоил даже высших советских сановников», но сноска на какой-либо документ, подтверждающий факты абсурдности и беспокойства по этому поводу неких «сановников» (?), не делает (s. 43). Так же огульно, без сносок, он пишет, например, о связи ВОКС с ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ (s. 48). В научном труде странно выглядят такие характеристики партийных и государственных деятелей, как «сановник высокого ранга Иосиф Сталин» (s. 25), «главный советский цербер в вопросах идеологии и пропаганды Жданов» (с. 127).

Вторая глава, посвященная контактам историков СССР и Польши и политическому надзору за научным обменом в 1945–1948 гг., начинается ничем не подтвержденной декларацией, что научные связи в области истории и обмен информацией о состоянии исследований были весьма ограничены или практически отсутствовали (s. 62). Вполне закономерен вопрос, а о чем же тогда Я. Шумский собирается писать?

И действительно, эта глава мало что дает для раскрытия темы. В работе даже не упоминается научное сотрудничество в области технических и естественных наук, первоочередность которого диктовалась схожестью задач по восстановлению народного хозяйства в СССР и Польше. Если бы такие сведения были приведены, то на их фоне можно было бы делать какие-то умозаключения. И может тогда читателю было бы легче понять, почему научные связи между историками не пользовались вниманием советского и польского руководства, а ведущих советских историков использовали только в привычной для них со времен войны роли пропагандистов. Самое интересное, что главные идеи, которые они тогда пропагандировали (славянская взаимность, извечный германо-славянский антагонизм, Россия – единственная надежда славян выстоять в борьбе с германизмом), родились в умах чешских и польских мыслителей в XVIII–XIX вв., а последний взлет популярности пережили накануне и во время Второй мировой войны (в частности, одним из

горячих поборников идеи славянской взаимности был генерал Л. Желиговский, ничего общего с ЦК ВКП(б) не имевший). Поэтому утверждение, что «пропаганда польско-советской и польско-русской дружбы, а также поиск ее исторического обоснования, были головоломной задачей» (s. 78), легковесно, к тому же ничем не подкреплено.

В других разделах главы рассказывается о различных формах обмена научной литературой, приглашении академика И. Грекова сотрудничать с журналом «Czasopismo Prawno-Historyczne», участии советской делегации в работе VII съезда Польского исторического общества. Тщательностью пересказа содержания архивных документов и отсутствием их анализа эти параграфы напоминают позитивистские труды XIX в. В таком же позитивистском духе выдержано и заключение по главе. Из него становится понятным, что вся глава, фиксирующая единичные случаи контактов советских и польских историков, была нужна только для того, чтобы подвести читателя к пониманию истинной цели создания в 1946 г. Института славяноведения АН СССР: «Прежде всего для научной координации сотрудничества с Польшей в области исторических исследований, а также надзора за изменениями в содержании и направлении исследований» (s.102). Такая трактовка причин создания первого регионального академического института в СССР представляется излишне упрощенной, особенно учитывая комплексный, историко-филолого-лингвистический характер ИС АН СССР.

Созданию и становлению Инслава посвящена третья глава монографии. Поскольку о его истории написано немало, то и особых открытий Я. Шумский сделать не мог. Но для польского читателя его нарратив будет интересен. Следовало бы объяснить именно в этой главе, что решение ЦК ВКП(б) о комплектовании институтской библиотеки за счет литературы из научных центров Германии (s. 109, 298) мотивировалось необходимостью восполнить ущерб, нанесенный советским библиотекам и архивам немецкими оккупантами. Явно недоработан сюжет, связанный с несостоявшимся Международным конгрессом славистов в 1948 г. Проникновение в тайные замыслы его организаторов ни на чем не базируется, а утверждение, что с его помощью собирались «укрепить доминирующую роль Советского Союза в Центрально-Восточной

Европе» (s. 125), несерьезно. Не доказано, что методологический поворот в исторической науке в странах советского блока планировалось осуществить на базе идеи славянской взаимности (s. 129), потому что в советской зоне ответственности оказались и неславянские страны.

Следующая глава монографии трактует о соотношении в СССР истории и идеологии. Рассматриваются сюжеты, достаточно хорошо известные российским и зарубежным исследователям: вклад И.В. Сталина в создание «Истории ВКП(б). Краткий курс», «проработочные кампании» в исторической среде, борьба с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом», в том числе в Институте славяноведения и почему-то в Польше, участие советских историков в I конгрессе польской науки и в методологической конференции польских историков в Отвоцке в конце 1951 г. Обращает на себя внимание заключение по главе, очень взвешенное, но, к сожалению, не совсем корреспондирующееся с ее содержанием (s. 168–169).

В пятой главе рассматривается структура и деятельность партийных научных учреждений в СССР и Польше. Уже во введении к ней Шумский делает важный, с его точки зрения, посыл, что «советский историк в своей научно-исследовательской деятельности должен был разоблачать, воспитывать и агитировать одновременно (s. 171). Чем-то эта максима напомнила мне поведение многих современных польских историков, занимающихся новейшей историей Польши. И хотя Шумский в предыдущей главе резюмировал, что советизация в польской исторической науке не укоренилась (s. 169), даже его монография местами свидетельствует об обратном. В главе на основании литературы описана система учебных заведений КПСС и их функционирование, а также существовавшие партийные архивы и порядок доступа к их фондам, в том числе закрытым.

Главное внимание (восемь параграфов из девяти поименованных) сосредоточено на создании аналогичной системы в Польше, включая Институт подготовки руководящих кадров, а также на усилиях польских партийных историков по пересмотру решения о роспуске КПП в 1938 г.

Следующую главу Шумский посвятил описанию влияния перемен в СССР в 1953–1956 гг. на ситуацию в Польше. Происходившие тогда процессы он называет «перенастройкой». Бросается в глаза недостаточная глубина анализа сложных

процессов, происходивших в СССР, а для Польши объяснения причин появления так называемого ревизионизма. Вместо этого пересказана существенно более поздняя работа Л. Колаковского «Главные течения марксизма». Странным выглядит описание деятельности Польско-советского института в Варшаве на основании только советских архивных материалов. Не названа и не проанализирована Декларация Советского правительства от 30 октября 1956 г. о взаимоотношениях между социалистическими странами, а она, несомненно, имела последствия для советско-польских отношений в идеологической области, в том числе и в сфере исторической науки.

Главы с 7 по 11 излагают, по сути, частные проблемы, касающиеся в большей степени не советского влияния на польскую историческую науку, а начала накопления после 1956 г. опыта партнерского взаимодействия историков двух стран. В связи с этим рассказывается о выявившихся различиях между ними во взглядах на проблемы истории Польши, специфике архивного дела в СССР, издании документов по истории польского восстания 1863 г. и польско-советских отношений, создании двусторонней комиссии историков в 1965 г. И на этот раз Я. Шумский отдает предпочтение пересказу архивных материалов. Как и в других случаях несоблюдение хронологического принципа затрудняет отслеживание процесса двустороннего сотрудничества. В числе недочетов следует особо указать на сознательное искажение истории трофейных фондов в РГВА. Это не «материалы, вывезенные из Восточной Европы, Германии [...] “трофеи”, вывезенные из оккупированной Польши, начиная с 1939 г.» (s. 297), а подлинники, без кавычек, трофеи, захваченные Красной армией на территории Германии в 1945 г. Согласно международному праву они законным образом принадлежали СССР. Точно так же и американцы вывозили из Германии архивные материалы, в том числе и польские.

Не лишена работа фактических ошибок. В РГАСПИ нет фонда Владимира Чичерина (s. 25), советского наркома по иностранным делам звали Георгием Васильевичем. В.И. Пичета не защищал кандидатской диссертации (s. 66). В университетах России степень кандидата давалась студенту, показавшему при проведении выпускных испытаний отличные знания, блеснувшему особыми способностями в одном из вопросов и написавшему ра-

боту. Руколь звали Бася Менделевна, а не Варвара (s. 67), а академик Н.С. Державин никогда не был Державиным (s. 106 и др.). В МГУ никогда не было института (zakład) южных и западных славян и его совета, а только кафедра истории южных и западных славян (s. 246–247). И под-сказка: профессора Фомина звали Василием Тимофеевичем (s. 363), он занимался и историей Польши.

Возвращаясь к обещанному выводу, полагаю, что Я. Шумский находится на распутье. Он не явный политолог-россиевед, но и не чистый историк-русист, для которого источник является материалом для анализа, а не для пересказа. Тем не менее, работа заслуживает внимания, прежде всего по причине новизны темы и использованного для ее раскрытия обширного корпуса источников.

© 2016 г. Г.Ф. Матвеев

Славяноведение, № 5

E. GILBERT. Az együttérzés irodalmi és vonzatai. Budapest, 2014. 216 s.

Э. ГИЛБЕРТ. Литература и среда сопереживания

Книга венгерского литературоведа Эдит Гилберт продолжает серию ее монографий, посвященных интерпретации текста в актуальном социокультурном контексте. Фактически она представляет собой сборник эссе, написанных автором за истекшие несколько лет. Объектом внимания являются самые разные литераторы, как венгерские, так и российские, как современные нам, так и творившие в начале прошлого века. Так, в фокус внимания исследовательницы попадают такие разные авторы, как Михаил Булгаков и Магда Сабо, Валерий Брюсов и Иштван Турци, Ален Польц и Людмила Улицкая. У книги, тем не менее, есть связующее звено, которое объединяет все на первый взгляд разрозненные фрагменты в единое целое и в то же время диктует книге мозаичный принцип построения.

В целом автор, несомненно, тяготеет к постмодернистской трактовке дискурса как открытого образования, получающего окончательную завершенность лишь в сознании конкретного читателя – в этом смысле каждый литературный текст существует во многих вариантах, которых ровно столько же, сколько читателей этого текста. Вместе с тем, в отличие от классической постмодернистской позиции, процесс чтения понимается исследовательницей достаточно рационально, являя собой не деконструкцию текста, но со-творчество и сотрудничество. На первый план

выходит диалог читателя и автора, а «правильное» чтение предстает как успешная коммуникация, где стороны равноправны, а процесс являет собой акт взаимопознания, в результате которого происходит взаимное обогащение и развитие контактирующих персон. Естественным условием такой коммуникации является взаимное усилие сторон понять друг друга, поэтому авторский текст остается значимой единицей, которая имеет собственную, пускай нежесткую, структуру. Другое дело, в силу субъективности читательского восприятия эта структура познается разными путями, так как каждый начинает диалог лишь с учетом общности пресуппозиций. Тем самым творчество в концепции Э. Гилберт раскрывается через метафору пути – от автора к читателю в процессе создания текста и от читателя к автору в процессе его рецепции. Суммируем: чтение в данной парадигме является не просто «прогулкой по тексту», но именно путем и поиском. Этот процесс имеет свой вектор и свой результат, каковым становится духовное развитие читателя. Литературный текст в интерпретации автора очень близок сакральному, прямой границы между ними не существует.

По мысли Э. Гилберт, одними из основных функций такого широко понимаемого творчества являются воспитательная и «терапевтическая», когда в процессе проживания моделируемого фрагмента

действительности происходит коррекция мировоззренческих установок реципиента. Равным образом и литературоведение, как научная либо учебная дисциплина, по мысли автора, несет воспитательную функцию. Специалист по литературе выступает человеком, который призван стимулировать и направлять духовное развитие читателей. Любая интерпретация имеет право на существование, в этом смысле все прочтения текста равноправны в силу общего равноправия людей – однако интерпретация человека, обладающего дополнительными знаниями о литературе, отличается большей цельностью и упорядоченностью. Более того, специалист может и должен повысить цельность и упорядоченность восприятия у реципиентов текста на этот раз уже литературоведческого. Суммируем: собственно литературный текст несет «терапевтическую» функцию, а текст металитературный является своеобразным катализатором «терапевтического» воздействия литературного текста, призванным усилить его глубину и эффективность и сделать путь читателя к тексту менее темным и запутанным.

Как мы уже писали, авторская позиция определяет структуру книги и характер тем, в ней затронутых. Книга чрезвычайно мозаична по своей структуре и очень пестра по составу персоналий, чье творчество в той или иной степени затрагивает венгерская исследовательница. Несмотря на это, издание хорошо скомпоновано и отдельные тематические блоки плавно перетекают друг в друга, образуя единое целое.

Книгу открывает Введение, в котором Э. Гилберт излагает сущность своей концепции. В разделе «Библиотерапия и прагматика чтения» автор касается таких уже упомянутых выше проблем, как функция литературы, разница между любительским/профессиональным прочтением, а также предназначение занятий по литературе. На смену данному тематическому блоку идут главы, посвященные роли женщины в литературе и женской литературе как таковой (на примере творчества М. Сабо, К. Тот, также Л. Улицкой и Ю. Вознесенской – сопоставительному анализу творчества двух последних писательниц посвящена в данном тематическом блоке отдельная глава).

Собственно литературоведческий анализ сочетается в книге с социокультурными рефлексиями, к рассмотрению привлекаются не только литературные произведения, но и работы по социологии,

а также фрагменты публичных выступлений. Более того, часто рассматриваются не собственно тексты, но научные и научно-популярные мероприятия: конференции, семинары, мастер-классы. Любой дискурс имеет для исследовательницы ценность в силу своей актуальности и близости личному видению мира.

Продолжением глав по женской литературе служит эссе, посвященное поэзии И. Турци и специфике концептуализации в его творчестве оппозиции мужское/женское, здесь Э. Гилберт меняет угол зрения и отдельно разбирает пример творчества, подчеркнута маскулинно окрашенного. Далее автор вновь возвращается к женской литературе, сопоставляя творчество Л. Улицкой на этот раз с прозой венгерской писательницы М. Сабо в плане степени автобиографичности и «женскости» их прозы. Здесь находит свое выражение тема, намеченная еще в главе о Л. Улицкой и Ю. Вознесенской – тема влияния культурной среды и мировоззренческих установок на творчество конкретного автора. Любой писатель творит в рамках своей национальной традиции и под воздействием духовной доктрины, господствующей в его государстве. Он может сливаться с ней либо сопротивляться ей, однако в любом случае полностью освободиться от влияния извне писатель не в силах, и тем интереснее сопоставлять развитие близких тем в творчестве авторов, принадлежащих к разным культурным традициям.

Важной для Э. Гилберт представляется оппозиция мультикультурность/монокультурность (открытость/закрытость). В книге основным репрезентантом первого, т.е. творчества открытого и поликультурного, является Л. Улицкая. Типичным представителем второго, принципиально монокультурного, типа творчества становится М. Сабо. Э. Гилберт как реципиент литературы отдает явное предпочтение первому пути.

Рефлексии на тему лично окрашенного творчества продолжает глава, посвященная анализу способов моделирования искренности в литературе и эстетических функций подобного дискурса. Далее следует тематический блок, посвященный проблеме жанра утопии/дистопии в литературе, который плавно перетекает в рассмотрение чеховской темы в современной российской литературе. Исследовательница сопоставляет взгляды на чеховское наследие В. Ерофеева и А. Мелихова, где первый отрицает актуальность че-

ховской традиции, а второй, напротив, ее утверждает – сама Э. Гилберт подчеркнуто соглашается со вторым. После этого автор книги на материале творчества Л. Чуковской и Г. Владимова переходит к рассмотрению лагерной темы в русской литературе, затем следует ряд статей, посвященных различным аспектам творчества Л. Улицкой. Творчество Л. Улицкой как объект исследования является стержневым в книге Э. Гилберт – оно является как бы основой для сопоставления в разнообразных литературных параллелях. По большому счету, данная писательница представляет собой главного собеседника Э. Гилберт, с которой та соотносит собственные взгляды – чаще соглашаясь, реже выступая с умеренной критикой.

Вышеуказанные главы сменяют эссе о театре и кино, а также статьи, посвященные переводу как форме межкультурного диалога – сюда относятся статьи о проблеме синхронного перевода и о концептуальной сущности перевода художественного. Им на смену приходят эссе о творчестве трех писательниц: Л. Улицкой, А. Польц и К. Тот, после чего Э. Гилберт в отдельной статье вновь сопоставляет творчество Л. Улицкой и М. Сабо.

Отдельно отметим специфику авторского стиля: это изложение не строго научного, но эмоционально-эссеистического толка. Э. Гилберт стремится к детальному анализу литературного произведения, но неизменно пропускает его сквозь горнило собственного жизненного и культурного опыта. Столь же субъективно ориентирован язык, которым книга написана – он достаточно эмоционален, насыщен эпита-

тами, риторическими фигурами, экспрессивно окрашенной лексикой.

Книга адресована достаточно широкому кругу читателей – как специалистам, так и неспециалистам, которые придерживаются позиции «активного чтения». В России данное издание может быть интересно в силу того, что в нем сопоставляются факты литератур на первый взгляд разных, но по сути чрезвычайно ментально близких – венгерской и русской. Имена, прецедентные в контексте одной литературы, являются недостаточно известными или неизвестными в контексте другой. Их соположение и включение в орбиту совместного рассмотрения во всем богатстве взаимных схождений и различий придает анализу цельность и одновременно рельефность, позволяет по-новому осветить круг рассматриваемых социально-философских проблем. Характер проблематики, которая красной нитью пронизывает всю ткань авторского изложения, является чрезвычайно актуальным в контексте современного общества, затрагивая наиболее острые, болевые его точки, в связи с чем книга Э. Гилберт выходит за рамки собственно литературоведческой эссеистики и может быть интересна и полезна любому, кто в целом пытается осмыслить процессы, протекающие в современном обществе и, в частности, роль литературы и культуры как конституирующего фактора в эту непростую эпоху.

© 2016 г. *Д.Ю. Ващенко*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, ПОЛЬША В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (К 50-ЛЕТИЮ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ)»

В 2015 г. Комиссия историков России и Польши отметила 50-летие. Юбилею была посвящена российско-польская конференция (Москва, 23–25 июня 2015 г.), в работе которой с польской стороны приняли участие ученые из Института истории науки ПАН, Института истории ПАН, Варшавского университета, Университета им. Юзефа Кохановского (Кельце), Люблинского католического университета им. Иоанна Павла II, а также представители Кассы им. Юзефа Мянковского (Фонд поддержки науки). С российской стороны с докладами выступили 24 человека, представлявшие ведущие научные учреждения Российской академии наук исторического профиля: Институт славяноведения РАН, Институт российской истории РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт социально-политических проблем РАН, а также Государственный музей-усадьбу «Остафьево» – «Русский Парнас», Московский государственный университет, Московский областной государственный университет, Российский национальный исследовательский университет (Высшая школа экономики). В пленарных заседаниях конференции приняли участие специалисты по отечественной и всеобщей истории, историки-полонисты, литературоведы, правоведы представители вузовской и педагогической общественности, аспиранты и студенты московских вузов. В проведении конференции финансовое и организационное содействие оказал Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия».

На открытии конференции в обращенном к участникам вступительном слове сопредседателем Комиссии с российской стороны академик РАН *Н.А. Макаров* отметил, что 50-летие Комиссии историков России и Польши – несомненно, знаменательное событие. По его словам, за все минувшие годы «ее главной задачей стало всестороннее развитие сотрудничества российских и польских ученых, расширение и обогащение общего для обоих наших народов потенциала исторических знаний. Объективной основой для этого стали потребности развития самой исторической науки, общность исторических судеб народов России и Польши, независимо от политических и идеологических императивов своего времени». Во вступительном слове председателя польской части Комиссии профессора *Л. Заитовта*, в частности, отмечалось, что «работа Комиссии могла бы также послужить выражением атмосферы дружеского научного партнерства, которая характеризует отношения между российскими и польскими учеными. Возникающие разногласия и острые дискуссии – неотъемлемая часть подлинного научного творчества. Они естественно присутствуют и в работе Комиссии, однако никогда не служили поводом для неприязни и недоброжелательности. Подлинные отношения научной и человеческой тактичности будут присущи нашей совместной работе и сегодня, и в дальнейшем».

Заслушанные на конференции доклады и развернувшаяся дискуссия группировались вокруг пяти основных проблемных комплексов: 1) История комиссии и ее роль как в развитии научного сотрудничества России и Польши, так и в общественно-политической жизни двух стран. 2) Выдающиеся историки двух стран, внесшие существенный вклад в работу Комиссии. 3) Разработка в российской и польской историографии вопросов исторического взаимодействия народов России и Польши (Изучение нашей общей истории). 4) Проблемы исторического знания и «исторической памяти» в общественном

сознании России и Польши. 5) Проблемы исторического взаимодействия культур России и Польши, российско-польское культурное сотрудничество на современном этапе. Названные вопросы в большей или меньшей мере нашли освещение во всех без исключения заслушанных докладах.

Истории становления Комиссии были посвящены доклады *Я. Шумского* (Варшава) и *Л.П. Марней* (Москва). Центральным тезисом Шумского стало положение о том, что уже с середины 1950-х годов главная роль в создании Комиссии историков двух стран перешла от представителей «историко-партийной догматики» к специалистам по гражданской истории и от сугубо партийных органов к учреждениям академий наук двух стран. Первоначально это было связано с планами издания документов по истории Польского восстания 1863 г. и советско-польских отношений. Л.П. Марней указала, что непосредственным стимулом к образованию Комиссии историков послужили выработанные вследствие преодоления социалистическими странами кризиса 1956 г. новые принципы межгосударственных отношений в рамках социалистического лагеря. В решающую и одновременно практическую стадию работа по созданию Комиссии вступила в середине 1960-х годов. Инициатива в этой области принадлежала польским ученым, видную роль при этом сыграл академик ПАН Хенрик Яблоньский. Формирование Комиссии прошло в два этапа: первый – январь–июль 1965 г., когда была образована ее польская сторона во главе с Хенриком Ловмянским. Второй – 1967 г., когда Президиум АН СССР утвердил состав ее советской части во главе с Б.А. Рыбаковым. В дискуссии было поддержано мнение, что, хотя в основе замысла создания Комиссии лежал курс правящих коммунистических партий «на поддержку в Польше марксистско-ленинского направления в исторической науке», однако весьма существенная роль в ее организации и определении направлений деятельности принадлежала и академической исторической науке, для которой главной задачей было развитие исторических исследований, хотя и в русле марксистской методологии. Выступавшие в дискуссии также отмечали, что во главе Комиссии стали видные археологи и историки-медиевисты, а это в свою очередь подчеркивало приоритет в деятельности комиссии научного академического направления по сравнению с партийно-идеологическим, хотя, разумеется, фундаментальные принципы марксизма-ленинизма оставались основополагающими. Различные стороны деятельности Комиссии были освещены в докладах *Н.А. Макарова*, *В. Цабана* (Кельце) и других участников. Видное место принадлежало докладам, посвященным российским ученым, внесшим значительный вклад в изучение истории Польши – доклады *И.И. Шарифжвнова* (Казань), *Г.В. Макаровой* (Москва), *А.Л. Хорошкевич* (Москва).

Рассмотрение на конференциях круга проблем, посвященных историческому взаимодействию народов России и Польши и их месту в работе Комиссии, занимало одно из центральных мест в большинстве докладов на конференции. По традиции начало было положено проблемами по истории Средних веков. При этом докладчики неизменно исходили из того, что как для польской, так и для российской историографии рубеж между медиевистикой и историей раннего Нового времени носит достаточно условный характер. Средним векам были посвящены доклады *Н.А. Макарова*, *И. Грали* (Варшава), *С.М. Каштанова* (Москва). По словам *И. Грали*, 1970-е годы стали «периодом расцвета медиевистики» в трудах Комиссии. Важным достижением тех лет в этой области было участие в ее работе ученых из Белоруссии, Литвы, Украины. Распад СССР ослабил медиевистическое ядро Комиссии, на рубеже 1990-х годов изменилась и ее общественно-политическая роль в целом. Все это в условиях кадровых перемен привело к тому, что с конца 1980-х годов на первое место в Комиссии вышли проблемы общественных и культурных связей XIX–XX вв. Наиболее негативными последствиями кризиса 1990-х годов, связанными к тому же с отсутствием финансирования деятельности Комиссии, по словам докладчика, стали закрытие проекта издания Литовской метрики и практическое исчерпание кадрового резерва специалистов в области истории польско-русских связей в Средние века. Медиевистическая проблематика была в центре внимания в посвященном Борису Александровичу Рыбакову докладе *Н.А. Макарова*. Он в частности, подчеркнул, что одним из важнейших вкладов Рыбакова в науку был его метод, согласно которому, «исторические проблемы тот стремился решить на основе археологических материалов». Однако, замечал докладчик, это несомненное достижение, ставшее в современной науке основополагающим методом, нередко вступало в научном творчестве Рыбакова в противоречие с методикой археологического источниковедения, за что тот подвергался обновленной критике. Эти научные принципы Рыбакова близки научной методике Х. Ловмянского. Общей для обоих ученых была исследовательская проблематика Древней Руси и Древней

Польши, возникновения и первых веков славянской государственности. Важнейшим их вкладом в науку стало изучение роли языческих культовых центров в генезисе государственности и в переходе древнеславянских обществ от варварства к цивилизации. Проблемам Средневековья был также посвящен доклад *С.М. Каштанова*, который сосредоточил внимание на вопросах источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, а именно на дипломатике. Он показал, что русская историография в этой области периода своего зарождения (конец XVIII – первой трети XIX в.) ориентировалась преимущественно на немецкую и польскую школы, в первую очередь на воззрения И. Лелевеля. В дальнейшем эта связь была прервана и возродилась она уже во второй половине XX в., в частности в трудах Анджея Поппе и его последователей.

В дискуссии по докладам отмечалось, что проблемы средневековой истории славян приобретают ныне особую актуальность в свете бытующих ныне различного рода сомнительных теорий «этнообразования» и концепций «раннего генезиса наций», в частности у славянских народов. Проблемы медиевистики также выходят на первый план в свете различного рода цивилизационистских концепций и культурного противостояния Востока и Запада. В связи с проблемами, поставленными Н.А. Макаровым, было отмечено особое значение исследования языческой культуры древних славян, что играет важную роль в понимании объективного социально-политического и культурного содержания процессов христианизации, а также в понимании на современном этапе претензий церкви на безраздельное господство в сфере общественного сознания и культуры. По поводу доклада С.М. Каштанова *Ю.М. Эскин* (Москва) заметил, что с материалами Российского государственного архива древних актов активно работают польские историки, что их интерес к средневековым материалам Литовско-Русского государства, включая и Смоленщину, продиктован также характерным для польской исторической мысли тезисом о цивилизаторской роли державы Ягеллонов в Восточной Европе и о границах польского политического и культурного влияния на Востоке.

Эти проблемы, поставленные применительно к истории Средневековья, находились и в поле зрения в докладах, посвященных эпохе раннего Нового времени (XV–XVIII вв.). Начало было положено докладом *М.В. Дмитриева* (Москва) «Спорные вопросы истории украинско-белорусских земель Речи Посполитой (XVI–XVII вв.) в российской и польской историографии». В основе существующих разногласий, как отмечал докладчик, лежит старый политический и историографический спор, восходящий к борьбе за так называемое наследие Киевской Руси. Однако на современном этапе он, с одной стороны, приобретает все более социокультурное измерение, а с другой – в центре дискуссии все более и более становятся проблемы «белорусской и украинской идентичности», особенно с точки зрения ее конфессиональной и культурной составляющей. Доклад *Б.Н. Флоры* (Москва) был посвящен новейшей российской историографии Смоленской войны 1632–1634 гг., в нем отмечалось, что авторы новейшего времени направляют главное внимание на внутреннюю историю России, в частности на предпосылки военных реформ. Вместе с тем Смоленская война представляет немалый интерес и с точки зрения польской истории, так как именно она в известной мере продемонстрировала пределы шляхетской экспансии Речи Посполитой на восток. В связи с этим Б.Н. Флоря отметил особую важность совместной разработки и введения в научный оборот архивных материалов по истории XVII в. из российских и польских архивных собраний, в частности по истории российско-польского пограничья. Поднятые Б.Н. Флорей проблемы были рассмотрены применительно для последующих периодов в докладах *К.А. Кочегарова* (Москва) «От соперничества к союзу: русско-польские отношения во второй половине XVII – начале XVIII века в освещении историков России и Польши» и *Б.В. Носова* (Москва) «Речь Посполитая XVIII в. в российской историографии». Центральными тезисами их выступлений было положение, что для исследования в этой области российская и польская историческая наука обладает как общей и нераздельной источниковой базой, так и во многом общей историографией, несмотря на ряд принципиальных расхождений в оценках между российской и польской историографическими школами.

Своего рода переходом от истории раннего Нового времени к проблемам истории Польши и России XIX – начала XX в. послужил доклад *Г. Лашкевича* (Люблин), посвященный аграрной истории Польши Нового времени в советских и польских исследованиях 1945–1991 гг. и развернувшейся в связи с этим дискуссии о специфике феодализма в Центральной и Восточной Европе, о сочетании представлений о многоукладной экономике и формационной теории, о путях развития капитализма и формах разрешения крестьянского вопроса. Вместе с тем, как показал докладчик, в новейших исследованиях

по аграрной истории анализ социально-экономических и социально-политических процессов развития постепенно заменяется наблюдениями над процессами социокультурной эволюции села и польского крестьянства, его специфического самосознания. Субъективизм подобного подхода в гипертрофированном виде проявляется в распространенном мнении современной публицистики, что социально-психологический облик крестьянства имманентно определяется крепостническим сознанием. Тема эволюции социального статуса и социальной психологии польского крестьянства в пореформенный период XIX в. была раскрыта в докладе *М.А. Крисань* (Москва). Главным ее тезисом стало утверждение, что в последней трети XIX в. польское крестьянство трансформировалось из податного сословия времен разделенной Польши в аграрный класс индустриального общества, обладающего современными правовыми и социальными институтами и политическим представительством. А это в свою очередь послужило одной из фундаментальных основ возрождения польской государственности в 1918 г.

Социально-политической истории Польши и России в XIX в. были посвящены доклады *О.С. Каитановой* (Москва) «Персонализация власти: великий князь Константин Павлович в российской и польской историографии», в котором автор пришла к выводу, что взаимодействие правящих верхов и аристократических элит России и Королевства (Царства) Польского свидетельствует, что династическая уния России и Польши была основана не только на внешних военно-политических факторах, но и на социальной и сословной близости российского и польского дворянства, российской и польской бюрократии первой трети XIX в. *В. Цабан* и *Ст. Вех* (Кельцы) проанализировали вклад келецкого научного сообщества в развитие исследований истории польско-российских отношений в XIX в. Главное внимание ими было уделено формам и методам осуществления российской власти на польских землях на основе изучения функционирования административного, военного и полицейского аппаратов. Вместе с тем важным выводом докладчиков стало утверждение о высокой степени социальной интеграции польского и российского обществ в рамках империи, хотя между ними и сохранялась весьма существенная граница, которая контролировалась как административно и политически, так и со стороны польского национально-освободительного движения. О развитии исследований по истории России XIX в. говорилось в докладе *З. Опайко* (Гданьск), который, в частности, отметил, что их особенностью в Историческом институте Гданьского университета стало формирование ряда научных школ, объединяющих студентов, магистрантов, докторантов, преподавателей и профессоров.

Центральное место в работе конференции, несомненно, принадлежало проблемам XX ст. и вопросам современности, которые в последние годы в Польше неизменно остаются предметом острых общественных дискуссий и существенно осложняют российско-польские межгосударственные отношения. Условно этот проблемный блок можно поделить хронологически на периоды межвоенной Польши (1918–1939), Второй мировой войны (1939–1945) и послевоенный период (с 1945 г. и вплоть до наших дней). Вопросы изучения межвоенного периода были рассмотрены в докладах *Г.Ф. Матвеева* (Москва) «Юзеф Пилсудский в советской и российской историографии»; *Ю.А. Борисенка* (Москва) «От белого до красного царизма. История России в концепции польского историка Яна Кухажевского». Говоря о его авторе, докладчик отметил, что тот в равной мере принадлежал к русской и польской культуре, а его произведение, отражая воззрения консервативной польской интеллигенции и будучи пропитано контрреволюционной идеологией в сочетании с сочувствием польскому освободительному движению, оказало существенное влияние на современную польскую историософию и западную советологию, с учетом идейных и концептуальных трансформаций последней после крушения СССР. Рассматривая суждения отечественной историографии о Пилсудском, Г.Ф. Матвеев выделил ряд периодов, в которые под влиянием общественно-политических процессов изменялись суждения политиков, публицистов и историков. При этом докладчик подчеркивал, что даваемые маршалу оценки в литературе не всегда совпадали с характеристикой его политики и того политического режима, который Пилсудский персонафицировал. Воззрения новейшей историографии, по словам докладчика, формируются, начиная с 1990-х годов (работы *В.С. Парсадановой*, *М.Н. Бобрик*, *Г.Ф. Матвеева* и др.), когда российские историки выдвинули в оценке Пилсудского на первый план национальную идею возрождения Польши и его стремление средствами как внутренней, так и внешней политики гарантировать сохранение польского государства. Одновременно российская историография подчеркивала элементы культа личности Пилсудского, что позволяло «начальнику государства» дистанцироваться от конкретной политики установленного им правящего режи-

ма, что нашло выражение не только в межвоенной Польше, но и в польской политической мысли и последующих времен. В дискуссии по докладу Г.Ф. Матвеева отмечалось, что определенный интерес представляет отношение к Пилсудскому польских социалистов, партия которых (ППС) неизменно выступала за Пилсудского, но – против политики его правительства и режима санации (*И. Граля*). Говоря об оценке диктатуры Пилсудского в советской историографии второй половины XX в., следует указать, что впервые она подверглась пересмотру в 1960-е годы, когда государственный переворот 1926 г. в Польше был охарактеризован советскими историками не как «фашистский», а как «военно-авторитарный» (*И.С. Яжборовская*).

В обсуждении доклада Ю.А. Борисенка говорилось, что перевод и издание труда Кухажевского в России имеет большое значение для современной российской исторической и политической мысли, так как его предмет по существу представляет собой интерпретацию истории русского освободительного движения (дворянского и разночинского периодов). Примечательно то, что мысли автора оказались весьма созвучны современным нелиберальным концепциям в России (Я.В. Соловьев). В сочинении Кухажевского видна характерная грань между так называемой «русофобией» и контрреволюционной анти-советской идеологией, что составляло основу либерального мировоззрения Серебряного века (периода после Первой русской революции) (*Л. Заумов, З. Онацкий*).

Обращаясь к рассмотрению докладов, посвященных второй половине XX в. и современному этапу, можно уверенно утверждать, что в центре их внимания были проблемы развития науки, просвещения и общественной мысли. О связи исторической науки и народного просвещения говорили: *И. Шиллер-Валицкая* (Варшава) в докладе «Проблемы истории народного просвещения и специального образования в трудах Комиссии Польши и России» и *В.Н. Захаров* – «Освещение истории Польши в российских учебниках во второй половине XX – начале XXI в.». Иоанна Шиллер-Валицкая отметила, что за полвека Комиссия историков провела 14 конференций, посвященных проблемам образования и науки (немногим более трети их общего числа). Такой интерес, констатировала докладчица, не случаен, ибо сфера народного просвещения и науки одна из важнейших сфер социальной жизни, отражающая развитие общества в целом, его интеллектуальный потенциал, определяющий тенденции и перспективы развития. С другой стороны, она играет ключевую роль в процессе социализации, в передаче исторического опыта в процессе смены поколений. В.Н. Захаров указал на, казалось бы, парадоксальный факт, что история Польши мало представлена в российских школьных учебниках по всеобщей истории, в то время как она больше находит отражение в курсе истории России. Это объясняется тем, что польская и отечественная история тесно связаны между собой, что понять историю друг друга без сопоставления важнейших событий и процессов невозможно. Это следует учесть, подчеркивал докладчик, при подготовке «единого российского учебника», в задачах коллектива авторов учебника следует предусмотреть и создание (в узких дидактических рамках) объективного образа Польши.

Развитию современных исследований по истории взаимоотношений России и Польши были посвящены доклады: *А. Марковского* (Варшава) «Польские и российские евреи в историографии Польши и России XX в.»; *С.М. Фалькович* (Москва) «История Польши и российско-польских отношений Нового времени в комплексных трудах ученых Института славяноведения РАН (конец XX – начало XXI в.)»; *М. Волоса* (Краков) «Совместные польско-российские издания документов по истории отношений между двумя странами в XX столетиях»; *А.Ф. Носковой* (Москва) «О некоторых новых документальных проектах и публикациях по истории советско-польских отношений в годы Второй мировой войны». Все эти доклады отражают широкий спектр научных проблем, представляющих фундаментальный взаимный интерес для историков России и Польши, для изучения российско-польских отношений. Однако эти доклады объединяют две существенные черты. Во-первых, они посвящены тем темам и проблемам, которые мало освещались в историографии, а это свидетельствует о существенном расширении поля совместных исследований. Во-вторых, на первое место в развитии исторической науки, начиная с 1990-х годов, выходит задача существенного расширения источниковой базы, что решается путем ряда публикаций архивных материалов, хранящихся как в России, так и в Польше. Проблемам исторической мысли и вопросам их преломления в современной политике были посвящены доклады *Л.С. Лыкошиной* (Москва) «Формирование национальной идентичности и образ России в общественной мысли современной Польши» и *И.С. Яжборовской* (Москва) «Историческая мысль рубежа XX–XXI вв. о верификации подходов к изучению истории двусторонних российско-польских отношений».

Важное место в работе конференции принадлежало проблемам изучения взаимодействия процессов исторического и культурного развития. Не отождествляя историю и культуру, следует все же отметить, что особенность культурных ценностей состоит в том, что, возникнув в процессе исторического развития, они не уходят в прошлое вместе с разрешением противоречий, или социальных движений, их породивших, а органически включаются в последующие процессы развития, с одной стороны, сохраняя свои свойства, а с другой – наполняясь новым содержанием. Вопросам истории и культуры было посвящено заключительное пленарное заседание, проведенное в Государственном музее-усадьбе «Остафьево» – «Русский Парнас». Здесь, в частности, был заслушан доклад *Л. Заштовта* (Варшава) «Политика и стереотипы. Польско-российские отношения в XIX столетии. Оптимистические размышления». Обращение автора к XIX веку отнюдь не означает, что рассмотренная им проблематика носит частный или хронологически ограниченный характер. Поставленные им вопросы являются универсальными и современными, поскольку именно в XIX ст. завершается процесс формирования польской и русской национальной культуры, а следовательно, сформированные к этому времени стереотипы приобретают устойчивый и долговременный характер. Новаторским в подходе *Л. Заштовта* к проблеме стереотипов стал тезис, что устойчивые стереотипы обретали различное содержание и форму в зависимости от образовавшей их социальной среды и сферы бытования. В качестве центрального объекта исследования докладчик избрал стереотип «русификации» как одно из интегральных представлений, отражающих взаимоотношения поляков и русских. Именно ему было уделено главное внимание в дискуссии с точки зрения его объективного содержания и бытующих субъективных представлений. С российской стороны проблема стереотипов была рассмотрена в докладе *Л.Е. Горизонтова* (Москва). По его мнению, имагология (изучение стереотипов восприятия) открывает путь к многоцветной картине прошлого, позволяет исследовать соотношение этнических стереотипов и исторической действительности. Проблема стереотипов в определенной мере получила развитие в докладе *З. Вуйчика* «Исследования польскими учеными Сибири после Второй мировой войны». Доклад *Е.И. Княжевой* «Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас» в контексте российско-польских культурных связей» был посвящен истории польских связей *П.А. Вяземского*, с именем которого связано именование Остафьево, ставшее музеем и материальным воплощением плодотворного общения и взаимодействия польской и русской культуры. Эта тема, на примерах медальерного искусства, получила развитие в докладе *А.С. Коршикова* и *О.П. Боровик* (Москва) «История русско-польских отношений в памятных медалях из фондового собрания Государственного музея-усадьбы «Остафьево». *А.С. Коршиков* подчеркнул, что медальерное искусство как явление культуры в специфическом виде является отражением эпохи и в этом смысле служит также и историческим источником, памятником культуры и средством пропаганды (распространения) общественной мысли. При этом медали-плакеты как произведение малой пластики служат своего рода мостом от «больших» форм публичного искусства к малым формам, предназначенным для бытования в среде индивида, ориентированным на личное обладание и восприятие. Расцвет медальерного искусства берет свое начало в Польше XVII в., а в России в XVIII в. Оно с самого начала носило общеевропейский характер и было одним из свидетельств включения наших стран в общеевропейское культурное пространство.

Организация посвященной юбилею Комиссии историков России и Польши конференции в Москве стала важным свидетельством прочности российско-польского научного сотрудничества, важности пропаганды его традиций и доказательством значимости общественных и культурных связей между народами России и Польши. Развитие научного сотрудничества между историками и специалистами в области гуманитарных наук предполагает сопоставление и анализ важнейших тенденций в развитии российской и польской историографии с позиций национальных историографических школ на основе принципов научной объективности, что в наши дни приобретает как научное, так и общественное значение.

© 2016 г. *Б.В. Носов*

К ЮБИЛЕЮ ЕЛЕНА ПЕТРОВНА АКСЕНОВА

26 апреля свой юбилей отметила Елена Петровна Аксенова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, многолетний ученый секретарь «Славянского альманаха», плодотворный исследователь-славист.

В 1970 г., через год после окончания Московского государственного историко-архивного института, Е.П. Аксенова поступила на работу в Институт славяноведения и балканистики АН СССР, где, если не учитывать внешние и внутренние трансформации этого научного учреждения, непрерывно работает вплоть до сегодняшнего дня. В 1981 г. она поступила в заочную аспирантуру Института и уже в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию «История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в русской революционно-демократической периодике 50–60-х гг. XIX в.».

В рамках научно-исследовательской деятельности Е.П. Аксенова обращалась и обращается к самой разной проблематике. Наиболее пристальное внимание юбиляр уделяет изучению истории славистики. Важное место в научных интересах Е.П. Аксеновой занимает исследование славянской идеи в русской общественной и философско-религиозной мысли, как и проблематика Русского зарубежья (на материале славянских стран). В виде отдельных книг вышли две работы Елены Петровны: «Очерки из истории отечественного славяноведения, 1930-е годы» (М., 2000) и «А.Н. Пыпин о славянстве» (М., 2006).

Именно благодаря Е.П. Аксеновой в научный оборот был введен ряд ценных источников из эпистолярного наследия ученых И.О. Панаса, К.А. Пушкаревича, А.В. Флоровского и др. Е.П. Аксенова принимала активное участие в работе над широко известными библиографическими словарями «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979) и «Славяноведение в СССР: Изучение южных и западных славян» (New York, 1993).

Любовь Е.П. Аксеновой к месту работы в полной мере проявилась и при подготовке сборника воспоминаний сотрудников «Как это было...» (М., 2007), приуроченного к 60-летию Института славяноведения. Она явилась составителем, ответственным редактором, а также автором предисловия и мемуарной статьи.

Всего Е.П. Аксеновой было опубликовано свыше 100 работ, которые увидели свет в журнале «Славяноведение», «Славянском альманахе», институтских и внеинститутских сборниках, а также в зарубежных изданиях. Все работы Е.П. Аксеновой основаны на тщательном изучении источников и литературы и, как правило, содержат в себе ранее не публиковавшиеся или малоизвестные документальные сведения.

Как уже было отмечено, Е.П. Аксенова много сил уделяла редактированию «Славянского альманаха», долгие годы являясь ученым секретарем данного первоначально ежегодного издания. В 2015 г. «Славянский альманах» стал полноценным журналом, в результате чего повысилась периодичность и появилась собственная редакция. В новых условиях именно Елена Петровна наставляет молодых коллег, щедро делясь с ними профессиональными тонкостями.

В качестве преподавателя Е.П. Аксенова, много лет читает лекции по истории славяноведения аспирантам Института. Помимо основного места работы Е.П. Аксенова также преподает свой предмет в Государственной академии славянской культуры.

Профессиональная эрудиция, подлинная интеллигентность, глубокая порядочность и другие замечательные личные качества юбиляра по праву завоевали авторитет в коллективе Института. От имени коллег Елены Петровны хочется пожелать ей крепкого

здоровья и новых творческих успехов. Несомненно, что российское славяноведение продолжает существовать вопреки всем невзгодам исключительно благодаря таким квалифицированным и добросовестным ученым как Е.П. Аксенова.

© 2016 г. М.Ю. Дронов

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Елене Петровне здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 5

К ЮБИЛЕЮ ИГОРЯ ИВАНОВИЧА КАЛИГАНОВА

Первого марта 2016 г. исполнилось 70 лет Игорю Ивановичу Калиганову – видному российскому слависту-литературоведу, доктору филологических наук, профессору, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН, основателю и многолетнему руководителю факультета филологии и кафедры славянских языков и культур Государственной академии славянской культуры (ГАСК).

Со студенческой скамьи Игорь Иванович выбрал славистику. В 1971 г. он успешно сдал в Москве вступительные экзамены в очную аспирантуру при Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

Как ученый И.И. Калиганов сформировался во многом благодаря своим личным качествам и преданности избранному делу. Но всегда с особым пиететом он вспоминал ученых, оказавших влияние на его научное творчество – акад. Д.С. Лихачева, акад. Г.Г. Литаврина, доктора филологических наук А.Н. Робинсона. Для диссертации он выбрал относительно мало разработанную в науке тему, посвященную русским житийным сказаниям о болгарском юноше Георгии Новом, публично сожженном турками в Софии в 1515 г. за отказ принять ислам. В отечественных хранилищах находились тогда слабоизученные русские рукописные материалы о нем, порождавшие у славистов массу вопросов, которые перестали быть для науки загадкой после того, как И.И. Калиганов сумел обнаружить и проанализировать новые обильные рукописные материалы в русских, украинских и болгарских древлехранилищах. В 1976 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Повесть о Георгии Новом в болгарской и русской литературе XVI в.» и начал трудиться в Институте славяноведения. Постепенно ученый значительно расширил сферу своих научных интересов, которые стали распространяться на историю и культуру не только болгарского и русского, но и других славянских народов.

Монографии И.И. Калиганова – это итоговые исследования, суммирующие многолетние наблюдения автора. В научном активе ученого четыре солидные книги: «Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX – XVIII веков» (М., 1990, 528 с.; совместно с Д.И. Польшанским), «Георгий Новый у восточных славян» (М., 2000, 806 с.), «Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур» (М., 2006, 602 с.), «Проблемы истории и культуры славянских народов» (М., 2015, 480 с.).

Работы И.И. Калиганова отличает научная глубина, оригинальность постановки проблем, использование неожиданных ракурсов и способов рассмотрения проблематики. Исследования И.И. Калиганова неизменно вызвали большой научный резонанс как отечественных, так и зарубежных коллег. Труды ученого публиковались в Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Польше, Словении и др.

Увлеченность И.И. Калиганова самыми разнообразными аспектами истории и культуры славянских народов сочетались у него с верностью любимой теме. Защитив кандидатскую диссертацию о южнославянских и русских житиях Георгия Нового, ученый

обратился к возникновению и развитию культа софийского мученика у восточных славян как культурной парадигмы. Он начал разыскивать и изучать созданные в честь Георгия Нового на русской земле гимнографические сочинения, музыкальные песнопения, иконы. Одновременно продолжалась поисковая работа в российских архивах, ученым были открыты автографы двух русских писателей XVI в. – новгородского пресвитера Ильи, создавшего в 1539 г. русское сказание о Георгии Новом со слов афонских монахов, и псковского гимнографа Василия-Варлаама, написавшего русскую службу мученику в связи с его канонизацией на Московском церковном соборе 1549 г.

Все эти материалы были обобщены и изданы И.И. Калигановым в фундаментальном труде «Георгий Новый у восточных славян». В него вошли фототипическое издание автографов жития и службы Георгию Новому руки пресвитера Ильи и псковского монаха Василия-Варлаама, сводные критические издания названных русских памятников, тексты русских музыкальных песнопений мученику с расшифровкой их звучания, открытые ученые русские иконы Георгия Нового и многое другое. Рукопись этого труда была защищена И.И. Калигановым как докторская диссертация (1998).

Наряду с научной работой И.И. Калиганов много времени и сил отдавал совместным научным проектам с зарубежными учеными, в частности с Институтом литературы БАН, являлся членом двусторонней комиссии историков Болгарии и России, членом международного редакционно-издательского совета издания «Patrologia Slavica», международной редколлегии болгарского кирилло-мефодиевского вестника «АБВ» и российского периодического журнала «Вестник славянских культур».

Научно-исследовательскую работу Игорь Иванович успешно сочетал с педагогической деятельностью. С 90-х годов XX в. его преподавательская деятельность оказалась тесно связанной с Академией славянской культуры. По инициативе И.И. Калиганова в ГАСК была создана кафедра славянских языков и культур (2005). В этом вузе он получил звание профессора (1998), был избран деканом филологического факультета (2005–2014). Преподавательский талант И.И. Калиганова востребован и зарубежными вузами: он читал лекции в качестве приглашенного профессора в Италии, Чехии, Словакии и Болгарии. Публичная лекция «Принятие кирилло-мефодиевской просветительской эстафеты Болгарией от Великой Моравии в конце IX – начале X в.» прозвучала 24 февраля 2013 г. в Европейском парламенте в Брюсселе по случаю юбилея славянского первоучителя Мефодия.

По инициативе И.И. Калиганова в ГАСК в 2005 г. был создан возглавляемый им научно-исследовательский центр «ЭСТРИКА» (Славянские Культуры; Корни и Крона), проведший в общей сложности около 20 научных конференций с участием молодых и сложившихся ученых.

И.И. Калиганов был отмечен отечественными и зарубежными наградами. Упомянем только самые высокие из них: 1997 – Первая Макариевская премия в номинации «История русской церкви»; 2000 – орден «Стара-Планина» I степени – высшая президентская награда Болгарии для иностранцев; 2006 – почетный знак им. Марина Дринова – высшая награда Болгарской академии наук; 2006 – Международная премия свв. равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия; 2007 – «Почетный работник науки и техники РФ»; 2015 – почетный знак «Самарское знамя» (награда посольства Болгарии).

Ученники и коллеги ценят И.И. Калиганова за его организаторские способности, основательность и результативность в работе, широту научных интересов и оригинальностей идей, трудолюбие и ответственность.

От всей души поздравляя Игоря Ивановича Калиганова с замечательным юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, дальнейших успехов на научном и педагогическом поприще, благополучия и радости бытия!

© 2016 г. Е.С. Узенёва

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Игорю Ивановичу здоровья и творческих успехов.

Contents

ARTICLES

<i>Churkina I.V.</i> (Moscow). The role of Russophile sentiments in the making of Slovenian identity....	3
<i>Kirilina L.A.</i> (Moscow). Ideas of Trialism (the Yugoslavian version) in Austria-Hungary on the eve of World War One	18
<i>Anikeev A.S.</i> (Moscow). Yugoslavian political emigration in the Soviet plans of a coup d'état against Josip Bros Tito (1948–1952).....	31
<i>Selivanov I.N.</i> (Kursk). Talks between Edvard Kardelj and Anastas Mikoyan (June 1956) about the normalisation of the Soviet-Yugoslavian relations in the light of the Twentieth Congress of the CPSU.....	43
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). The Greek «weakest link» in the estimations and prognoses of the Soviet military intelligence: the «critical» year of 1969.....	54

REPORTS

<i>Grebenschikova G.A.</i> (St. Petersburg). To fight, or to be friends: in the track of a historical mystification. The problem of trustworthiness	64
<i>Sokolovskaya O.V.</i> (Moscow). A hero against the background of the epoch (the destiny of Mikhail Roschakovskij).....	71
<i>Icyer A.</i> (Moscow/Ankara). Serbia and Turkey during the Young Turk revolution.....	80

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). Aleksandr Kotlyarevsky – a Westerniser in the Russian Slavic Studies of the second half of the nineteenth century	85
---	----

REVIEWS

<i>Akimova O.A.</i> Hrvatsko glagoljaštvo u europskom okružju. Zbornik radova Međunarodnog znanstvenog skupa povodom 110. obljetnice Staroslavenske akademije i 60. obljetnice Staroslavenskoga instituta.....	96
<i>Gerd L.A.</i> L.J. Frary. Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844	101
<i>Kosik V.I.</i> M.B. Тортика (Лобанова). Между молотом европейской модернизации и наковальной евразийских империй: миражи центризма в социал-демократической практике Болгарии и России (конец XIX – начало XX ст.)	105
<i>Petrulina O.E.</i> Г. Даскалов. Гърция и македонският въпрос (1950–2000): българо-македонският синдром на гръцкия национализъм	107
<i>Kretinin S.V.</i> C. Weber. Krieg der Täter. Der Massenerschiessungen von Katyń	108
<i>Matveev G.F.</i> J. Szumski. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964.....	110
<i>Vaschenko D. Yu.</i> E. Gilbert. Az együttérzés irodalmi és vonzatai	115

SCHOLARLY LIFE

<i>Nosov B.V.</i> International scholarly conference «Russia in the Polish historical writing, Poland in the Russian historical writing (to the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)»	118
---	-----

JUBILEES

<i>Dronov M. Yu.</i> To the jubilee of Elena Petrovna Aksenova	124
<i>Uzeneva E.S.</i> To the jubilee of Igor Ivanovich Kaliganov	125

Сдано в набор 01.06.2016 Подписано в печать 16.08.2016 Дата выхода в свет 29.09.2016
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 2,0 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 190 экз. Зак. 492 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука»
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука») 121099, Москва, Шубинский пер., 6